

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики
СЛОВАЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩНОСТИ
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР**

Сборник статей

Москва 1994

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

СЛОВАЦКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы

Международное рекламно-информационное агентство
«Русская пресс-служба»

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩНОСТИ
~~СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР~~

Сборник статей

Москва 1994

Редакция: Ю. Богданов, Л. Будагова, Д. Дюришин, С. Леснякова, В. Хорев

Рецензенты: А. Машкова, к. ф. н., доцент МГУ им. Ломоносова
Ю. Ритчик, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН

*Финансирование издания обеспечило
Международное рекламно-информационное агентство
«Русская пресс-служба»*

ISBN 5-201-00767-8

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий труд занимает своеобразное место в ряду других коллективных монографий, представляющих собой звенья единого международного научного проекта «Особые межлитературные общности». Коллективные усилия ученых сосредоточены в данном случае на специфическом, исторически обусловленном литературном регионе, объединяющим знаменателем которого является этнический фактор. Именно на этой основе в ходе исторического развития сформировалась особая межлитературная общность славянских литератур. Нами предпринимается попытка ее интерпретации с обновленной, современной точки зрения как особого межлитературного образования, для которого характерны специфические отношения как в рамках самой целостности, так и за ее пределами, в широком литературном контексте. Если практика предшествующих историко-литературных славистических исследований базировалась прежде всего на изолированном изучении свойств этого феномена и мало учитывала взаимосвязи с неславянским литературным окружением, то в предлагаемой книге мы программно нацеливаемся и на выявление отличительных признаков этого содружества литератур как специфической исторической целостности. Подобный подход не только отвечает требованиям заново актуализируемой истории данной литературной общности, но и предоставляет возможность для более углубленного изучения ее внутреннего состава. Данный сборник, органически связанный с выше названной научной серией трудов, является результатом сотрудничества двух литературоведческих центров: Института славяноведения и балканстики РАН в Москве и Института мировой литературы Словацкой АН в Братиславе. Книга, разумеется, не претендует на исчерпывающий охват богатейшей тематики, ее смысл в последовательном проведении выбранного методологического аспекта: изучение межлитературной общности славянских литератур как единого целого.

Приурочивая свой труд к XI Международному съезду славистов в Братиславе, мы испытываем чувство удовлетворения от сознания того, что именно в Братиславе зародилась сама идея дефиниции особой межлитературной общности как определенного исторического и теоретического единства на путях исследовательского восхождения от национальной или иной отдельной литературы к высшему целому — мировой литературе. Нам приятно сознавать, что это делается в сотрудничестве с Институтом славяноведения и балканстики РАН, призванным развивать, а тем самым и модернизировать изучение общности славянских литератур.

Программно утверждаемый принцип изучения закономерностей межлитературного процесса в широких, недостаточно осознаваемых до сих пор простран-

ственных категориях вполне естественно сочетается с изучением славянских литератур как специфического единства. Тем самым славянские литературы частично избавляются от изоляционистской трактовки и становятся органически неотделимой, составной частью более высоко организованного исторического феномена — межлитературности.

Для такой обновленной интерпретации литературного процесса наиболее характерна концентрация внимания на мало исследованной промежуточной сфере между национальной и мировой литературой, что само по себе открывает новое направление в развитии современного литературоведения. Мы убеждены, что выделение этой пространственной категории, поиск и выявление соответствующих закономерностей помогут устраниТЬ хронический пробел в систематизации разнородных связей, который не смогла заполнить традиционная историография. Понимаемый таким образом предмет нашего исследования будет иметь конкретное содержание, и столь же конкретно, без набившей оскомину декларативности определится и цель исследования. Мы рассчитываем, что настоящий том, посвященный славянским литературам как особой исторической совокупности литератур будет способствовать постепенному и программному преодолению распространенной до сих пор практики частичного и изолированного изучения, послужит стимулом для перехода к комплексному осмысливанию литературного развития, в масштабах — хотелось бы надеяться — всемирных соотношениях и взаимосвязях.

Это, разумеется, отнюдь не простая задача, она не поддается искусственно ускоренному решению. Основательная начальная стадия и здесь неизбежна, как во всяком серьезном научном предприятии. В данном случае она представлена материалом *межлитературной общности* славянских литератур, которую мы стремимся интерпретировать во взаимной обусловленности с неславянским литературным процессом, в рамках общеевропейского контекста. На этих путях будет происходить обогащение традиционного изучения славянских литератур, уже не рассматриваемых лишь в виде специфического содружества генетически взаимообусловленных литератур, но воспринимаемых как органическая составная часть широкого межлитературного процесса.

Предпринимаемое нами изучение исторического развития литературы позитивно перекликается с аналогичными усилиями в общественно-политической сфере последних лет. И это, конечно же, не случайно. Наряду с отмеченным объективным фактором существует и субъективная сторона дела: новое научное направление органически вытекает из наших теоретико-методологических разработок, представленных прежде всего в предшествующих томах серии «Особые межлитературные общности» и аналогичных книгах о проблематике межлитературности, вместе с тем оно определенным образом связано и с нашим освоением и восприятием теории и методологии традиционной компаративистики. Мы убеждены, что сориентированный в указанном направлении научный поиск двух институтов будет способствовать исторически более функциональному и многостороннему познанию славянских литератур, их места в европейском и мировом развитии.

Диониз Дюришин

Диониз Дюришин

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖЛИТЕРАТУРНОЙ ОБЩНОСТИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Исследователь, задумывающийся над проблемой синтеза славянских литератур или культур в его международном аспекте, неизбежно сталкивается с определенными методологическими трудностями, осложняющими путь к обобщениям подобного характера. Об этом свидетельствуют и труды по истории всемирной литературы, толкуемой часто лишь как явление спорадическое, хотя тем не менее в историографии национальных литератур ей придается программное значение. Особенно ярко это проявилось в двух крупных проектах, первый из которых, «История литератур на европейских языках», буквально закодировал в своих теоретико-методологических посылках состояние определенной кризисности. Косвенно об этом свидетельствует и известный труд советских ученых «История всемирной литературы», венчающий более чем двадцатилетний период научных исследований и разработок. Не является исключением и наша теперешняя попытка теоретико-методологической перестройки историографии славянских литератур, отражающей общую тенденцию к обновлению методологии. Вместе с тем наша работа отличается рядом особенностей, обусловленных фрагментарностью рассмотрения генетически единой историко-литературной общности, которая имеет не только свою специфику, но и почти двухсотлетний генезис своего изучения и даже традиции, вовравшие в себя большой положительный опыт.

Мы должны решить непростой вопрос: что прогрессивно с точки зрения современного литературоведения, а что устарело и является тормозом науки. Решение затрудняется и тем, что речь идет о саморевизии теории и методологии историко-литературных исследований.

Рассмотрим с точки зрения данной проблематики итоги софийского съезда славистов, состоявшегося в 1988 г. Сразу же

следует отметить известное падение интереса к литературоведческой проблематике славистики, некоторую стереотипность и «усталость» проблематики. Эта усталость проистекает из девальвации ранее плодотворных идей и принципов, из обнаружившейся нерезультивности в решении таких проблем истории литературы, которые некогда задавали тон в славянском литературоведении. Эти идеи и принципы постепенно забывались или устаревали, не подвергаясь пересмотру и обновлению в соответствии с требованиями времени. Причиной тому была обычная инерция, своего рода изоляционизм, когда проблемы славистики пытались решать, исходя лишь из материала самих славянских литератур. Слависты часто подходили к этим проблемам профессионально, но несколько упрощенно, ограничивая программу и цель исследования лишь сферой славистики. Выдвигаемый ими сравнительный принцип нередко лишь декларировался и в итоге потерял свою методологическую остроту.

В конце концов, все это представляется нам закономерным: ведь софийский съезд был уже десятой по счету встречей славистов, и в значительной мере за истекшее время оказалась утраченной былая актуальность исходных принципов. Такая же судьба постигла и исследования по другим аналогичным сообществам и часто по тем же причинам. Их недостатки выявились со всей очевидностью — известный изоляционизм, заведомое ограничение предмета исследования, а тем самым целевой установки, что в свою очередь естественно, предопределило и методологическую базу изучения.

Узость цели, предмета и методологии является следствием изначальной ориентации многих литературоведов преимущественно на проблематику национальной литературы. Можно утверждать, что в литературоведении возобладало национально-литературное направление исследований, что в результате и привело к сужению взгляда на литературный факт в самом конкретном и самом широком смысле слова. Это был период своего рода фронтального наступления, когда создавались фундаментальные исследования по истории отдельных национальных литератур и других аналогичных образований. После II мировой войны во многих странах Европы, да и не только Европы, доминировало стремление написать «достойную и комплексную» историю той или иной национальной литературы, выработать в соответствии с литературоведческими критериями некий всеобщий норматив. (Такие попытки можно наблюдать практически во всех развитых европейских литературах, например, польской, не говоря уже о французской, итальянской и проч.) Бессспорно, это отвечало требованиям времени и уровню исторического обобщения литературного процесса, однако приводило и к зна-

чительным перекосам в теоретико-методологической сфере. Национальная, или иная отдельная литература, стала альфой и омегой литературоведения, а часто и почти единственным объектом историко-литературных исследований.

Выражения «национальная или иная аналогичная литература», «иная отдельная литература» мы употребили потому, что рассматриваемый нами массив истории литературы не может быть ограничен лишь периодом, когда господствовало понятие «национальная литература», необходимо анализировать и периоды, предшествовавшие возникновению и развитию национальной литературы нового времени. В качестве примера можно привести такие не получившие еще должного историко-литературного освещения отдельные литературы, как литература первоначальных стадий государственного устройства — периода государств-полисов, периода средневековых образований, а также литературы народностей нового времени, которые по отношению к соответствующей национальной литературе представляют собой своего рода исходную точку. Существовавшую всегда взаимосвязь между отдельным и всеобщим в истории литературы нельзя игнорировать, обобщая закономерности литературного процесса, анализируя его поступательность и отдельные стадии.

В этой связи необходимо указать на взаимообусловленность, с одной стороны, современной национальной литературы и, с другой стороны, мировой литературы. Мы имеем здесь дело с отношениями, непосредственно затрагивающими обе стороны: с возникновением национальной литературы немедленно возникло и понятие «мировая литература» без какого бы то ни было временного промежутка между ними. С появлением понятия «национальная» или «мировая литература» автоматически появлялось и второе понятие, составляя вместе неразлучную пару. И если исследователь не учитывает или каким-либо образом искаивает эту сущностную связь, он неизбежно приходит в своей работе к методологическим перекосам и серьезным гносеологическим ошибкам. Этим страдала традиционная или классическая компаративистика практически от своего зарождения по настоящее время, и именно здесь следует искать причину ее почти двухсотлетнего кризисного состояния. Необходимо учитывать этот момент и при обобщающем историческом исследовании славянских литератур, поскольку и в этой области не удалось избежать гносеологической непоследовательности и ошибок, несмотря на то, что еще П. И. Шафарик в своем новаторском, но именно с точки зрения методологии недооцененном труде «История славянского языка и литературы» (1826) впервые конструирует само понятие «славянские литературы».

Мы уже говорили об абсолютизации национально-литературного процесса и недооценке так называемого наднационального или, точнее, межлитературного процесса. Необходимо отметить, что понятие «межлитературность» подразумевает изменение предмета исследования со всеми вытекающими последствиями. Речь, таким образом, идет не только о кодификации аналогичных отдельных литератур, но, главным образом, и об идентификации соответствующих им высших образований как ступеней в процессе исторического обобщения, конечной точкой которого является мировая литература, а в нашем случае — совокупность славянских литератур как единое целое. Этапы исторического развития славянских литератур и других подобных сообществ имеют свои специфические особенности, хотя и их можно привести к общему знаменателю, соотнести с определенной моделью. По сути, мы имеем здесь дело с уже точно установленным этапом, называемым нами межлитературными общностями особого или стандартного типа,— промежуточной ступенью между национальной литературой и высшими комплексами — от литературных центризмов до мировой литературы.

В данной работе мы не будем рассматривать эти образования, к тому же они стали предметом широкого и детального исследования в шеститомном международном проекте «Особые межлитературные общности», в том числе и книги «Что такое мировая литература». Мы хотим лишь обратить внимание читателя на еще не вполне методологически проясненный этап, представленный межлитературными центризмами как сообществами многих литератур и межлитературных общностей. Таковым является межлитературный центризм европейских литератур, литератур Азии, Америки, Африки и т. д. При их изучении необходимо ориентироваться и на точнение некоторых категорий теории литературы и исторической поэтики; особое место занимает при этом конечная ступень — мировая литература.

Мы упомянули отдельные этапы истории литературы и указали на необходимость их изучения для выработки максимально полного представления о возникновении и развитии художественной литературы. Приведенная шкала категорий, пусть даже не совсем еще окончательная, абсолютно необходима с точки зрения предмета исследования. Если оставить ее без внимания или отнести к эмпирической области, то возникают пропалы в системном рассмотрении истории межлитературных общностей и межлитературного процесса в целом, что является ключевой проблемой при создании комплексной истории литературы сегодня и в ближайшем будущем.

Нельзя сказать, что в исследованиях по истории славянских литератур полностью игнорируется предложенный нами метод.

анализа межлитературного процесса, ведь его применение позволяет избавиться от недостатков традиционной истории литературы. Кроме того, новая модель литературного историзма, включающая в себя понятие «межлитературность», основывалась при своем возникновении на славянском материале, на изучении межславянских литературных отношений. Примечательно, что и в основе теории традиционной или классической литературной компаративистики лежат отношения как между самими славянскими литературами в их собственном историческом ряду, так и между славянскими и неславянскими литературами. Современная теория литературной компаративистики несет в себе критику прежней ограниченности, расширяя область своих исследований в сторону изучения закономерностей, которые приводили к возникновению и утверждению межлитературных отношений, рассматривавшихся ранее изолированно. Но как оказалось, любое, пусть прогрессивное, толкование устоявшихся категорий в рамках традиционной литературной компаративистики не может быть самодостаточным. Необходима новая система исходных посылок, новая систематика теории межлитературного процесса в рамках нового этапа в изучении литературы и ее исторического развития. Каково же в этом плане наше отношение к существовавшей до настоящего времени системе теории и методологии литературной компаративистики?

* * *

Нужно отметить, что в основе изучения связей и отношений с инонациональными литературами в самых разных аспектах лежала область генетико-контактных отношений. Очевидной была нацеленность исследований на вопрос о формах межлитературного «импорта» и «экспорта», о первичности и вторичности, влияний и зависимости и т. д. Иными словами, главной и почти единственной на данном этапе была проблема генезиса литературного произведения, а также связанная с ней проблема прямой причинности его возникновения, комплексное же изучение литературного произведения, а тем более литературного процесса не входило в задачи исследования.

Другой стороной этого начального этапа стало постепенное обогащение доминирующей контактно-генетической сферы, обращение к проблематике своеобразия, специфики, неповторимости отдельных компонентов в ходе межлитературного обмена ценностями. Это было, бесспорно, новым шагом в осмыслиении генетико-контактных отношений, сулившим, по крайней мере на словах, возможность преодоления тупиковой стадии нефункционального накопления материала.

Следующей ступенью в развитии контактных исследований стала проблематика постепенности, преемственности литературного процесса, литературной традиции, то есть, сфера собственной истории литературы. На этой высшей стадии произошел целенаправленный поворот в сторону осмысления процесса по самой своей сути межлитературного (так называемого «национального»), вследствие чего в центре внимания оказалась проблематика диахронизма и литературно-исторической функциональности межлитературных контактов.

Несмотря на эти прогрессивные тенденции, метод сопоставления — с упором на контакт как главный элемент межлитературности — оставался тормозом компаративистики, в рабочей методике которой в конечном итоге стало преобладать сравнение (компарация) со всей его устаревшей атрибутикой.

Существенные изменения в эту ситуацию внесла разработка структурно-типологического типа исследований, в чем основная заслуга принадлежит, несомненно, В. М. Жирмунскому, а также другим ученым. Первопричиной, побудившей Жирмунского ввести в систему традиционного сравнительного изучения литератур принцип типологии, была необходимость объяснить существование таких сходств и аналогий, когда при очевидном отсутствии контактов, схождения оказывались связаны с общими закономерностями развития литературы.

Роль типологического подхода заключалась не только в том, что он помогал дифференцировать обилие всевозможных сходств и аналогий, но и прежде всего в том, что он привносил программный теоретико-методологический фермент в сферу контактно-генетических исследований. Среди его главных достоинств можно отметить выделение общего в его связи с отдельным, обогащение методики такими понятиями, как моделирование, повторяемость, инвариантность отдельных явлений и тенденций в развитии литературы.

Типология в совокупности с контактологией завершают процесс совершенствования традиционной литературной компаративистики. Однако очевидно, что даже с помощью «двойной тяги» ей не удается полностью охватить межлитературный процесс, она не в состоянии выработать необходимую методику, выдержать последовательность исследования. Возможно, этот вывод покажется кому-то неожиданным и слишком суровым, однако его необходимо было высказать, поскольку парадоксальность сложившейся ситуации теоретически поистине невероятна. И тому есть конкретные причины.

Одна из них состоит в том, что данная область науки базируется на одном лишь сравнительном методе, который не в силах обеспечить полноценного достижения цели исследования.

С этим как раз и связано выдвижение на первый план категории национальной или иной отдельной литературы, что явно свидетельствует о редукции исследовательской задачи. Традиционная теория не располагает достаточно многообразным спектром теоретико-методологических приемов и не всегда использует системно-теоретические принципы и категории. Наконец, за весь почти двухсотлетний период своего существования она так и не вооружила литературоведческую мысль адекватной мерой познания.

Решение видится нам в изменении и модификации некоторых основных принципов традиционной теории сравнительного исследования, каковыми являются цель, метод и, особенно, предмет исследования. Мы не намерены основываться на принципе бинарности, доминировавшем при сравнении обычно двух национальных (или иных) литератур; наш метод будет опираться на принцип многосторонности, который позволяет расширить базу исследования и обобщений. В сферу нашего внимания будет включен также анализ закономерностей межлитературного процесса со всеми его составляющими, в том числе с финальной, высшей историко-литературной категорией — мировой литературой.

Проведение этой гносеологической операции связано с большими сложностями: оно предполагает перестройку всей существующей системы традиционного сравнительного изучения литературы. Сейчас, когда мы стоим перед решением такой важной задачи, как история славянских культур, где литература играет одну из главных ролей, и где действуют по сути те же методологические принципы, что и в истории литературы, мы не можем не учитывать эти изменения. Тем более, что данная проблематика включена и в программу братиславского съезда славистов в 1993 г.; кроме того, параллельно уже много лет весьма плодотворно работает международный коллектив ученых, разрабатывающих данную проблематику на материале литературы отдельных частей света. Результатом их работы стала серия трудов «Особые межлитературные общности»¹.

Для проведения такого рода перестройки в данной области литературоведения мы использовали в качестве вспомогательной особую классификацию исторических этапов в развитии литературы и как центральную выбрали категорию особых межлитературных общностей, характерную для непосредственных, конкретных форм взаимодействия, обусловленных самыми разными обстоятельствами. Это область, почти не исследованная в рамках традиционной компаративистики. Упомянутый нами коллектив ученых уже разработал проблематику межлитературных общностей как особого, так и традиционного, стандартного ти-

на, как например, общность словацкой и чешской литературы, отчасти — восточных и южных славян, общность швейцарской литературы, испанской литературы и латиноамериканских литератур, общность англоязычных, франкоязычных, португальскоязычных, немецкоязычных литератур, многочисленные межлитературные общности азиатских литератур, литературу Африки и проч.

Говоря обо всем этом, считаем необходимым отметить, что при обобщении данных, полученных в ходе историко-литературных изысканий, мы попытались выйти на теоретико-понятийный уровень; мы выявили, а отчасти и сформулировали ряд понятий и терминов, которые могут служить основой для достаточно функционального понятийного аппарата, рабочего инструментария наших исследований.

Так, наряду с такими понятиями, как дифференцирующая и интегрирующая функция, конвергенция и дивергенция, преемственность и прерывистость, мы особо выделяем комплементарную функцию, которая включает в себя принцип исторического развития, интенциональную и программную функции.

Новые шаги мы сделали и в разработке периодизации литературы. Нами введено понятие чередования импульсов развития, или так называемых доминант, координирующей и соподчиненной функции языка в некоторых межлитературных общностях.

С успехом используются такие понятия, как би- и полилитературность, двойная или множественная национальная принадлежность, а в ее рамках — потенциальная, интенциональная, формальная и ассимметричная двойная или множественная национальная принадлежность.

Новое положение, функцию и значение в условиях межлитературности приобретает, по нашим наблюдениям, и понятие художественного перевода, что представляется нам весьма значительным.

Нужно отметить и появление таких новых понятий, как репрезентативность и презентативность и, особенно, табуизация и синкетизм литературных традиций с подчиненными ему понятиями (американизация, креолизация, индоамериканизм и проч.). Нельзя не сказать и об известной модификации, даже пересмотре понятия национальной литературы, которое становится продуктивным в результате постепенной перестройки литературоведения в последнее время.

Не представляется возможным перечислить здесь все новые понятия и термины, которые во все большей мере становятся универсальным средством межлитературной коммуникации, без чего, по нашему убеждению, нельзя обойтись при создании син-

тезириующих трудов по славянским культурам, а тем более литературам.

При этом мы рассматриваем межлитературную общность славянских культур и литератур как типовую, аналогичную другим общностям, входящим в сферу наших исследований. В то же время она, как и любая другая аналогичная общность, имеет свою специфику и особенности. Изучение и глубокое осмысление именно этой специфики дает новый импульс для понимания «наднациональных» процессов и закономерностей межлитературного и культурного процесса. А это и является непосредственной целью нашего исследования.

* * *

Общая направленность нашего труда, объем исторического материала славянских литератур, а также сам принцип его изложения и методология исследования вызывают неожиданные, но не случайные ассоциации с упомянутым ранее смелым и новаторским трудом П. И. Шафарика «История славянского языка и литературы по всем наречиям», созданным в 1826 г. Не станем его подробно анализировать, лишь отметим его значение не только для истории литературы, но и для методологии, причем не только в области изучения межславянских отношений. Это было историческое исследование, в котором неразрывно взаимосвязаны два аспекта — анализ исторического материала славянских литератур и синтез на уровне межлитературности или межлитературного процесса. Шафарику удалось достичь внешне противоречивой, но принципиально необходимой взаимосвязи аналитического метода и синтеза, прежде всего, благодаря гармоническому сочетанию двух сторон — особого (национальных славянских литератур) и общего (славянские литературы как единое целое). Важно, что основополагающий труд Шафарика появился как раз в период утверждения отдельных славянских литератур и славянской литературы как целого, когда обе эти стороны представляли живой, изменчивый, а нередко и противоречивый процесс, определенным ориентиром в котором была лишь тенденция исторического развития, его направленность². Шафарику удалось не только понять, но и четко сформулировать и конкретизировать эту тенденцию. Именно благодаря этому труд Шафарика имеет столь большое значение для современных исследователей истории как славянских, так и неславянских литератур, поскольку в данной области аналогичные тенденции существовали в виде гипотез в дискуссиях и рассуждениях, но не находили конкретного воплощения в материи живого межлитературного синтеза. И это несмотря на то, что речь шла преимущественно о дифференцированных лите-

ратурах, как например, литературе испанской с подчиненными ей колониальными образованиями, португальской, французской, английской и др.

После концепции славянских литератур Я. Коллара, не отличающейся столь выраженным равновесием между особым (он признает лишь четыре ветви славянских литератур) и общим (единство и целостность славянских литератур) возник, наконец, конкретизированный синтетический труд А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича «Обзор истории славянских литератур», изданный в 1865 г.³

Это фундаментальное исследование в каком-то смысле продолжает и прямо или косвенно развивает некоторые методологические посылки П. И. Шафарика. Это связано, вероятно, с тем, что его авторы не разделяли представления о значительной внутренней и внешней дифференцированности славянских литератур, распространенные в историографии на протяжении десятилетий и встречающиеся по сей день. Проблема историко-литературной взаимосвязанности славянских литератур не стояла с такой остротой перед обоими авторами. Их труд, хотя и был по своей сути новаторским, не выдвигал задачи последовательной классификации и обобщения материала, которую должны были решать авторы подобных исследований впоследствии и, особенно, в наши дни. «Очерки истории славянских литератур» Спасовича и Пыпина представляют третью историко-литературную концепцию славянских литератур, однако не содержат в себе критики второй — ценностной или первой — параллелистской методологической концепции истории межлитературной общности славянских литератур. В этом своего рода выгода таких основополагающих исторических трудов, если учесть, что книга Пыпина и Спасовича вышла в свет менее чем через три десятилетия после появления первого синтезирующего исследования славянских литератур П. И. Шафарика. При таком подходе нам легче будет понять, в чем состояли сильные, даже выгодные стороны их методологии и в чем была ее уязвимость, осознать всю сложность задачи, которую они перед собой ставили. Хотя их труд носит скромное название ««Очерк»», в нем заключены все признаки, характерные для высшего типа историко-литературной концепции межлитературного синтеза. Не случайно переводчик труда на чешский язык, А. Котлик, дал его переработанному и дополненному изданию название «История литератур славянских». Действительно, труд является попыткой собрать и обобщить все доступные сведения о развитии славянских литератур как единого целого и в то же время — представить в комплексе отдельные славянские литературы с их своеобразием. И хотя на первый план выдвинулся аспект диффе-

ренциации славянских литератур, они рассматриваются в известной степени как целое. В этом мы видим шаг вперед по сравнению с концепцией Шафарика, который в своем стремлении к синтезу не избежал декларативности, хотя его прогрессивность для того времени очевидна. В этой исторической двойственности и внешней противоречивости и кроется, на наш взгляд, ценность и актуальность трудов и П. И. Шафарика, и А. Пыпина и В. Спасовича.

В аналогичной, хотя в отношении методологии и иной ситуации, находимся сейчас и мы, размышляя о концепции создаваемого нами синтезирующего труда по проблематике славянских литератур. Сегодня, обращаясь к более чем стопятидесятилетнему пути развития представлений об истории славянских литератур, мы видим перед собой широкую шкалу мнений, отраженных во множестве суждений, исторических исследований и концепций. Закономерным итогом всех программных и непрограммных проектов и мероприятий стала тотальная запутанность, которая повлекла за собой и противоречия в славистической историко-литературной концепции. А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович оставались еще в рамках комплексной методики, дающей возможность представить славянские литературы в относительной, но по тем временам единственно возможной целостности. Более поздние попытки создания истории славянских литератур и, особенно, представления о них в славянской литературной историографии сводились к параллельному описанию истории отдельных национальных литератур, что приводило к дробности и расплывчатости с точки зрения целостного видения общего процесса. Та же судьба постигла многие работы, основанные на подобных представлениях об истории мировой литературы. Эта черта характерна и сегодня для синтезирующих работ по проблемам межлитературности.

Явная односторонность, свойственная современным историко-литературным исследованиям, свидетельствует о нечеткости позиций литературной историографии не только славянской, но и других общностей аналогичного типа. Вместе с тем, это и отголосок слишком часто повторявшихся слов «*krise de la littérature comparée*», в которых уже двадцать лет назад отразились не только слабость методологии компаративизма, но и состояние дел в историко-литературной области, а конкретно — закономерный переход от первичной описательности к высшему оценочному методу, к новому пониманию предмета исследования. Таким образом выражалась потребность в изменении метода, цели и предмета исследования.

На этой почве вырастал наш сегодняшний глобальный проект и наша решимость обобщить, наконец, закономерности раз-

вития славянских литератур и культур. Этому предшествовали длившиеся десятилетиями поиски, отмеченные неопределенностью, беспомощностью, а часто и внутренним смятением, которое преодолевалось лишь твердой решимостью идти вперед, но усиливалось после некоторых съездов славистов. Речь шла о постепенном вызревании идеи, о стремлении к былому идеалу историографии. При всем том, как нам представляется, этот процесс не был столь прямолинейным, поскольку достижение новой ступени в науке предполагает прежде всего существенные изменения, совершенно иное, новое качество как теорий, так и методологий классической литературной компаративистики. Этот длительный этап качественных перемен не должен стать тормозом на пути исследования, базирующегося на традиционной платформе, он предусматривает изменения прежде всего в классическом, сравнительном направлении литературоведения.

На первых порах мы внутренне противились определению «новая дисциплина». Сегодня для нас очевидно, что долгожданная «новизна» не могла появиться без значительных изменений, поскольку лишь смена дисциплины могла создать предпосылки для нового шага в практическом применении современной методологии. Все попытки плыть по другому руслу оборачивались методологическим анахронизмом, поскольку отсутствие новой взрывной идеи не позволяло их авторам пробиться к современному, истинно новаторскому синтезу славянских литератур. Кренной поворот к новому не мог произойти на старой, обветшальной платформе, он требовал нового прочного основания. В этом и состоит радикальная смена основных методологических принципов, а в определенном смысле и зарождение новой дисциплины в рамках истории литературы, которую мы называем межлитературностью, а точнее — изучением межлитературного процесса и новой интерпретацией высшей историко-литературной категории.

* * *

Оглядываясь назад, надо признать, что на некоторых съездах славистов поднимался вопрос о нечеткости методологических принципов исследования, особенно резко он прозвучал на X съезде славистов в Софии в 1988 г. В нем принимали участие преимущественно заслуженные и именитые слависты старшего поколения, ученых же, предлагавших новые и неожиданные идеи, было гораздо меньше. В докладах повторялись старые темы, хотя и украшенные отдельными интересными выводами, но не дающие импульса для дальнейшего развития науки. Участникам съезда приходилось искать трибуну для самовыражения

в секциях, чаще, однако, преобладал кулаарный обмен мнениями.

Исключение составляли весьма неожиданные выступления славистов нового поколения из стран, где славистика представляет собой органическую часть комплексного изучения литературного процесса и имеет свое научное обоснование в актуальных современных воззрениях. Это относится, например, к японскому, китайскому, корейскому и др. литературоведению, представители которого, формируя научные группы, стремились реализовать новые перспективные идеи.

Этим группам пока не удалось занять подобающего места в рядах прогрессивного течения в славистике. Заявить об этом мало известном пока направлении в наших общих поисках предстоит на будущих съездах славистов, в частности, на ближайшем, братиславском.

Итак, перед нами стоит вопрос: в чем причины стагнации в нашей области славистики и какими возможностями для ее преодоления мы располагаем. Причина, как всегда, проста — это изолированность предмета исследования от его научной интерпретации. Мы уже привыкли говорить о специфике славянских литератур, исходя из критерии их типологической сущности, особого пути развития; более широкий контекст, включающий в себя связи с инонациональными литературами обычно недооценивался, что и было причиной изоляции. Иначе говоря, ничто не может быть исчерпывающе объяснено лишь на основе самого себя, без глубокого, неформального сопоставления.

Под расширением оценочных критериев мы подразумеваем, главным образом в виду расширение знаний об иных аналогичных структурах, которые составляют в совокупности высшее, итоговое единство — мировую литературу. Необходимость этого очевидна, однако она лишь декларировалась на протяжении длительного времени существования классической литературной компаративистики.

Разумеется, наш долг — не просто констатировать положение вещей, но и наметить пути выхода из тупика, в который все чаще попадает славистика; причем не только литературоведение, но и исторические дисциплины, фольклористика и этнография. Исключение составляет лишь языкознание и только благодаря сочетанию изучения языков со славистической программой. Какими же нам видятся конкретные пути выхода из кризиса?

* * *

При разработке современной истории славянских литератур необходимо преодолеть изоляционизм славистики путем сопоставления общности славянских литератур с другими, в первую

очередь географически наиболее близкими межлитературными общностями. Это следует делать посредством конкретных историко-литературных исследований, избегая как всеохватности, так и излишней временной узости. Исследователь может выбирать при таком сопоставлении любой материал, относящийся к любому историческому периоду, если он свидетельствует о межлитературных связях между общностями. Вероятно, их следует понимать как проявление межлитературных закономерностей, имеющее типологический, повторяющийся, инвариантный характер, распространяющийся не только на славянские литературы, но и на другие аналогичные межлитературные образования и на межлитературный процесс в целом.

Так, литературы бывшей Югославии как межлитературная общность имели особо тесные связи с южно-славянскими литературами, с межлитературной общностью балканских литератур, со средиземноморской межлитературной общностью, а в каком-то отношении и с отдельными частями западно-европейских межлитературных общностей (главным образом, словенская и хорватская литературы). Межлитературную общность западно-европейских литератур нельзя более или менее полно интерпретировать без сопоставления с существовавшей некогда межлитературной общностью Австро-Венгрии, дунайского региона, с общностью немецкой литературы и германских литератур вообще. Аналогично можно подобрать гносеологический ключ и к романским литературам, в том числе румынской и др.

Югославские литературы, как и литературы западных, да и восточных славян невозможно интерпретировать с типологической и историко-литературной точки зрения без осмыслиния их интеграции в византийском межлитературном единстве, имевшей, разумеется, на разных исторических этапах разную степень интенсивности и значимости. Особую важность имели эти связи в годы деятельности греко-византийской миссии в Великой Моравии, когда был конституирован четвертый признанный литературный язык — старославянский.

Для полноты картины упомянем и литературы восточных славян, которые невозможно рассматривать в отрыве от иных общностей — например, северных литератур, ряда азиатских, западно-европейских литератур, а также литератур бывших социалистических стран и нынешнего СНГ. Разумеется, во всем этом необходимо соблюдать принцип историзма, избегать абсолютизации и искажения фактов. В отличие от классической, безусловно уже ставшей анахронизмом компаративистики, главное для нас — не изучение конкретных би- и полилитературных связей или «влияний» и зависимостей, а исследование законо-

мерностей, стимулировавших процесс исторического развития литературу.

Эти вводные замечания и рассуждения не имеют своей целью решение проблемы специфики межлитературной общности и ее функциональности как в ближайшем окружении, так и в ряду других аналогичных исторических образований. Мы лишь стремимся наметить контуры нового подхода к фактам истории и взаимодействия славянских литератур. Следующие далее работы носят историко-теоретический и прикладной характер, не исключающий однако методологического и теоретического поиска, поскольку речь идет о самом начале процесса.

Сборник представляет собой подготовительный этап к XI съезду славистов, открывающему второй десяток в ряду этих мероприятий, и содержит в себе элементы теоретико-методологического самоутверждения. Так, по нашему убеждению, анализ фактического материала должен проводиться по возможности на базе исторической поэтики в понимании А. Веселовского и его последователей, а по сути,— на принципах теории литературы. И перед тем, как завершить данную статью, позволим себе перечислить стадии и программу всего нашего исследования, содержащиеся в конкретных работах.

* * *

1. Конституирование новой теории межлитературности или наднациональной истории литературы будет означать качественное изменение категорий поэтики и теории литературы. Разработка соответствующих новых категорий во всех областях теории является одной из задач нашего коллективного международного исследования, что означает весьма существенную временную протяженность проекта.

2. Потребность в новой теории диктуется новизной цели исследования по сравнению с традиционной литературной компаративистикой: наша цель — познание закономерностей межлитературного процесса, а тем самым и мировой литературы.

3. Это влечет за собой и смену предмета исследования; главное для нас — связи и отношения «наднациональные», межлитературные, качественно иные, чем отношения национально-литературные или отношения межлитературного типа, но направленные на изучение особенностей лишь национально-литературного процесса.

4. Все это меняет метод и методику работы, что и является предметом дальнейшей разработки и уточнения в ходе исследования.

5. Новый смысл и содержание будет иметь, например, изучение проблемы художественного перевода. Вкратце можно лишь

сказать, что почти в ~~в~~ ^всех случаях наблюдается определенное «подавление» трансляционной функции художественного перевода в пользу креативной; коммуникативная функция в условиях межлитературности реализуется на более высоком уровне.

6. Подлежит обновлению и система стилевых и родовых критериев при классификации литературного произведения и литературного процесса, что может способствовать более гибкому пониманию этой системы и избавлению от анахронизмов.

7. Необходим последовательно исторический анализ литературных единиц, в том числе и национальной литературы, с точки зрения межлитературности. Наша цель — исследовать и дать научное определение стадиям развития — возникновению, развитию, исчезновению — межлитературных формаций.

8. С этим связана необходимость изучения отдельных этапов исторического развития, прежде всего, недостаточно изученных. Особенно наглядно это видно на примере исследований по истории мирового литературного процесса, когда мало внимания уделяется историческим образованиям, существовавшим до и после зарождения современных литератур, таким понятиям, как средневековая литература, национальная литература нового времени, межлитературные общности, межлитературные центризмы и т. д.

9. Весьма непоследовательным нам видится и толкование понятия «мировая литература», которую мы считаем итоговой и конечной межлитературной общностью; парадоксальной представляется ее недостаточная изученность по сравнению с массой межлитературных общностей.

10. Изменения необходимы и в принципах периодизации литературы, при которой традиционная компаративистика исходила чаще всего из принимающей литературы, выступавшей как определяющий фактор при выборе того или иного импульса. На уровне межлитературности критерии периодизации не зависят от двух — трех членов, вступивших в процесс взаимной корреляции, а подчиняются своим относительно автономным закономерностям, обусловленным сложным межлитературным взаимодействием.

11. Прежде, в рамках традиционной компаративистики, исходным моментом в анализе литературного процесса или произведения была языковая данность, поэтому чаще всего говорили об искусстве словесности, нередко абсолютизируя его основу — язык, используя даже лингвистическую терминологию. При этом забывали о важном аспекте изучения литературы — ее принадлежности к сфере искусства с его специфическими закономерностями и особым видением и изображением действительности. Языковый же критерий имеет лишь частное значение при

классификации литератур как в славистике, так и в германистике, по отношению к англоязычным литературам и т. д. Исследования показывают, что язык не является обязательным и необходимым признаком принадлежности к той или иной литературе, тем более к межлитературной общности, где решающее значение имеют иные факторы. Лучше всего это видно на примере итоговой межлитературной общности мировой литературы, где язык произведения полностью иррелевантен.

* * *

Славистика прошла длинный и сложный путь развития от своего зарождения в I половине прошлого века до периода программного международного сотрудничества, начало которому положил I-й съезд славистов в 1929 г. Сегодня славистика находится в положении, во многом схожем со своим начальным этапом, она испытывает острую потребность в новых, прогрессивных и современных методах переработки накопленного материала и опыта исследования. И очередной, XI съезд славистов имеет все предпосылки стать первым шагом в этом новом направлении.

У нас за плечами многолетний труд общего историко-теоретического характера, главная цель которого — исследование межлитературных общностей, стоящих в гносеологическом ряду на пути от традиционной национальной или иной отдельной литературы к мировой литературе. Поэтому наша работа не ограничивается лишь рамками славистики, напротив, она органически интегрирует ее в себя, опираясь на типологические закономерности литературного развития. Итогом этой работы является и разработанная нами система терминов и понятий, позволяющих включить исторически обусловленное объединение литератур, межлитературные общности, в рамки определенного типа исторической абстракции, то есть пользоваться при их изучении определенным теоретико-методологическим инструментарием. Речь не идет лишь о тех понятиях и терминах, которые появились вследствие некоторой коррекции аппарата традиционной компаративистики, но и о группе конструктивных терминов, являющихся интегральной частью межлитературности. Все это и выносится сегодня на обсуждение — в интересах обогащения общей концепции, внесения необходимых дополнений и уточнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Osobitné medziliterárne spoločenstvá 1, 2.* — Bratislava, 1987, 1991.

² Подробнее см.: *Dejiny slovenskej literárnej komparatistiky.* — Bratislava, 1979. — S. 15—35.

³ «Historie literatur slovanských» вышла в Праге в 1880 г. в двух томах в переводе Антонина Котлика. В первом томе было 392 страницы, во втором — 550.

Александр Липатов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В ОПТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

(Новое направление в славистике и концепция Д. Дюришина)

Невозможно постичь сущность определенного объекта лишь по его внешнему облику и сиюминутным проявлениям. Точно так же невозможно составить представление об истории литературы, исходя только из нынешнего ее состояния или используя ту ее картину, которая создается обратной перспективой: взглядом из нашего сегодня в ее прошлое. Это *volens nolens* обернется экстраполированием нынешних философско-эстетических представлений и самого современного менталитета в совершенно иные по своему мироощущению — разные и меняющиеся — времена. Ключ к постижению как истории литературы, так и ее современности (являющейся лишь очередным звеном истории) дает историческая поэтика. Именно в ее русле философско-эстетические, генетические, генологические, компаративные, культурологические аспекты литературного бытия обретают адекватность, целостность, а следовательно и объективность восприятия, дифференцированного синхронным и диахронным подходами к объекту исследования. Это предопределяет и саму его направленность: не от современности в прошлое, а от прошлого к современности. Факт казалось бы очевидный, но неосознанно нарушаемый исследователями, исходящими из критериев, представлений и ментальности своего, а не исследуемого времени, и посему — неосознанно, подсознательно, либо по убеждению выстраивающими телеологическую по сути концепцию литературного процесса. Вот почему каждая эпоха как бы заново (ибо по-своему) переписывает предшествующее ей, «выстраивая» все по своему ранжуру и в соответствии с логикой движения именно к современным ей идеалам, нормам, представлениям и устремлениям.

Историческая поэтика позволяет объективно увидеть и еще один аспект: соотношение национального (единичного — состав-

ляющего систему) и наднационального (самой универсальной по масштабу охвата и типу функционирования системы) — аспект, ускользающий из национально ориентированного сознания исследователя либо искажаемый в силу различных идеологических и политических установок.

Историческая поэтика помогает также осознать место, роль и значение сравнительного литературоведения, переживающего сейчас очередной кризис. В сущности он вызван «секуляризацией» этой области литературоведческой науки, вычленением ее из целого и последовательным отчленением объекта своего исследования от целого и цельного, коим является литературный процесс. Исторически литературные связи, типологические схождения, разного рода межлитературные общности возникали, разvивались, исчезали или видоизменялись как его производное: они были следствием эволюции первоначально одной единой наднациональной литературы, существовавшей внутри определенной надэтнической культурной целостности, более того — конституирующей ее в силу своей связанности с той или иной «мировой» религией. Постепенное укоренение и развитие этой религии и ее литературы на местной почве (отдельные этнические целостности и государственные образования) способствовало ее внутренней дифференциации на государственные (первоначально по преимуществу — полиэтнические), а позднее (в основном — с эпохи Возрождения, когда начинается формирование народностей) — и национальные литературы. Это получило отражение не только в сфере содержания (усиление местных, собственно национальных мотивов, тем, проблем, ощущаемых и интерпретируемых уже как своя, особая, отличительная часть универсума — христианского мира), но и в самом языке: переход от универсального для определенной макрорегиональной или региональной надэтнической целостности койне (латынь, древнегреческий, древнерусскославянский) к языку своего этноса.

Следствием такого рода дифференциации, с одной стороны, и постоянно функционирующей (но уже на качественно изменившейся основе) универсальной (надэтнической) общности — с другой, и были литературные связи, которые лишь со временем обретали межнациональный облик. Их первоначальный этап — по сути географические связи христианских периферий с христианским центром. Позднее их первоначальная дифференциация также была обусловлена факторами сугубо доктринальными, универсальными, имеющими по сути своей внешней и надэтнический (по типу распространения и функционирования) характер: процесс разделения Церкви на Западную и Восточную, а в его рамках — возникновение двух макрорегионов христианской культуры и литературы — Pax Latina et Pax Orthodoxa.

ха. Собственно же художественное (помимо доктринального) развитие этих литератур объективно вело и к разного вида контактам с литературами других макрорегионов (например, уже во времена Средневековья — христианской литературы с индийским или арабским Востоком).

В целом история европейской литературы предстает как еще одно своеобразное отражение гегелевской триады: «тезис» — возникновение христианской литературы и формирование сферы ее наднационального распространения; «антитезис» — внутренняя дифференциация как самой христианской доктрины, так и христианского мира на формирующуюся народности и возникающие государства; «синтез» — возникновение общеевропейского литературного процесса в новых условиях, исторически складывающихся в результате развития общекультурных и социально-экономических процессов, постепенно охватывающих сперва Европу, а затем и весь мир.

Национальное невозможно осознать вне универсального, органичной частью которого оно является, точно также как само это универсальное и его роль в истории могут быть познаны только в свете обратной с ним связи его национальных составляющих в перспективе их исторического появления, характера изменений и путей эволюции.

Итак, литература, связанная с определенным этносом, уже в своем генезисе была надэтнической — привносимой на местную почву по мере приобщения данного народа к общей, надэтнической системе ценностей. В дальнейшем, питаясь местными соками и отражая местное развитие общих идеалов и именно в их свете — местные потребности и свершения, эта литература не развивалась в этнической изоляции, ибо, во-первых, оставались непосредственные — институциональные (церковь, государство, система образования) — связи с макрорегиональным центром как носителем общей и изначальной идеи, равно как и внеэтническое по своей сути осознание самой этой наднациональной, общечеловеческой идеи как «своей» — в плане не этническом, а духовном; во-вторых, само «земное», материальное бытие каждого народа не было ограниченным историей, религией, культурой, экономикой, политикой от ближних и дальних соседей. Это отражает и сам состав литературного макрорегиона, который не являл собой (да и не мог в силу самой свойственной ему системы ценностей являть) этнически однородную целостность. Византийский и Римский (Латинский) круги культуры соответственно объединяли разные народы. Литературы этих народов, вначале составляющие определенную надэтническую целостность (как типологически — в аспекте поэтики, так и с точки зрения общего литературного языка и состава памятни-

ков), в дальнейшем — в процессе своей этнической и государственной дифференциации (наиболее ярким отражением этих перемен было творчество на родном языке) — не только сохраняли историческую память о первоначальной своей надэтнической общности: отражая национально-государственные устремления или (в случае отсутствия собственной государственности) — идеи национального самосознания и культуры, эти литературы по-прежнему продолжали свое существование на общей типологической основе. Именно она по-прежнему обусловливала надэтническую систему мировидения, генологию, стилевые эталоны. И именно она была надэтническим средоточием и универсальным пунктом притяжения тех уже этнических по происхождению и «возвратных» (действие законов обратной связи) центро-устремительных по своей направленности тенденций философско-эстетического плана, которые объединяли отдельные литературы в макрорегиональную целостность. Именно она обусловила хронологию, характер, направлённость — всю систему литературных связей внутри макрорегиона.

Литературы славянских народов — изначально — генетически и типологически — были составной частью литературы общеевропейской, чье появление было связано с приобщением к христианству, ставшему основой новой, объединяющей разные этносы культуры. Поэтому все явления и процессы духовной жизни в этническом мире славянства обусловливались именно общеевропейскими факторами социально-исторического, культурологического и философско-эстетического свойства. Факторы, сугубо этнические выступали уже как производные (ибо каждый этнос в древности осознавал себя прежде всего как часть христианской общности), накладывая отпечаток на местные особенности общеевропейского процесса.

В силу геополитических условий «вписанные» историей в Византийский и Латинский круги культуры славяне не являли собой единства конфессионального, политического, экономического, а в плане типологии — культурного и литературного.

Проблемы да и сама история связей и взаимодействия славянских литератур с неславянскими как в рамках межнациональных литературных регионов, так и в рамках межмакрорегиональных (например, славяне и Восток) — огромная литературоведческая *terra incognita*, простирающаяся от древности до наших дней. В этой ситуации несомненную ценность представляет предложенная Д. Дюришиным концепция разработки вопросов межнациональных литературных общностей. Она применима как к древним, так и к новым периодам истории литератур. Пример из древности: связь древней литературы нынешних молдаван и румынов с Pax Slavia Orthodoxa (общность мирови-

дения, литературного языка, стилевых эталонов, генологии, отдельных памятников). Пример из новой истории: балканская литературная общность.

Итак, литературные связи были одновременно и производными литературных систем (тип которых очерчен рамками макрорегионов), и — вследствие действия законов обратной связи — детерминантами как литературной общности в целом, так и отдельных ее составляющих (национальных литератур). Эта диалектика обусловлена самой сутью литературного развития, открывающейся благодаря выбору такой исследовательской оптики, которая обеспечивает целостное рассмотрение объекта. Постижение же философско-эстетического своеобразия этой целостности, которая изменялась духовно, культурно, национально — во времени; географически, идеологически, социально — в пространстве — такое постижение осуществляется на основе исторической поэтики, современной культурологии и языкоznания. Теперь есть конкретные основания говорить о вполне определившемся в литературоведении последних десятилетий исследовательском направлении, которое объективно сформировалось благодаря возникшим независимо друг от друга работам разных ученых, стремящихся к постижению общих закономерностей истории славянских литератур в контексте общеевропейского литературного процесса. Итак, Д. С. Лихачев разрабатывает концепцию системы средневековых литератур *Pax Slavia Orthodoxa*¹, Н. И. Толстой раскрывает литературно-эстетическую историю этой целостности в свете проблем литературного языка² и выдвигает свою концепцию литературной региональности³, Р. Пиккио решает ряд узловых вопросов истории литератур *Pax Slavia Orthodoxa* и предлагает свой опыт региональной классификации всех древнеславянских литератур⁴, автор этих строк выявляет общие закономерности истории славянских литератур в контексте европейского литературного процесса от Средневековья до 70-х годов XIX в. и разрабатывает свою концепцию литературных макрорегионов и регионов как исторически возникающих и изменяющихся контактно-типологических целостностей⁵.

По типу литературоведческого мышления, характеру разрабатываемых проблем и самой целеустремленности поисков к этому новому направлению в науке объективно примыкают и последние предложения известного словацкого ученого Д. Дюришина⁶, чьи книги переведены на немецкий, английский, венгерский, русский и китайский языки. В своей новейшей работе он дает тот синхронный срез, который отражает систему мировой литературы, сложившуюся ко второй половине XX в.

Выдвинутые в русле явно обозначившегося научного направления теоретические предложения и конкретные историко-литературные разработки приводят к мысли о необходимости подведения некоторых итогов, создании определенного обобщения с тем, чтобы уяснитьобретенные выводы, «состыковать» суждения, возникшие независимо друг от друга, анередко и в неведении друг о друге (увы, международное научное сотрудничество и международная научная информация в силу различных факторов пока еще оставляет желать лучшего). Это позволяет объединить дальнейшие усилия ученых разных стран в разработке поставленных ими же новых проблем. Это также будет способствовать координации продолжающихся исследований, объединенных общностью методологического мышления и научных целей. Это, наконец, скажется на распространении и самого нового теоретического мышления, а также использовании в его русле новых концептуальных предложений и практических выводов в конкретных историко-литературных, сравнительно-литературных и литературно-социологических разработках.

В исследованиях, которые объективно складываются в особые научное направление, вырисовываются не только точки со-прикосновения в трактовке таких узловых понятий, как диалектика универсального и национального, макрорегиональные и региональные закономерности, литературные связи и литературный процесс, но и сам путь поиска (исходным пунктом которого является историческая поэтика), общая его направленность (создание общей истории литературы). Причем выдвинутые теоретические предложения и обретенные на их основе практические результаты как бы взаимодополняют друг друга. Это особенно проявляется с точки зрения диахронного охвата литературного процесса: от начальных и более поздних периодов (Д. С. Лихачев, Р. Пиккио, Н. И. Толстой, А. В. Липатов) до ХХ в. (Д. Дюришин).

С точки зрения литературоведческой pragmatики основная задача в процессе обобщения рассматриваемого здесь опыта состоит в том, чтобы теперь в русле исторической поэтики (которая присуща всем анализируемым тут подходам) попытаться соотнести наши представления об отдельных периодах истории литературы, выстроив их в единую линию от древности до наших дней. А для этого — чтобы не оказаться в положении тех, кто пытался возвести Вавилонскую башню,— необходимо найти общий язык, выработать общий понятийный аппарат, создать единую терминологию, выработать общую систему квалификации исследуемых объектов и классификации привлекаемого материала. Вот почему по мере появления отдельных работ, составляющих и формирующих рассматриваемое здесь направле-

ние в науке, назревало и ощущение необходимости их осознания в общем контексте современного литературоведения. Эта чисто объективная предпосылка сочеталась и с сугубо субъективной: собственными моими размышлениями, поисками и предложениями осмысления генезиса и судеб славянских литератур как явлений национальных и одновременно обусловленных общими закономерностями литературного процесса, порожденного тем типом культуры, который был изначально связан с христианством. Сама же необходимость осмысления накопленного опыта для продолжения как дальнейших теоретических исследований, так и последующих (уже на их основе) историко-литературных разработок способствовала соотнесению собственных поисков с размышлениями о концепциях Д. С. Лихачева и его оппонентов⁸, Р. Пикко и того, что сделано у нас Н. И. Толстым, Д. С. Лихачевым и др.⁹, это же обусловило переосмысление некоторых узловых понятий, а применительно к отдельным эпохам — концепций Барокко¹⁰, Просвещения¹¹ и национального возрождения во взаимосвязи с трактовкой смены литературного процесса и вопросами исследовательской периодизации¹². Уже сама по себе необходимость подобного осмысления отражает наличие новейших предложений, которые и осуществляют, и олицетворяют движение научной мысли.

Продолжить эти размышления, одновременно расширив круг участников научного диалога, дает повод новейшее предложение Д. Дюришина. Разработанная им концепция зиждется на казалось бы необхватном для одного специалиста материале всемирной литературы XX в. с широкими выходами (особенно в отношении славянских литератур) также и в век XIX. Характеристики дифференцированных факторов исторической обусловленности литературного процесса, определение исходных пунктов, функций и форм проявления межлитературных общностей, квалификация единства общего и особенного, создание обширного понятийного аппарата и классификация системы категорий национального и всеобщего литературного развития, разработка вопросов периодизации, традиций и условностей (конвенций) — все это создает теоретическую оптику панорамного видения всемирной литературы и предлагает конкретный исследовательский инструментарий. С его помощью планируется постижение принципов открывающейся — благодаря предложенной оптике — системы и выявление особенностей отдельных ее составляющих (национальных литератур) в их исторической взаимосвязанности и типологической взаимообусловленности как следствий функционирования системной целостности.

Эти масштабные теоретические построения, иллюстрирующие их обширные историко-литературные выкладки и сложные гра-

Физические схемы вызывают, может быть, старомодную, но вполне искреннюю ответную реакцию: воистину, перед таким бенедиктинским трудом надлежит снять шляпу. Если бы не многочисленные предшествующие работы Д. Дюришина из области сравнительного литературоведения, трудно было бы уверовать, что все это плоды деятельности одного ученого, а не целого научного института.

Принципиально новым в современной теории литературы и стержневым для концепции Д. Дюришина является категория межлитературности. Рассматривая национальные литературы как составляющие определенную системную целостность, исследователь тем самым снимает характерную для традиционного — национально ориентированного — литературоведения оппозицию национального (особенного) и межнационального (общего). Появление, развитие и взаимодействие этих двух начал интерпретируется им в свете их диалектического единства, открывающегося благодаря той перспективе, которую дает историческая поэтика. Отсюда и своего рода реинтерпретация Д. Дюришиным того, чем занимается современная компаративистика. Действительно, размышляя в течение ряда лет в этом же направлении¹³, мы видим, что отделяясь на протяжении более чем полуторавекового своего существования от литературоведения как особая дисциплина, компаративистика постепенно обособляла (вычленяя из общего литературоведческого контекста) и сам объект своего исследования. Утрата органичной связи с целостностью литературоведческого мышления и утраченное ощущение целостности самого объекта исследования вследствие его расчленения на «свою» и «прочие» области рано или поздно должны были заявить о себе. Именно результатом этого двойного отчуждения и является тот кризис сравнительного литературоведения, который теперь повсеместно дебатируется.

Концепция Д. Дюришина — реальный путь выхода из этого кризиса. С новым направлением в славистике, о котором говорилось выше, словацкого ученого объединяет сам тип научно-теоретического мышления, а отсюда — и видение объекта исследования, его направленность и цель. В данном случае вся вычленяемая сравнительным литературоведением область типологии и связей рассматривается в общем кругу онтологических закономерностей литературы. При таком подходе каждая отдельная национальная литература не рассматривается как единица высшего порядка, она — компонент общей целостности, что и предопределяет качественные характеристики и функции всех составляющих как самой этой литературы, так и межлитературной общности, в которую она входит. При таком системном подходе отчужденные сравнительным литературоведением

от объективно существующей целостности сферы внутренних и внешних связей рассматриваются в онтологических категориях, отражающих системную целостность литературного процесса, и квалифицируются Д. Дюришиным как *межлитературность*. Именно в этой области взаимодействие национального и универсального образует то своего рода силовое поле, которое обусловливает формирование национально-литературного и межлитературного процессов в ихialectическом единстве. Проявляющиеся здесь закономерности предопределяют хронологию и границы генетически-контактных связей, структурно-типологических схождений, что обусловливает образование межлитературных общностей, которые в свою очередь выступают как слагаемые мировой литературы. (А именно она и является конечной целью предпринятого Д. Дюришиным научного поиска.)

С новым направлением в славистике эту концепцию объединяет общность методологических позиций, основанных на системном восприятии объекта исследования и рассмотрении его в свете исторической поэтики¹⁴. Однако если вся система закономерностей рассматривается нами в рамках универсального понятия общелитературного процесса, то Д. Дюришин предлагает теоретическую систему дифференцированного видения всех составляющих этого понятия. Так, например, все то, что трактуется нами как слагаемые литературного процесса, которые проявляются в самом его функционировании, а поэтому могут рассматриваться и как сфера его качества, Д. Дюришин определяет понятием межлитературности. Эта вводимая им категория заслуживает самого пристального внимания: предложенная исследовательская оптика позволяет как отчетливо разглядеть подлежащую особому изучению сферу явлений, так и подобрать соответствующий именно им исследовательский инструментарий, наметив пути самого исследования.

Разработанная Д. Дюришиным концепция межлитературных общностей и их рассмотрение как выражения закономерностей всемирной литературы «встречается» (воспользуемся термином нашего общего мэтра А. Н. Веселовского «встречные течения») с нашей концепцией литературных регионов и макрорегионов. И там и тут общие критерии их определения, выделения и классификации, и там и тут общее (основанное на конкретных историко-литературных разработках) убеждение об их исторической изменяемости, и там и тут некоторые общие представления об их взаимодействии. При этом Д. Дюришин выявляет и анализирует облик той литературной системы, которая сложилась к концу XX в., мы же — тот предшествующий процесс, который привел к ее формированию, выделяя исторически меняющиеся закономерности, определяя направленность изменений, выраба-

тывая дефиниции разного типа (регион, макрорегион) литературных общностей и давая им названия. Так, согласно нашим представлениям, в период зрелого Средневековья — в условиях окончательного разделения христианства — складываются в рамках общеевропейского литературного процесса макрорегионы *Pax Latina et Pax Orthodoxa*. Славянские литературы в рамках этих целостностей составляли регионы *Pax Slavia Orthodoxa et Pax Slavia Latina* (согласно терминологии Р. Пиккио — *slavia orthodoxa et slavia romana*). Эти последние были внутренне дифференцированы, причем с течением времени — в эпоху Ренессанса, а затем Барокко — в атмосфере Реформации и Контрреформации здесь уже достаточно четко проявились две ориентации: романская (литературы хорватская и польская) и германская (литературы чехов, словаков, словенцев, серболужичан). Для первой характерна преимущественно беллетристическая направленность — собственно художественная литература со свойственной ей концепцией литературной фикции, системой жанров и стилей, для второй — преимущественно эрудиционный, научный, филологический характер со всеми вытекающими отсюда последствиями в сфере генеалогии, языка и стиля. Такого рода контактно-типологическое видение литературного региона соотносится с концепцией *особой межлитературной общности* Д. Дюришина. В то же время его концепция межлитературной общности по этническому признаку (типа славянских, германских, романских литератур) нуждается в некотором уточнении. Так, например, уже изначально этническая общность славянства не имела коррелят в сфере литературной¹⁵: не этнические, а историко-культурные и политические факторы предопределили вхождение славян в разные макрорегионы (*Pax Orthodoxa et Pax Latina*) со всеми вытекающими отсюда последствиями в сфере литературной системы и самого литературного языка (древнецерковнославянский — в *Pax Slavia Orthodoxa*, латынь — в *Pax Slavia Latina*). Не только славянство в целом, но и отдельная его южная группа (болгары, македонцы, сербы — с одной стороны, хорваты и словенцы — с другой) оказались разделенными границами разных культурных кругов, а отсюда — и литературных общностей. Это же можно констатировать и в отношении таких ближайших соседей славян, как предки нынешних румын и молдаван: эти представители романской группы оказались в литературной общности *Pax Slavia Orthodoxa*. Здесь же пребывали — по крайней мере в течение XV—XVI вв. — и литовцы.

Подобным образом обстоит дело и с таким выделяемым Д. Дюришиным фактором, как языковая близость. Древние литературные периоды и здесь имели специфические особенности,

существенно отличающие их от литературы позднейшего времени, обладающей целым рядом свойственных лишь ей закономерностей. Помимо примеров тех же славянских литератур, которые от Средневековья до Просвещения составляли разные литературные общности со свойственным каждой из них своим наднациональным языком (национальный язык, постепенно входя лишь в некоторые из этих литератур, существовал как явление параллельного плана) следует отметить и языковый фактор иного рода. Универсальный язык религии и культуры сближал этически разные народы: латынь объединяла науку, литературу, культуру всех народов, оказавшихся в кругу христианства Западного типа; аналогичную роль в кругу православия играл древнегреческий, а в православно-славянской среде — и древнерусский, а в православно-славянской среде — и древнерусский, а в православно-славянской среде — и древнерусский, а в XV—XVI вв. — и литовцев. Вне круга христианской культуры аналогичную — наднациональную — роль играл и продолжает играть арабский.

Другие примеры различий — с точки зрения литературной и культурной типологии — при языковой родственности: внутренняя дифференциация романских и германских литератур во времена Реформации и Контрреформации, не говоря уже о литературах славянских, где это выступает особенно контрастно в связи — и по мере — их вхождения в силу государственно-политических и религиозных факторов в разные литературные и культурные макрорегионы.

В сущности — это следствие функционирования «фактора факторов», коим является религиозно-цивилизационный принцип как главный, основополагающий, обуславливающий в конечном счете саму перспективу исторического движения литературного процесса в плане философско-эстетическом и проблемно-содержательном. (В XX в. подобную роль будет играть фактор идеологический — особенно в условиях тоталитарных систем).

Итак все детерминанты литературной общности необходимо не только выделить, но и ввести в исторический контекст: они появлялись в разное время, имели разный смысл, функцию, характер проявления. Кстати, в определенные временные отрезки некоторые из них могли не проявляться вообще: например, национальный фактор на протяжении раннего Средневековья, когда довлеющими были принадлежности конфессиональная и государственная; фактор собственной государственности, отсутствовавший — если ограничиться славянскими примерами — у словаков, словенцев, серболужичан вплоть до XX в. Отсюда — иная

иерархия, равно как и очередность явлений, если рассматривать их исторически, диахронно.

Нуждается в корректировке и резонно выделяемый Д. Дюришиным географический фактор. Выше здесь уже приводился пример польской и хорватской (в ее далматинско-дубровницкой ветви) литературы времен Возрождения и Барокко. Географически отдаленные они тем не менее составляли одну межлитературную общность.

Отмеченные Д. Дюришиным многонациональные литературные формации как особые межлитературные общности существовали издревле. Таковыми были христианская, мусульманская, буддийская литературы — то есть комплексы национальных литератур, связанных с мировыми религиями или же — в XX в. — с мировой идеологией (социалистическая литература). Их исторические судьбы, внутренняя дифференциация по национально-государственному признаку — это судьбы прежде всего основополагающих для них доктрин (характерный пример: на наших глазах «дематериализующаяся» социалистическая идеология и разделяющая ее судьбу социалистическая литература).

Эти и некоторые другие нюансы (о которых речь пойдет ниже) объективно отражают, может быть, не столько наши расхождения с отмеченными положениями Д. Дюришина (тут для окончательных выводов необходим непосредственный научный диалог), сколько следствие работы над исторически разными материалами, которые в конечном счете и обусловливают облик исторически конкретных эпох.

Концепция Д. Дюришина и иллюстрирующая ее графическая схема разработаны, как уже отмечалось, на материалах XX в. с определенными выходами в век XIX. Тем самым теоретическая суммарность этой концепции (с точки зрения обрисованных закономерностей и характеристик отдельных явлений) соотносима именно с этим, ограниченным определенными хронологическими отрезками литературным пространством, а иллюстрирующая эту концепцию схема статична с точки зрения появления, направленности и характера разных типов эволюции в разные исторические периоды, формирования стадий внутреннего развития и географического распространения этих закономерностей. Причем, они не появлялись все сразу, а проявившись в одной литературе, регионе, наконец, макрорегионе, не выступали одновременно в полном составе и во всей своей внутренней полноте в другой литературе, регионе, макрорегионе. Отсюда — необходимость взглянуть диахронно: исторически увидеть эту систему в динамике появления и распространения определенных закономерностей в отдельных литературных регионах и их составляющих — национальных литературах — от эпохи к эпохе. При-

чем некоторые факторы могли исчезать, постепенно отходить в прошлое вместе с историческими изменениями в самой системе общелитературного процесса, уступая место факторам иного рода — исторически новым. (Пример из древности: византизм как философско-эстетическая основа литературной системы в Рах Orthodoxa; пример из современности: соцреализм как формально-идеологическая основа сперва многонациональной литературной общности в пределах СССР, а затем и в литературах теперь уже бывших соцстран.)

Итак, теоретическое предложение Д. Дюришина необходимо «наложить» на диахронное видение всей истории литературы, а точнее: присущую выводам словацкого ученого диахронию в рассмотрении процессов XIX—XX вв. «восполнить» ретроспекцией — от начала века XIX к началу славянских литератур. Это необходимо, чтобы увидеть целое в сопряжении как отдельных конкретных фактов, тенденций, наконец, целостностей, составляющих литературный процесс, так и стоящих за ними закономерностей. Это необходимо, чтобы увидеть всё — факты литературы и факторы их бытия — в динамике исторических изменений. Это необходимо, чтобы осознать *качественную* сумму достигнутого литературой к концу XX в. и соотнести ее с растигнутым в историческом времени и погруженным в культурное пространство процессом становления мировой литературы. Это необходимо, чтобы решить проблемы периодизации (которой столько внимания посвящает Д. Дюришин), выделяя особенности отдельных периодов в отдельных литературах, литературных общностях, а тем самым решая вызывающие столько споров проблемы периодизации связей именно на предложенном словацким ученым уровне межлитературности. Это необходимо, чтобы «уловить» характер, ритм и темпы литературного движения.

Предложенные Д. Дюришиным теоретические построения и графическая схема импонируют в соотнесении с новейшей историей литературы. Они отражают своего рода «сумму» достигнутого литературой к нашему времени. С точки же зрения полноты охвата литературных эпох, а отсюда — выявления факторов и закономерностей возникновения, развития, углубления и распространения определенных тенденций, которые привели к самому возникновению мировой литературы и ее дальнейшей эволюции — еще предстоит очень и очень большая работа. Это отчетливо осознает и сам Дюришин, подчеркивая: «мы сейчас находимся лишь в начальной стадии наших историко-литературных и теоретико-методологических наблюдений»¹⁶. Видит словацкий ученый и в своей концепции лакуны в отношении древних периодов, объясняя это нехваткой специалистов, привлеченных

им для разработки своего проекта¹⁷. Между тем именно в этой области существуют теоретические предложения и историко-литературные разработки, созданные в рамках нового направления в славистике, которые уже теперь могут в определенной мере восполнить отмеченные также и самим Д. Дюришиным пробелы.

Я уже останавливался на «встречных течениях» в отношении межлитературных общностей у Дюришина и у нас. Состояние изучения их динамики от Средневековья до 70-х годов XIX в. позволяет уже теперь создать историю формирования, изменений и взаимодействий славянских межлитературных общностей. Целесообразно принять этот термин Дюришина и на основе охватываемых им закономерностей и явлений конкретно решать сформулированные словацким ученым вопросы истории литературных связей и их периодизации в ракурсе тех исследовательских возможностей, которые открывает концепция межлитературности. Однако и здесь предварительно необходим научный диалог, призванный прояснить наши общие позиции, а в свете исторической поэтики конкретизировать определенные представления во всей их полноте — от древности до XX в. Так, например, Д. Дюришин, скрупулезно фиксируя многообразные типы литературных связей, напрочь опускает их проявление в виде влияния. Это отражение последовательно декларированной им позиции¹⁸. С чисто теоретической точки зрения ее возникновение связано с абсолютизацией концепции «встречных течений» А. Н. Веселовского.

История литературы — особенно на ранних этапах — изобилует множеством примеров влияний разного типа: от таких глобальных, как заимствование литературной системы в целом, включая генологию, стилевые эталоны, язык и сам состав памятников¹⁹ до таких дифференцированных, как заимствование мотива, образа, стиля, приема. Тот же А. Н. Веселовский, равно как и его современник А. Н. Пыпин и другие представители нашего академического литературоведения той поры в своих историко-литературных разработках дают многочисленные примеры того, что помимо «встречных течений» и вне их возможны разного рода прямые и опосредованные влияния одних литератур на другие, существующие как в рамках одной литературной общности, так и в разных, относящиеся как к одному кругу культуры (христианству, например), так и к разным, взаимоотчужденным (христианство и язычество, христианство и Восток). Следует принять во внимание, что само встречное течение может возникнуть как результат влияния, будучи как бы последующей стадией. Пример из древности: увлечение отдельных русских книжников XVII в.— в силу их собственных, индиви-

дуальных вкусов, наклонностей и устремлений — украинско-белорусским и польским барокко, что создало в русской литературе, тогда еще преимущественно ориентированной на свою, традиционную (ранне-византийскую по своему генезису) систему, встречное по отношению к «латинству» течение. Именно оно в довольно близкой перспективе и привело к переходу русской литературы на ту литературную систему, которая изначально была присуща Pax Latina (а в ее рамках — Pax Slavia Latina)²⁰. Пример из современности: иначе как влиянием — проявляющимся в крайних формах политического воздействия, обязательного и насильтственного насаждения — и не назовешь распространение соцреализма в его конкретных (литературных и идеологических) образцах во всех литературах всех соцстран.

Рассматривая формы преемственности, Д. Дюришин акцентирует наличие «творческого подхода» со стороны реципиента-автора. Отсюда делается вполне резонный вывод: «Вместо одностороннего термина «влияние» гораздо больше подходит цепочка из трех понятий: импульс (толчок) — рецепция — творческий акт»²¹. Такой подход, несомненно, позволяет избежать упрощений: разлагая одно понятие на три его составляющие, Д. Дюришин в сущности раскрывает механизм воздействия одного писателя на другого. Причем наличие творческого восприятия — переосмысления отнюдь не снимает и практики иного рода — более или менее точного копирования, подражания, клиширования и т. п. (Так, например, продукция литературы и критики соцреализма в соцстранах отнюдь не всегда является собой образцы «творческого» следования по стопам Большого Брата.) Поэтому-то вывод и терминология Дюришина могут быть соотнесены именно со случаями «творческого подхода воспринимающего автора», что не является единственно присущим литературе, ибо выступает наряду с не менее типичной (особенно если речь идет о массовой, популярной продукции) литературной практикой иного рода (программная анонимность значительной части средневековой литературы; приобретающие в определенные периоды — особенно на этапе увядания некогда ведущей тенденции — значительный, а то и преобладающий в количественном отношении удельный вес эпигоны и эпигонские течения; литературный дилетантизм от древности до наших дней дают в этом отношении пребогатый иллюстративный материал).

Трактовка влияний и связанный с ними сферы литературных отношений, хронологические ограничения рассматриваемых материалов и процессов рамками XIX—XX вв. накладывает специфический отпечаток на интерпретацию Д. Дюришиным целого ряда других узловых проблем литературного процесса. Для примера остановимся на одной из них — не только важной, но

и — учитывая национальную ментальность — весьма деликатной. Словацкий исследователь квалифицирует ее как «дифференцированность развития» и поясняет свою мысль следующим образом: «Речь идет о литературах с богатой динамикой развития, с широко развитым стилевым и жанровым профилем с одной стороны, и о литературах с менее богатой динамикой литературного процесса с другой стороны. Зачастую именно при этом членении имели место априорные оценки литературных групп посредством таких терминов, как «литературы большие» и «литературы малые» или даже «литературы законодательные» и «литературы незаконодательные» и т. д. Во всех этих и похожих случаях предполагалось равномерное развитие отдельных литератур и поэтому к ним применялись единые оценочные критерии. В результате этого возникали такие понятия, как «отстающее развитие», проявлялись тенденции преодолевать это отставание «ускоренным развитием». Появление литературы и отдельных литературных произведений механически выводилось из других произведений, что выражалось понятиями «зависимости» и «влияния» и т. п. Стремясь избежать подобной односторонности при оценке особенностей развития отдельных литератур, мы в нашей систематике пользуемся понятиями *дифференцированные и менее дифференцированные литературы*²².

Попробуем сопоставить эту теоретическую концепцию с историко-литературными материалами разных эпох. Предложенный критерий «дифференциированности развития» вполне соотносится с состоянием тех славянских литератур, которые прошли эпоху национального возрождения (последние десятилетия XVIII — 60—70-е годы XIX в.). Однако (если ограничиться славянским миром) те же далматинская и дубровницкая ветви хорватской литературы XVIII в.— весьма «дифференцированные», имеющие богатейшие традиции собственного Ренессанса и Барокко, представленные всеми литературными родами, были по своему художественному уровню и динамике развития эпигонскими и увядавшими как по отношению к блестящему собственному прошлому, так и в соотнесении с современностью романо-германского Запада или таких славянских литератур, как польская и русская. Пример из Средневековья: древнерусская литература (равно как и литература болгар и сербов до османского ига) имела развитую систему жанров и стилей, обширнейший состав памятников, будучи внутренне весьма «дифференциированной». Однако синхронное сопоставление как ее «дифференциированности», так и свойственной ей эволюционной динамики с литературами *Pax Latina* под аксиологическим углом зрения было бы по меньшей мере нелогично. Суть в том, что *Pax Slavia Orthodoxa*, будучи составной частью Византийского макрорегио-

на, обладала своей особой (восходящей к ранне-византийской поэтике) литературной системой, а также специфичной именно для данной литературной общности генологией²³ и особой динамикой развития. В этой связи: констатируемая Дюришиным взаимозависимость «высокой дифференцированности» и «богатой динамики» также не подтверждается на материалах православного Средневековья. И речь идет не только о том, что на протяжении истории изменялись литературные системы (каждая из которых имела свою специфичную дифференцированность), и не только о том, что на протяжении истории менялась сама динамика литературного процесса (включая и варианты движения вспять), но и в том, что разные системы обладали разной, а поэтому аксиологически несопоставимой динамикой. Несопоставимой, ибо различие такого рода было обусловлено качественным различием в философско-эстетической сути самих этих литературных систем. Так замедленная (при сравнении в чисто количественном плане) динамика древнерусской литературы была обусловлена не только факторами государственно-политической истории и историческими потрясениями (монголо-татарское нашествие) — это особая, так сказать, внешняя сфера причин. Внутренний же, всеобуславливающий фактор онтологического, гносеологического и аксиологического свойства — сам характер древнерусского православия, присущее ему благочестие и именно в его свете инструментальная трактовка письменности, исключающая художественно-литературную функцию как бесовское искушение. На Западе же все нарастающее воздействие античности, усиление секуляризирующейся светской культуры (что во времена зрелого Средневековья породило литературу народно-городскую и рыцарскую) размывало первоначально свойственную всему христианскому миру инструментальную трактовку искусства, включая искусство слова. Ренессанс заложил расцвет секулятивной тенденции, начало Новой истории всех искусств. В восточнославянском мире у истоков подобного процесса стояли украинская и белорусская литературы, которые под воздействием польской и отчасти чешской литературы (как составных Pax Latina), начиная с XVI, а особенно в XVII в. осуществляли переориентацию на новый для них тип литературной системы со свойственными ей эстетическими и культурологическими представлениями, образцами и динамикой. Этому способствовали и сугубо местные факторы: секуляризация культуры дворянства и горожан, ее окцентрализация («западничество», «латинство») под воздействием Речи Посполитой, в составе которой оказались украинцы и белорусы. В России XVII в. возникновению и развитию подобных процессов способствовало развитие государственного (светского по самой своей сути)

начала и его модернизация, связанная со стремлением к выходу на арену европейской политики: отсюда секуляризация общественной жизни и внимание к опыту как своих восточнославянских единоверцев²⁴, так и в значительной степени благодаря их посредничеству — поляков. Факты влияний (от заимствования литературной системы в целом до восприятия поэтических кодексов и следования отдельным образцам) здесь имели место наряду с творческим своеобразием. Оно отразилось, например, в характере синтеза своих, «византийских» традиций с «латинскими» эталонами барочно оформленных жанров и стилевых образцов. Оно воплотилось в самом собственно славянскими усилиями совершенном в этой части континента переходе к новой литературной системе, благодаря чему барокко стало первым действительно общеевропейским литературным направлением²⁵. В этой связи следует также отметить, что на протяжении истории славянских литератур, равно как и литератур Европы и, наконец, всемирной литературы проявлялось особое значение и иногда исключительная роль одной или нескольких национальных литератур в создании и распространении ценностей, обретающих универсальное значение и общечеловеческий смысл. Итальянская литература времен Возрождения и Барокко, французская, представленная классицизмом, Просвещением и крупнейшими направлениями XIX—XX вв., немецкий романтизм, английский роман XVIII—XX вв. и английская романтическая поэзия, русская реалистическая литература — это лишь некоторые характернейшие примеры. Для истории славянских литератур такими примерами будут роль древнеболгарской письменности в начальном периоде литератур Pax Slavia Orthodoxa, роль чешской литературы для средневековых литератур Pax Slavia Latina, роль польской литературы Возрождения и Барокко в восточнославянском мире, а Просвещения — в западнославянском. Этот перечень можно продолжить и детализировать. Суть в том, что вся история литературы от древности до наших дней свидетельствует: в каждую эпоху были литературы *доминантные* и *субдоминантные*. С тем, что эти категории не являются застывшими: от эпохи к эпохе меняются не только носители доминантности — меняется и само качество, характер, масштабы и суть доминантности, ее функциональные проявления. Меняется и система внутреннего и внешнего соотношения доминантных и субдоминантных литератур. Именно это — наряду с общественно-историческими предпосылками и факторами духовной культуры — обуславливает динамику литературного развития.

Создание в рамках одной национальной литературы таких художественных ценностей, которые, имея общечеловеческий смысл, предопределяют будущий облик целой эпохи в истории

определенной межлитературной общности, означает, что составляющие ее литературы, имея перед собой новые ориентиры, идеалы, эталоны, изменяют направленность, а вместе с ней и динамику своего развития. Они ускоряют свое развитие, чтобы обрести те ценности, которые привлекают их в другой национальной литературе. Отсюда понятие «ускоренного развития», разработанное у нас Г. Д. Гачевым на материале болгарской литературы первой половины XIX в.²⁶ и с его легкой руки ставшее универсальным по отношению ко всем прошедшим этап национального возрождения славянским литературам, может употребляться более широко как в плане разных эпох, так и разных уровней развития²⁷. При этом оно абсолютно лишено того уничижительного смысла, который вкладывает в него Д. Дюришин, рассматривая это понятие в свете оценочных критерии. В нашем (да и не только в нашем) литературоведении понятие «ускоренного развития» основано на принципах не аксиологии, а исторической поэтики и означает, что определенная национальная литература (или литературы), обретая новые философско-эстетические и общекультурные ориентиры в виде конкретных явлений (литературное направление, стиль, жанр; система мировидения, общественный идеал, образец личности, эталон межличностных отношений, представления о нормах жизни и быта), созданных в другой литературе (литературах), стремится в возможно кратчайшие сроки создать свои аналоги этих свершений. Различия же между доминантными и субдоминантными литературами могут быть обусловлены либо факторами собственно литературными (при общей литературной системе гений Данте появляется именно в Италии, Сервантеса — в Испании, Шекспира — в Англии, Корнеля и Расина — во Франции, Гете — в Германии, Толстого и Достоевского — в России), либо комплексом факторов истории, культуры и литературы (гибель Византии и последующая, предопределенная самой дальнейшей логикой закономерностей общеевропейского плана переориентация *Pax Orthodoxa* на тип культуры и свершения *Pax Latina*), наконец, как в случае славянских народов, прошедших стадию национального возрождения, — общенациональной катастрофой (утрата независимости, угнетение народа и подавление его культуры). Стремясь преодолеть последствия такого катаклизма, лучшие просвещенные умы нации обращались к конкретному социальному и культурному опыту, к конкретным моделям и образцам художественного творчества, возникшим в среде тех народов, к которым история оказалась более благосклонной.

Рассмотренные здесь некоторые, представляющиеся узловыми моменты в концепции Д. Дюришина в достаточной степени отражают значимость его разработок. Сама же по себе обуслов-

ленная общим типом научного мышления и общей направленностью исследовательского поиска возможность, очевидная плодотворность и открывающиеся перспективы этого фактически уже состоявшегося диалога со словацким ученым — достаточные свидетельства ценности его теоретического вклада в разработку актуальнейших проблем современного литературоведения. В сущности уже можно констатировать объективно вырисовывающуюся в исследовательской практике разных ученых тенденцию к преодолению устоявшихся стереотипов переживающей очередной кризис компаративистики, к преодолению еще преобладающего литературоведческого провинциализма славяноведения, зашоренного узконациональными и панславистскими представлениями, которые лишь камуфлируются смесью марксистской и современной терминологии. Новая литературоведческая оптика помогает осознать славянские литературы не в качестве некоей особой и по сути — мифической — самости, но как реальную составную часть общеевропейской литературной истории, а их связи — как следствие изначальной общности с миром. По существу речь идет о концепциях, имеющих не только общие точки соприкосновения, но и в основах своих общую теоретическую платформу, научную направленность и конечную цель исследования. Все это создает реальные предпосылки для координации ведущихся в течение вот уже ряда лет независимо друг от друга научных поисков, способствует объединению усилий работающих в общем проблемном русле специалистов из разных стран и создает конкретные условия для самой выработки общей и перспективной программы их сотрудничества в решении целого комплекса актуальнейших вопросов теории и истории литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лихачев Д. С. Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов.—М., 1968.

² Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкоznания.—1961, № 1; Он же. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // Славянское языкоzнание. V Международный съезд славистов.—М., 1963; Он же. История литературы — история языка // Научни састанак слависта у Вукове дане.—1978.—№ 8; Он же. История и структура славянских литературных языков.—М., 1988.

³ Толстой Н. И. Становление хорватской литературы и литературный регионализм в XVI—XVIII вв. // Славянские литературы в процессе становления и развития.—М., 1987.

⁴ О работах Р. Пиккио см.: Липатов А. В. Общие закономерности истории славянских литератур и концепция Р. Пиккио // Slavia. Praha.—1990. № 3. См. также: Известия АН СССР. Серия литературы и языка.—1990.—№ 4.

⁶ Липатов А. В. Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс эпохи Средневековья // Советское славяноведение.— 1978.— № 4. Он же. Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс. К проблеме исследования литературы как системы // Барокко в славянских культурах.— М., 1982; Он же. Славянское Просвещение в общеевропейском контексте // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.— М., 1982; Он же. Проблемы создания общей истории славянских литератур // Советское славяноведение.— 1987.— № 3; Он же. Проблемы общей истории славянских литератур от Средневековья до середины XIX в. (Европейский контекст, типологическая дифференциация и национальная специфика, формирование основ современного развития) // Славянские литературы в процессе становления и развития.— М., 1987.

⁶ Durišin D. Osobitné medziliterárne spoľočenstvá // Durišin a kol. Osobitné medziliterárne spoľočenstvá I.— Bratislava, 1987. Дюришин Д. К систематике межлитературного процесса // Систематика межлитературного процесса. Диониз Дюришина и коллектив.— Братислава, 1988; Он же. Межлитературные общности как выражение закономерностей всемирной литературы // *Slavica Slovaca*.— 1988.— № 2, 4. Основные тезисы двух последних работ Д. Дюришина изложены в реферахах Е. С. Твердисловой, опубликованных в реферативном журнале Общественные науки за рубежом. Серия 7. Литературоведение.— 1990, № 1—2.

⁷ На русском языке вышла его Теория сравнительного изучения литературы (М., 1979) в переводе И. А. Богдановой и с предисловием Ю. В. Богданова, который дает общую характеристику работ Д. Дюришина и вводит его предложения в контекст нашего сравнительного литературоведения того времени. См. также: Твердислова Е. С. Современное состояние сравнительного литературоведения в зарубежных социалистических странах // Советское славяноведение.— 1982.— № 5.

⁸ Липатов А. В. Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс // Барокко в славянских культурах.— М., 1982 (см., в частности, с. 41—51).

⁹ Липатов А. В. Общие закономерности истории славянских литератур и концепция Р. Пинкко // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.— 1990.— № 4; Он же. Проблемы общей истории славянских литератур... .

¹⁰ Липатов А. В. Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс; Lipatov A. Barok i literatury wschodnioslowianskie // Studia polono-slavica-orientalia. Acta Litteraria XII. Wrocław etc., 1990.

¹¹ Липатов А. В. Славянское Просвещение в общеевропейском контексте // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.— М., 1982; Он же. Просвещение: антиномии и единство эпохи // W kregu oświecenia i teatru. Wrocław etc., 1989.

¹² Lipatow A. Kalendarze literatury. O periodyzacji historycznoliterackiej // Teksty. Warszawa.— 1973.— N 3; Он же. Теоретическая проблематика стыка литературных эпох // Советское славяноведение.— 1979.— № 6. Он же. Периодизация литературы польского Просвещения // Советское славяноведение.— 1972.— № 6.

¹³ Липатов А. В. Литературные влияния и типологическая общность (сопротивление и критерии) // Сравнительное изучение славянских литератур.— М., 1973; Он же. Формирование польского романа и европейская литература. Средневековые, Возрождение, Барокко.— М., 1977 (см., в частности, теоретические разделы III и V); Он же. Критерии оригинальности и литературные связи // Литературные связи и литературный процесс.— М., 1986; Он же. Истори-

рия литератур и литературные взаимодействия (Диалектика универсального и национального) // Функции литературных связей.— М., 1992.

¹⁴ Идеи ее основателя А. Н. Веселовского имеют давнюю традицию и занимают видное место в чешском (Ф. Вольман, И. Грабак и др.) и словацком (М. Бакош, Д. Дюришин и др.) литературоведении.

¹⁵ См.: Липатов А. В. Проблемы общей истории славянских литератур... С. 10—13.

¹⁶ *Slavica Slovaca*.— 1988.— N 4. S. 347.

¹⁷ Ibidem.— S. 341. Для разработки проблем, поднятых Д. Дюришиным, сам ученый и руководимый им коллектив организовали международное сотрудничество и обсуждение, способствовавшие появлению двух сборников. Однако их проблематика, равно как и круг авторов, «замкнуты» на истории литературы XIX—XX вв. См.: *Osobitné medziliterárne spoločenstvá I.— Bratislava*, 1987. Систематика межлитературного процесса. Д. Дюришин и коллектив.— Братислава, 1988.

¹⁸ См.: Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы.— М., 1979 (словацк. изд.— 1975); Он же. К систематике межлитературного процесса.

¹⁹ Например, начальный этап литературы на всех землях христианизирующегося мира, который воспринимал новые каноны письменности, а в подавляющем большинстве и саму письменность из Византии либо Рима, соответственно на древнегреческом или латыни. Универсальными для части славянских (и не только славянских) народов были также язык и литература, восходящие к Кириллу и Мефодию.

²⁰ См.: Липатов А. В. Литературный облик польского Барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское Барокко.— М., 1979; Он же. Формирование польского романа и европейская литература; Он же. Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс; Он же. Проблемы общей истории славянских литератур; Он же. *Barok i literatury wschodnioslowianskie* // *Studia polono-slavica-orientalia. Acta Litteraria XII. Wrocław etc.*, 1990.

²¹ См.: Дюришин Д. К систематике межлитературного процесса. С. 13—14.

²² См.: *Slavica Slovaca*.— 1988.— N 2.— S. 173—174.

²³ Этот аспект в современной науке получил разработку прежде всего в трудах Д. С. Лихачева и Р. Пиккио; их сопоставление и анализ содержится в моей работе «Общие закономерности истории славянских литератур и концепция Р. Пиккио» (Известия АН СССР. Сер. литературы и языка.— 1990.— № 4).

²⁴ Констатация Д. Дюришина о том, что «в литературах восточных славян, ... ведущую позицию почти непрерывно занимала русская литература» (*Slavica Slovaca*.— 1988.— N 2.— S. 177), нуждается в существенных оговорках. Следует учсть, что в течение XVII, XVIII, XIX вв., помимо собственно литературных воздействий Украины на Россию, существовала и своего рода линия персональных влияний, когда целый ряд украинцев вошел в русскую литературу, привнося в нее специфические ценности своей национальной культуры. В этом отношении симптоматичны имена Прокоповича, Богдановича, Капниста, Гнедича, Нарежного, Гоголя и др.

²⁵ См.: Липатов А. В. Проблемы общей истории славянских литератур; Он же. *Barok i literatury wschodnioslowianskie*.

²⁶ Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.).— М., 1964. Новое расширенное изд.: Неминуемое. Ускоренное развитие литературы.— М., 1989.

²⁷ См.: Липатов А. В. Проблемы общей истории славянских литератур // Славянские литературы в процессе становления и развития.— М., 1987.

Людмила Будагова

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР (О динамике межлитературных общностей)

Выделение межлитературных общностей — дело не новое. Это один из наиболее естественных принципов систематизации литератур мира, отвечающий принципу систематизации народонаселения земли по этническим, языковым, географическим, общественно-историческим и т. п. критериям. Принцип этот лежит и в основе композиции томов фундаментальной «Истории всемирной литературы» (Москва).

Новым в работах Диониза Дюришина, посвященным этой проблематике, является инициатива «интенсивного программного исследования закономерностей межлитературного процесса»¹, а также теоретическая разработка методики и форм подобных исследований.

Выдвигается задача перехода от довольно стихийного, спорадического — к целенаправленному, планомерному изучению разного рода литературных (межлитературных) общностей, как промежуточного звена между национальной и мировой литературами, как «вспомогательной категории между отдельным и всеобщим»². И все это — во имя более глубокого и детального рассмотрения как отдельно взятых литератур, так и мирового литературного процесса³.

Категория «межлитературной общности» как бы возвращает национальную литературу, часто рассматриваемую изолированно от своих ближайших соседей, в тот контекст (историко-культурный, регионально-этнический, государственно-административный и т. д.), который хоть и составляет ее естественную среду и многое в ней определяет, но далеко не всегда становится объектом пристального внимания. И на это есть свои причины. Ведь всякая литература по мере развития все активнее включается в международный литературный контекст, существуя в мировом культурном пространстве как его неотъемлемая часть.

В конечном итоге, выход каждой литературы за «национальные рамки», преодоление «региональной ограниченности» — показатель ее зрелости и успехов, результат творчества ее наиболее ярких представителей. Отсюда и традиция — оперировать такими отстоявшимися категориями, как «национальная» и «мировая» литературы, устанавливая между ними прямую связь.

Одна из проблем изучения «общности славянских литератур» — заключена в проблематичности этого понятия, в возникающих вопросах: что представляет собой эта общность? Что это, объективная данность, органически сложившийся конгломерат родственных явлений, или результат довольно условной группировки разнородных слагаемых, объединенных по каким-то внешним признакам? Иными словами, много ли общего между литературами восточных, западных, южных славян, да и между литературами внутри этих регионов? Ведь каждая из них настолько самобытна, что сама мысль об их объединении, например, в рамках «Истории славянских литератур» кажется сейчас кому-то искусственной, непродуктивной.

Скажем, сразу, «общность славянских литератур» имеет тенденцию выступать то как объективная данность, то как результат некой исследовательской оптики, определенной точки зрения на мировую литературу, нуждающуюся в хотя бы условной классификации. Можно констатировать не просто двуединство этих категорий («объективная данность» и «следствие определенной точки зрения»), а их подвижность, взаимоперетекаемость, зависящую от состояния этих литератур, от этапов их развития, на которых возникают основания то для одного, то для другого подходов. Как «общность» эти литературы можно особенно хорошо осознать и прочувствовать, если проследить их историю. В свою очередь, сама категория «межлитературной общности» помогает лучше понять историю этих литератур.

В «Систематике межлитературного процесса» Д. Диришин пишет об относительности термина «национальная литература»⁴. Но не менее относительна и «межлитературная общность». Один из ее существенных признаков — «тесное, непосредственное взаимодействие (составляющих эту общность литератур — Л. Б.), обусловленное разными обстоятельствами»⁵. Но характер, интенсивность и эффективность взаимодействий славянских литератур (как, впрочем, и любых других) не оставались неизменными. Могли возникать ситуации для ослабления внутриславянских и усиления межэтнических отношений, и наоборот. Славянская культурная общность никогда не была изолирована от остальной европейской культуры; была ее органичной частью — то более, то менее суверенной.

На протяжении истории общность славянских литератур как бы постоянно пульсирует, проявляя склонность то к внутренней консолидации, то к дезинтеграции. В этой общности, которая может превращаться в «разобщенность», все время действуют центростремительные и центробежные факторы, меняющие свою природу, функцию, активность. То, что прежде определяло общность исторических судеб, способствовало внутренним сближениям (этническое, языковое родство, региональная близость, общая вера и т. д.), могло с течением времени ослабить, или даже утратить свое консолидирующее значение, превратиться в формальный момент, в показатель внешней близости. Но в изменившихся исторических ситуациях тот же фактор (например, принадлежность к одному этносу) мог снова превратиться в импульс внутреннего сближения.

В свете сказанного хотелось бы заметить, что термин межлитературная «общность» представляется нам слишком статичным и слабо отражающим динамику отношений литератур, ее составляющих. Он как бы заранее предполагает их неизменное взаимотяготение и некое внутреннее единство. Может быть, более диалектичными были бы понятия «сообщество»⁶, «группа», «совокупность», допускающие разный характер литературных связей?

Последовательное рассмотрение славянских литератур как «общности» с определением исторических ритмов ее разнонаправленных пульсаций представляет интерес, но не входит в нашу задачу. Мы преследуем более скромную цель: подтвердить на отдельных примерах тезис о динамизме этой общности, ее способности и консолидироваться, и разобщаться.

Наибольшую склонность к консолидации славянские литературы проявляли прежде всего на ранних этапах своей истории. Это определялось разными причинами: как самыми общими законами развития человечества, идущего по пути дифференциации народов, языков, культур, по пути обособления, самоопределения и развития все новых и новых субстанций (чем глубже в прошлое, тем неформальнее, синкретичнее разного рода конгломераты, в том числе литературные), — так и общностью исторических судеб славян.

Специфику, выделявшую славянские литературы из европейского ряда, создавало более позднее время старта этих литератур, связанное с более поздним принятием христианства, послужившего толчком к созданию славянской письменности. Славянские литературы вошли в семью литератур европейских, как «молодые», что определило некоторые общие особенности их развития. Играло свою роль (дифференцирующую по отношению к чужим народам и интегрирующую по отношению друг к

другу) и местоположение славян в своеобразном пограничье между Западом и Востоком, христианским и мусульманским мирами, а внутри христианского — между Римом и Византней. Их земли были объектом экспансий западных и восточных государств. Славяне страдали и от татаро-монгольского ига, и от Османской империи, и от Габсбургской короны. От этой неспокойной истории и такое своеобразие их культурной эволюции, как чередование подъемов и спадов, периодов замедленного и ускоренного движения. Но уже сама протяженность славянского региона, часть которого уходила на запад Европы, а часть — на Балканы с их исторической и культурной спецификой, со своей стороны усиливала разнородность славянского мира.

Мощной консолидирующей силой, связавшей западных, южных, восточных славян не только с Западной Европой, но и друг с другом, послужило христианство. Правда, сказывались конфессиональные различия, церковная ориентация на Рим или Византию. Но они не создавали между средневековыми литературами каких-то непреодолимых противоречий, что позволяло говорить о духовной общности древнеславянских литератур, и о некоем, связующем их «философско-эстетическом облике»⁷. Кроме того, с развитием литературы светского характера дифференцирующая роль конфессиональных факторов ослабевает.

Общность древнеславянских литератур цементировалась и нормативностью средневекового искусства, подчиненного христианским канонам, и общностью литературного языка — древнеруского и латыни, и неравномерностью развития. Последнее заставляло одни литературы активно перенимать опыт других, восполняя недостающее за счет «ввозного товара» (термин Александра Веселовского), за счет переноса на свою почву не только отдельных памятников, но и целых направлений⁸. При этом резко активизировалась комплементарная функция связей. Их бушующая стихия играет в ту пору огромную конструктивную роль, помогая не только развитию, но и спонтанной консолидации славянских литератур, вызванной эволюционными потребностями.

Недаром историки русской литературы фиксируют периоды «южнославянских» и «западнославянских» влияний, когда разные литературы как бы идут навстречу друг другу, создавая некое органическое единство. «...Русская литература до XVII в. представляла некоторое... единство с литературами южнославянскими. С развитием национальных начал в жизни всех славянских литератур к XVII в. южнославянские и византийско-славянские связи русской литературы несколько ослабевают и возникают более интенсивные связи с литературами западнославянскими, но этот тип связей уже другой»⁹. Менялись механизмы и стиму-

лы литературных взаимодействий, менялась направленность связей, но сохранялась их интенсивность и консолидирующая роль.

Видимо неслучайно исследователи общеславянских литературных тенденций концентрируются прежде всего на древнейшем и древнем периодах развития славянских литератур. И неслучайно, что Д. С. Лихачев выступил в свое время с идеей создания общей истории именно древнеславянских литератур¹⁰. Дело не столько в его профессиональных интересах «древника», сколько в характере материала. Именно в древности славянские литературы являются собой бесспорную и выразительную общность, в основе которой близость исторических судеб, языка, памятников.

Достаточно высокой степени сплоченности славянские литературы достигают и в известную эпоху национального возрождения (конец XVIII — 70-е гг. XIX в.). От ранних исторических этапов это время отличалось особыми стимулами к единению славян, т. е. особой природой возрожденческой общности. Если общность древнеславянских литератур формировалась во многом стихийно, на волне спонтанных эволюционных процессов¹¹, то с развитием литератур в их взаимотяготении все большую роль начинают играть сознательное начало, добровольный выбор, определенная идея. Ею становится идея славянской взаимности. Славяне западные и южные, протестанты, католики, православные, чехи, словаки, сербы, болгары одинаково тяготеют друг к другу и к России, связывая с ней надежды на освобождение и защиту от иноземного гнета. Исключение составляли поляки, у которых были особые отношения с этой страной.

В эпоху формирования наций происходит становление не только национального (видового), но и славянского (родового) сознания, сопровождавшееся программным освоением ценностей национальной и общеславянской культуры.

Стремление повысить профессиональный уровень родной поэзии рождало в творчестве чешских поэтов-будителей анакреотические мотивы, оды, баллады, пасторали, силлабо-тонические размеры и гекзаметр. Желание проникнуть в пластины родственной культуры, припасть к ее истокам заставляло тех же поэтов переводить с других славянских языков, вдохновляло собирателей славянского фольклора (Ф. Л. Челаковского, К. Я. Эрбена, Я. Коллара, В. Караджича и др.), обращавшихся к нему и в оригинальном творчестве. Не случайно в один и тот же период развертывается деятельность украинца Ю. Венелина, заново открывшего для себя и других «древних и нынешних болгар» в «их отношении к россиянам» и пробудившего интерес к их литературе и языку, в Чехии звучат «Отголоски русских пе-

сен» (1829) Ф. Л. Челаковского, а Россия откликается в ответ «Песнями западных славян» (1834) А. С. Пушкина.

Именно в этот период, как бы отзываясь на встречные течения, Россия начинает по-настоящему осваивать для себя тот славянский мир, который лежал за ее пределами. Стимулом и результатом этих процессов становится рождение русского славяноведения.

Общественная мысль XIX века фиксирует ситуации духовного сближения славян, определившего и литературные сближения. В статье «Русское славяноведение в XIX столетии» (1899) А. Н. Пыпин писал, оглядываясь назад и осмысливая деятельность Л. Штура и его работу «Славянство и мир будущего — послание к славянам с берегов Дуная»: «Названное сочинение Штура представляло любопытный исторический и публицистический трактат о будущем славянском единстве, написанный с большим знанием славянских отношений и с великим одушевлением и замечательно совпадший с теми идеями, которые излагались в нашей славянофильской школе...»¹².

О том, что славянское самосознание сформировалось не сразу, а явилось результатом исторического развития народов, говорит, к примеру, пафос трудов И. Г. Гердера. Защищая славян, он в то же время стремился пробудить в них интерес к их же собственной культуре, как бы «со стороны», из внеславянского мира стимулируя их консолидацию.

Постепенно идея славянской взаимности утратит свою интегрирующую роль, фактически сойдя на нет в 20—30-е гг. XX века. Принцип пролетарского интернационализма — один из ведущих в советской культуре и в революционном искусстве за рубежом, поставит классовые интересы выше национально-этнических, лишив межславянские связи той значимости и тех приоритетов, которые они имели в дореволюционной России. Но эта идея вновь возродится в период антифашистского сопротивления, когда расизм и гитлеровская агрессия вызовут мощную защитную реакцию: всколыхнут патриотические настроения, чувства славянской солидарности. Некоторые политологи предсказывают и ее возможный ренессанс в будущем, в случае опасности германского реваншизма или исламского фундamentalизма.

С развитием литератур многие естественные факторы, которые некогда связывали их между собой, потеряют свою силу: например, региональная близость, этническое и языковое родство.

Последнее вообще нельзя преувеличивать. Оно содействовало языковым контактам прежде всего в древности и в начале XIX в. Тесная связь славян Австро-Венгрии с немецкоязычной

средой, да и сама система образования в странах Европы приводили к тому, что славяне порой легче понимали немцев, французов, англичан, итальянцев, чем друг друга. (Исключение составляли народы, говорящие либо на одном, как сербы и хорваты, либо на очень близких языках, как чехи и словаки, как русские, белоруссы, украинцы.) Вспомним, что персонажи романа «Накануне» И. С. Тургенева, свободно изъяснявшиеся по-немецки, отзывались о болгарском языке, как «непонятном». Маяковский, побывав в 1927 г. в Польше и в Чехии, признавался, что переоценил родственность чешского и польского языков по русскому (очерк «Ездил я так»). Известно, что первые русские переводы некоторых произведений славянских авторов делались с латыни или с немецкого, как, например, с немецкого был сделан первый русский перевод «Похождений бравого солдата Швейка» Я. Гашека.

В конце XIX в. наступает относительная синхронизация европейского литературного процесса, в том числе, в славянских землях. Литературы догоняют друг друга по степени дифференциации¹³, что ослабляет комплементарную функцию связей, тормозит «работу усвоений»¹⁴. Этому способствуют и перемены в психологии творчества — раскрепощение субъекта, стремление к самобытности, дискредитация нормативных поэтик, литературных канонов.

«Недостающее» уже не столько перенимается «со стороны», как это бывало, скажем, на ранних исторических этапах, сколько вырабатывается собственными силами, не без участия, впрочем, и «стороннего» опыта, где большую роль играет и опыт Запада.

Тяготение к нему неотделимо от менталитета славян. Но в конце XIX — начале XX в. этот процесс достигает своей кульминации, становится программным и повсеместным. В разных славянских литературах, в том числе и отмеченных известной региональной замкнутостью, обостряется сознание их принадлежности к общеевропейской культуре и стремление ей соответствовать.

У поляков тесная связь с литературами Запада была традиционной, может быть даже в ущерб межславянским контактам. Отмечая, например, интерес польской литературы рубежа XIX—XX вв. к русской и чешской, исследователи констатировали, что «знакомства с другими славянскими литературами поляки обнаруживают мало»¹⁵. В Чехии развертывается деятельность писателей «космополитического направления» (Я. Неруды, Ю. Зейера, Я. Врхлицкого и др.), ориентированного на романские и англоязычные литературы. В национальный культурный фонд входят переводы Гюго, Данте, Бодлера, Лонгфелло,

Бретгарта и др. В югославянских литературах растет интерес к творчеству Золя, Доде, Мопассана, к поэзии Бодлера и Рембо, к драматургии Ибсена, Стриндберга, Метерлинка.

Сам по себе этот интерес мало что означает. Из сокровищницы мирового искусства мог черпаться материал для внутренних нужд, для выражения национальных проблем. Отчасти так и было. Славянские литературы не могли и не стремились оторваться от родной почвы. Но вместе с этим идет более интенсивное чем прежде их приобщение к проблемам общечеловеческим. От эпоса славянства они переходят к созданию «человеческой эпопеи». Недаром героями произведений славянских авторов нередко выступают в это время деятели мировой культуры.

Почти синхронно, с незначительным отставанием от Запада в разных уголках славянского мира возникают модернистские, а чуть позже — авангардные течения. (Разрывы во времени формирования таких направлений, как классицизм, романтизм, реализм в западноевропейских и некоторых славянских литературах были довольно существенными.)

Одновременно с распространением декаданса и символизма в русской литературе, громко заявляют о себе декадентско-символистские и неоромантические тенденции в «младопольской» литературе. Аналогичные явления возникают внутри чешской и словацкой «модерны», хорватского, словенского, сербского «модерна», в болгарской литературе.

В 10—30-е гг. XX в. славянские литературы воспримут импульсы футуризма (русская и польская литературы), экспрессионизма (хорватская, словенская, отчасти болгарская литературы), сюрреализма (чешская, словацкая, сербская литературы). В то же время продолжает свое развитие реализм, а после Октябрьской революции как в западных, так и в славянских странах формируется направление пролетарского искусства.

С усиливающейся дифференциацией литературного процесса, с появлением в одной и той же литературе сразу нескольких течений (в отличие от известной гомогенности искусства предшествующих эпох), внутри национальных литератур и этнических регионов начинают активно действовать механизмы, перераспределяющие творческие силы «по интересам». Международные художественные течения, безразличные к региональным границам, как бы перекраивают литературную карту мира, создают контуры новых конгломератов. Эти идеино-эстетические общности связывают представителей разных литератур прочнее, чем регионально-этнические узы. В единых руслах оказываются французские, чешские, словацкие, польские, болгарские символисты, русские и итальянские футуристы, французские, чешские,

словацкие, сербские сюрреалисты, немецкие и хорватские экспрессионисты, сторонники реализма, которые были во всех литературах.

При этом объективно ослабевает роль общеславянского контекста. К тому же само развитие цивилизации дает возможность ориентироваться на мировые вершины. «Далекое», внерегиональное подчас дает более сильные творческие импульсы, чем «близкое», соседнее. В истории литературы есть тому масса свидетельств. Напомним лишь о той роли, которую сыграли в развитии славянской поэзии XX в. французские символисты, или Г. Аполлинер в модернизации поэзии чешской. Кстати, нигде в Европе, за исключением, быть может, Франции, поэзия Аполлинара не встретила столь восторженного приема и не оставила столь глубокого следа, как в Чехии, благодаря конгениальным переводам К. Чапека и пропаганде его творчества В. Незвалом.

Сохраняются, естественно, и внутриславянские связи. Но и в них решающую роль играют отнюдь не этнические факторы. Карел Главачек направлял письма С. Пшибышевскому, ощущая свою с ним близость мировоззренческую, духовную, близость умонастроений. По тем же причинам Сречко Косовел посвящал свои стихи Петру Безручу, а словацкие надреалисты В. Незвалу и М. Ристичу.

Но в этом весьма дифференциированном мире славянских литератур конца XIX — начала XX вв., не заботящихся о консолидации, тем не менее проступают и связующие черты. Национальные традиции вносят свои оттенки в международные течения, которые питались и соками родных земель.

Например, можно говорить о патриархальном более умеренном, чем на Западе, характере славянского модернизма и авангарда, что выразилось и в слабости деструктивных тенденций, и в довольно бережном отношении к традициям национального искусства, в частности, реалистическим. Славянские модерны объединяли в себе писателей весьма разнородных позиций. «Манифест чешской модерны» (1895) подписали не только символист О. Бржезина, «полусимволист» А. Сова, но и И. С. Махар, поэт ярко выраженного реалистического стиля, продолживший традиции Яна Неруды. Крупнейшими поэтами словацкой модерны были не только И. Краско, но и Я. Есенский. Оба стремились разрушить каноны романтизма и аллегорического реализма. Но если Краско ориентировался при этом на символизм, то Я. Есенский — на поэзию повседневности, тесно связанную с реальностью. Разные модели творчества дала и младопольская литература. Если С. Пшибышевский отстаивал полную независимость искусства от общества, то С. Жеромский поддерживал традиции общественной ангажированности творчества, и полу-

нисты не без оснований видят в его произведениях качества «современного реалистического социального романа»¹⁶. Известна и сложность югославянской модерны, где были «такие противоречивые и разные по смыслу явления, как Цанкар и Жупанчич у словенцев, Матош и Назор у хорватов, Скерлич и Пандурович, отчасти Дис у сербов»¹⁷. Причем эта сложность создавалась во многом противоборством и взаимодействием нереалистических и реалистических тенденций и нередкой победой последних¹⁸.

Размышляя об особенностях славянского модернизма, уместно вспомнить суждение автора дореволюционной «Истории славянских литератур» О. Карасека, который писал: «Конец девятнадцатого века оплодотворил польскую, чешскую, русскую, словенскую и хорватскую литературы новым направлением, нашедшим свое выражение у модернистов. Вдохновение свое модернисты черпали из произведений французских декадентов и символистов. Принципы этих французских школ не пустили на славянской почве крепких корней»¹⁹.

Определенной половинчатостью отличались и авангардные течения в славянских литературах. Антитрадиционализм — типичная черта авангарда, был в них выражен менее резко, чем в литературах Запада.

Возможно, это объяснялось относительной молодостью славянских народов. Есть прямая зависимость между возрастом культуры, мощью сложившегося культурного пласта, излучавшего столь же мощное силовое поле национальных и мировых традиций,— и силой сопротивления им. Недаром родиной футуризма, пытавшегося осуществить настоящий отрыв от прошлого, которое угнетало своим величием, была Италия.

У славян не было столь сильного, как у итальянцев, противодействия своей старой культуре и столь горячего желания отряхнуть пыль прошлого со своих ног. Может быть потому, что оно еще не успело покрыться пылью. Отсюда, возможно, эстетическая умеренность русского футуризма, который рядом с «зазумью» породил поэзию, не столько отменявшую старое, сколько бережно воскрешавшую забытое. (Послереволюционная травля «попутчиков», в частности С. Есенина, продолжавшего традиции русской лирики XIX в., здесь не показательна. После 1917 г. русская литература оказалась во власти политики и идеологии, которые нарушали своими грубыми вмешательствами организму литературного процесса.) Вспомним усилия В. Хлебникова по актуализации старославянизмов, разработке залежей забытых слов, использование им мотивов праславянской мифологии. Вспомним отказ В. Маяковского и Д. Бурлюка от разрушения традиционных синтаксических связей, (а к этому разрушению

страстно призывал Т. С. Маринетти), обращение В. Каменского и Н. Асеева к фольклорным приемам и т. д. Но русские футуристы все же отклонялись от классики. И как бы в пику им возникает акмеизм, который О. Мандельштам назовет «тоской по мировой культуре»²⁰.

Лояльностью по отношению к традициям, к прошлому выделялся и чешский поэтизм. Его вдохновитель В. Незвал очень быстро сумел превратить нигилистический настрой авангарда в орудие борьбы с эпигонством, литературными штампами, стремясь не разрушить, а модернизировать старое искусство. «С точки зрения своей природы и функции старое искусство не отличается от нового. Между ними такая же разница, как между омнибусом и аэропланом»²¹.

В Словакии антитрадиционалистская волна поднимется только в середине 30-х гг., но словацкие надреалисты станут настойчиво демонстрировать свою связь с романтизмом Янки Краля. Много примеров двойственности, половинчатости отечественного авангарда дают и южнославянские литературы.

Итак, программная ориентация славянских литератур на западноевропейский культурный опыт активизировала центробежные силы, дезинтегрировала славянский конгломерат. Но независимые сходства в преломлении этого опыта как бы вновь связывали эти литературы между собой. Можно сказать, что даже в состоянии явной разобщенности связи между литературами не разрушаются, а переходят в новое качество, в форму типологических схождений.

Соответственно не разрушается, а переходит в иное качество и общность славянских литератур. Из явной, видимой, что называется, невооруженным взглядом (так как активны контактные связи, и есть осмысленная установка на сближение), она превращается в общность неявную, проблематичную. Связующие тенденции проявляются в ней вопреки центробежным, обнаруживая себя в типологических схождениях, в независимых литературных аналогиях.

И если один из существенных признаков литературной общности — тесное, непосредственное взаимодействие составляющих ее литератур, т. е. интенсивные литературные связи, то от их характера, направленности, природы, от их стихийности или программности и зависит характер этой общности, ее состояние на данном историческом этапе. Этнические, языковые, географические, конфессиональные, административные факторы выступают регуляторами литературных отношений. Они консолидируют литературы, только если содействуют их связям.

Спонтанно возникавшая общность древнеславянских литератур, развивавшихся неравномерно и находящихся в тесной за-

зисимости друг от друга, формируется в результате интенсивных контактных связей, активности их комплементарных функций, когда опыт опережающих литератур как бы переливается в другие, заполняя возникающие там лакуны.

В период национального возрождения можно говорить об общности программной. В интенсивных внутрирегиональных контактах возрастает роль сознательного фактора, идеи славянской взаимности, нацеленной на духовное сплочение славян.

В конце XIX — первых десятилетиях XX века славянские литературы представляют собой спонтанную общность неявного характера. При программной ориентации на межрегиональные (с неславянами) контакты, при возрастающей суверенности и известной разобщенности славянских литератур, постепенно теряющих (особенно после возникновения независимых славянских государств) исторические и психологические стимулы для программной консолидации, в них тем не менее проступают некие общие черты, как возможное проявление генетического родства, близости культурных традиций, да и сходства некоторых социально-политических процессов.

От «возрожденческой» — новая общность отличается и своей слабой выраженностью, стихийностью. От спонтанной общности древнеславянских литератур — слабой выраженностью, и в большей мере независимо-типологической, нежели контактно-генетической природной.

Мы вполне осознаем схематизм наших рассуждений, где в сложной системе межлитературных отношений, представляющих всегда неоднозначную, пеструю и многоликую картину, учтены лишь некоторые доминирующие факторы. Но вывод таков: даже когда славянские литературы пребывают в состоянии разобщенности, есть основания искать объединяющие их (и отнюдь не внешние, не формальные) черты.

Активизация в славянских литературах конца XIX века центробежных сил, сопротивлявшихся их объединению в некую общность, их возрастающая самобытность — оказались отчасти и на принципах их изучения. Не случайно, общие «Истории», охватывающие весь славянский конгломерат, создавались в России лишь в 60—80-е гг. XIX в., а зарубежная «История славянских литератур» О. Карасека вышла в переводе на русский язык в самом начале нового столетия. Затем, как в зарубежном, так и отечественном (советском уже) славяноведении наступил длительный период создания многонациональных «историй» (50—70-е гг. XX в.). (Нельзя конечно не учитывать и разрушительную роль политических репрессий в СССР периода сталинизма, уничтоживших отечественную славистику и вообще прервавших на какое-то время славистические изыскания в нашей стране.)

Возвращение к общеславянским литературным исследованием произошло у нас лишь в 70—80-е гг., когда выросло новое поколение славистов, когда была реабилитирована компаративистика и активизировалось изучение литературных связей. Но в них рассматривались лишь отдельные направления и эпохи и с точки зрения не родовой, славянской, а видовой национальной специфики. Исключения составляют работы о древнеславянских литературах (Д. С. Лихачева и др.), об эпохе национального возрождения (С. В. Никольского, Б. Ф. Стакеева и др.), о закономерностях развития славянских литератур с древности до середины XIX в. (Липатова А. В.)²². Надо отметить и работы Д. Ф. Маркова, выступившего в свое время с обоснованием подобных исследований²³.

Современное отечественное славяноведение стоит перед необходимостью создания «Истории литератур западных и южных славян» (с древности до 1945 г.), т. е. истории той группы литератур, где гетерогенность славянского культурного региона проявляется достаточно резко. Внимание к ней диктуется практической задачей раскрыть своему читателю то, что наименее разработано в русской науке. Подобный подход имеет давние традиции. А. Н. Пыпин, инициатор дореволюционной «Истории славянских литератур», писал в предисловии к первому тому, что «намеренно ограничился лишь сжатым очерком русской литературы, так как читатель мог найти подробности в существующих изложениях ее истории и в массе частных исследований»²⁴.

Но акцент на изучении западной и южной групп славянских литератур имеет и другой смысл.

Дореволюционная русская славистика исходила из абсолютизации того пути, которым шли западно-европейские литературы; отсюда тезис А. Н. Пыпина о том, что «славянские литературы с точки зрения всеобщей истории цивилизации не имеют такого важного значения, какое принадлежит главнейшим литературам западной Европы», что «славяне играли большую частью роль подчиненную, подражательную, или, занятые своим ближайшим делом, не имели возможности действовать в общечеловеческом интересе мысли, создать здесь что-нибудь самобытное»²⁵. Не только успехи славянских литератур за последние сто лет, но и отказ от аксиологических подходов к разным национальным литературам дают возможность оспорить этот тезис. Литературоведение вмешивается в традиционную систему ценностей, демократизирует ее, осознает самоценность любой, самой «малой» литературы, как бы ни протекало ее развитие²⁶. И если исследования славянских литератур помогают преодолеть западноевропоцентризм, то внимание к литературам западных и южных славян способствует преодолению «русоцентриз-

ма», когда специфика славянства, (в частности, литературная) ассоциировалась прежде всего с Россией. Это отчетливо проявляется, к примеру, в трудах Н. И. Бердяева, размышлявшего об особенностях «славянской расы», исходя лишь из русского национального самосознания и культуры²⁷.

Есть и еще один резон в рассмотрении западно- и южнославянских литератур отдельно от восточнославянских. В посдектябрьский период они существуют, имея неравные возможности для естественного развития. Подобное наблюдалось и прежде. Но теперь литературы как бы меняются местами. Ущемленными оказываются восточнославянские литературы. Довольно свободные прежде, они начинают жить в мире жестокой идеологической цензуры, где право на выражение получают лишь социалистические идеи, марксистско-ленинская концепция истории. Литература становится объектом и орудием определенной партийной политики, что нарушает ее естественное развитие, создает разного рода деформации.

Зарубежные славянские литературы, напротив, имеют возможность (по крайней мере до второй мировой войны) развиваться в более свободных условиях, когда художник имеет право выбора своей позиции, политической и творческой. Эту свободу, разумеется, нельзя переоценивать. Среди славянских стран была Болгария, пережившая годы профашистского режима, на совести которого гибель целого ряда ярких писателей (Гео Милева, Николы Вапцарова и др.). Но среди них была и буржуазно-демократическая Чехословакия, награждавшая оппозиционных писателей-коммунистов (В. Невала, например) государственными премиями. К тому же это была другая «несвобода». Несвобода по отношению к открытым оппозиционерам, а не к лояльным гражданам «своего» государства. Она ломала человеческие жизни, но в меньшей мере жизнь самой культуры, мобилизую прогрессивные творческие силы, а не участвуя в их перерождении.

Вмешательства в творческий процесс, попытки его отрегулировать в интересах определенной идеологии наблюдались не только в советской, но и в революционной литературе зарубежных буржуазных государств (в том числе, славянских). Но если за рубежом (в межвоенный период) они реализовывались по преимуществу средствами самой литературы, в рамках свободных дискуссий, с помощью критики,— то в СССР диктат идеологии над творчеством осуществлялся и административным путем, с помощью «партийных постановлений», хорошо отлаженного репрессивного аппарата (перемалывавшего, впрочем, в своих жерновах не только инакомыслящих, но и правоверных стол-

тров режима: вспомним Л. Авербаха, Н. Бухарина, М. Кольцова и др.).

Ситуация в зарубежных славянских странах изменилась, приблизившись к советской, лишь после 1945 г., когда и там определенная идеология стала навязываться сверху, получив административно-государственную поддержку. Отдушиной и выходом для части литераторов стали диссидентство и эмиграция.

После революционных событий конца 80-х гг. в странах Восточной Европы можно ожидать новую волну возрождения славянских литератур, сдержать которую, впрочем, может новый вид идеологической конъюнктуры, на этот раз, скорее всего, антикоммунистической, симптомы которой появляются.

В заключение вопрос: Какой должна быть новая «История литературы западных и южных славян»? В идеале, вероятно, такой, где эти литературы были бы представлены не как механическая сумма разнородных слагаемых, а как органичные части динамичной «общности славянских литератур», олицетворяющей сложность и подвижность внутриэтнических и межэтнических литературных отношений. Их необходимо выделить, как самобытные, но не отделять непреодолимой стеной ни друг от друга, ни от группы восточнославянских литератур, и в первую очередь, от литературы русской. Ее присутствие и дыхание должны ощущаться и в анализе исторического пути литератур западных и южных славян, как ощущалось оно в их жизни.

Что же касается каждой отдельной литературы, то в идеале целесообразно пропустить ее через несколько измерений и рассмотреть с точки зрения трансформации в ней европейских, общеславянских, региональных и т. п. тенденций. Но такая многоступенчатость, т. е. многократное преломление «общего» на разных «родовых» и «видовых» уровнях (а возможна и другая последовательность: не переход «общего» в «особенное», а переход «особенного» в «общее», прорастание национально-специфического в общеславянские и европейские тенденции), — дело слишком тонкое и сложное. Оно более реально при исследовании каких-то конкретных явлений (мотива, жанра, образа и т. д.), чем при создании литературной истории. Здесь такой многоступенчатый анализ под силу разве что компьютеру.

Но к такой невыполнимой задаче все же следует стремиться. Учитывая многомерность бытия каждой литературы, надо все же пытаться идентифицировать качества, связанные с любой из ее экзистенций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дюришин Д. Межлитературные общности как выражение закономерностей всемирной литературы // *Slavica Slovaca* 23.— 1988.— S. 334.

- ² Durišin D. a kol. Osobitné medziliterárne spoločenstvá 1. Bratislava, 1988.
S. 10.
- ³ Durišin D. a kol. Systematika medziliterárneho procesu. Bratislava, 1988.
S. 46.
- ⁴ Дюришин Д. и коллектив. Систематика межлитературного процесса.—
Братислава, 1988.—С. 33.
- ⁵ Там же. С. 32.
- ⁶ Этот термин предлагает и Н. Ф. Копыстянская, никак, правда, не аргу-
ментируя его. См. Д. Дюришин и коллектив. Систематика... С. 109.
- ⁷ Липатов А. В. Общие закономерности истории славянских литератур и
концепция Р. Пиккио // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.—
1990.—Т. 49.—С. 319.
- ⁸ См. История русской литературы. Т. 1.—Л., 1980.—С. 457.
- ⁹ Там же. С. 157.
- ¹⁰ Лихачев Д. С. Древнеславянские литературы как система // Славянские
литературы. VI международный съезд славистов.—М., 1968.
- ¹¹ Применительно к самым ранним этапам правомерно, может быть, говорить даже не столько об «общности», сколько о «нерасчленности», т. е. о первобытной форме культурной консолидации.
- ¹² Вестник Европы. 1899, сентябрь. С. 286.
- ¹³ Хотелось бы поддержать предложенное Д. Дюришиным деление литературу не на «развитые» и «неразвитые», а на отличающиеся друг от друга по степени дифференцированности.
- ¹⁴ Беседовский А. Н. Поэтика сюжета.—СПб., 1913.—С. 7.
- ¹⁵ Карасек О. О. История славянских литератур: Пер. с нем.—СПб.,
1910.—С. 138.
- ¹⁶ История польской литературы. Т. 2.—М., 1969.—С. 35.
- ¹⁷ Moderna ve slovanských literaturach.—Praha, 1988.—S. 127.
- ¹⁸ Литература славянских и балканских народов конца XIX—начала
XX в. М., 1976. С. 236.
- ¹⁹ Карасек О. О. История славянских литератур. С. 135.
- ²⁰ Цит. по: Омри Роден. Осип Мандельштам // Литературное обозрение.—
1991.—№ 1.—С. 11.
- ²¹ Nezval V. Dílo XXIV.—Praha, 1967.—S. 125.
- ²² Библиография работ этого типа приведена в статье А. В. Липатова в
этом сборнике.
- ²³ Марков Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения
славянских литератур // Славянские литературы. VII международный съезд
славистов.—М., 1973; Он же. Сравнительно-исторические и комплексные ис-
следования в общественных науках. Из опыта изучения истории и культуры
народов Центральной и Юго-Восточной Европы.—М., 1985.
- ²⁴ Пылин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1.—
СПб., 1879.—С. 1.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Здесь большие заслуги принадлежат Д. Дюришину, предостерегавшему
против абсолютизации качественных критериев «более дифференцированных
литератур» при их сопоставлении с литературами «менее дифференцирован-
ными», да и против всяких прямолинейных сопоставлений.—См.: Durišin D.
a kol. Osobitné medziliterárne spoločenstvá 1.—Bratislava, 1987.—S. 19.
- ²⁷ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества.—М., 1989.—
С. 528.

Милош Томчик

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИТЕРАТУРНОГО КОНТЕКСТА У ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Славянские литературы представляют собой в настоящее время тип зрелой, художественно богатой и внутренне дифференцированной словесности. В каждой из них протекают сложные процессы, связанные не только с внутренними литературными традициями с их имманентными закономерностями развития, но и с живыми межлитературными контактами на базе особых межлитературных общностей, а также европейской и мировой литературы. Взаимодействие отдельных славянских литератур между собой и в рамках европейского и мирового межлитературного процесса имеет давние исторические корни. Поэтому оно и не могло остаться вне поля зрения славистики. Ян Махал в предисловии к своему трехтомному труду «Славянские литературы» отмечал: «Славянские литературы можно рассматривать, главным образом, в двух аспектах. Можно разбирать их по отдельности, одну за другой... либо заключить общую картину славянских литератур в рамки наиболее значительных литературных и культурных течений и в соответствии с ними прослеживать развитие отдельных славянских литератур. Такой путь я и избрал в своей книге»¹.

Оригинальная методика изучения путей развития славянских литератур, предложенная Махалом, сохранила и в наши дни целый ряд положительных моментов. Ученый в определенном смысле предвосхитил современные теории межлитературности как формы активного взаимодействия литератур, влияющих друг на друга духовно, что часто приводило к синкретизму литературных направлений, жанров и художественных форм.

Ян Махал рассматривал влияние европейских культур на славян в широком аспекте, не ограничиваясь лишь сферой литературы. Оно осуществлялось не только путем территориальной экспансии, но и благодаря знакомству славян с другими

культурами и образом жизни. Если обратиться к более ранним источникам — например, к труду П. И. Шафарика «Славянские древности» — то можно найти свидетельство тому, что славянские племена, именуемые в голландских городских хрониках (например, в хронике города Уtrecht 1477 г.) «лутичами», «вепетами» и «вильтами», вероятно, расселялись в VIII—X вв. на территории у устья рек Одера, Эльбы и Рейна. В этом утверждении историки опираются на свидетельство английского средневекового ученого Бедо (ум. 735 г.). Вместе с тем, сведения из его труда «Historia ecclesiastica» (Орга отпіа, 6) воспринимаются с известной долей сомнения. Об этом говорит и Либуша Грабова: «Может быть, уже никогда не удастся с полной достоверностью доказать, что свидетельство Бедо о вильтах на самом деле подразумевало славян. Но остается фактом, что голландские историки воспринимали вильтов как славян. Легенды, связанные со славянским замком Вильтенбург, бытовали вплоть до начала XVII в. Благодаря Вильтенбургу голландцы знали о славянах. И более того — считали их частью собственного мира, своей собственной истории. А это в контексте отношений между славянами и Западной Европой явление весьма редкое»².

В высказываниях Л. Грабовой мы видим, тем не менее, и позитивное ядро — свидетельство о том, что во время переселения славянских племен, еще в долитеатурный период создавались предпосылки для обмена культурными ценностями между Востоком и Западом, для открытости славян по отношению к остальному миру. И чем более осознанной, программной была эта открытость, тем в большей мере способствовала она духовному развитию славян.

Решающее значение для духовного и культурного становления славян имело создание новой письменности на территории Великой Моравии, апостольская миссия Константина и Мефодия, их литературная и переводческая деятельность и распространение их учения по центрам славянской культуры во II половине IX в. Тем самым создавались основы славянской культуры и письменности. Константин-Кирилл в самом раннем славянском стихотворении «Проглас» так говорил о значении библии, духовной литературы и просвещения: «Но особенно душа без книг // в людях мертвой остается. // Братья, мы об этом рассудили и даем вам добрый совет // что всех людей избавит // от жизни звериной и беспутной, // чтобы вы, неразумные, // услышав слово на чужом наречии, // не внимали ему, словно пустому звону медного колокольца...»³

Константин-Кирилл развил в «Прогласе» всестороннюю концепцию человека, который обязан заботиться об удовлетворе-

нии не только физических, но и духовных и нравственных потребностей.

Р. Якобсон считал литературное творчество Константина-Кирилла кладезем общечеловеческой мудрости, пустившей глубокие корни в культуре и истории всех славянских народов и повлиявшей на смысловую и выразительную стороны их литературы⁴. Отношение Якобсона к духовному наследию Константина-Кирилла и Мефодия и к вершинам старославянской литературы имеет важное методологическое значение для изучения славянской межлитературности. Из его высказываний следует, что старославянскую литературу и культуру нужно рассматривать не только как филологическую, семантическую и морфологическую основу для всех современных славянских литератур, но и как посредника между идеальными течениями Востока и Запада, причем не только в XIX веке, но и значительно позднее. Старославянская литература с точки зрения диахронии занимает особое положение. Уже при своем зарождении она выполняла интеграционную функцию, благодаря своим духовным и эстетическим качествам, и в то же время она имела предпосылки для того, чтобы из славянского единства вычленялись и формировалась в ходе сложного исторического процесса отдельные национальные литературы.

В группе западных (или северо-западных) славянских народов таким образом сформировались польская, чешская, словацкая и сербо-лузицкая литературы. С точки зрения западно-европейского пространства, языковой близости, конфессиональной обусловленности (импульсом для развития этих литератур стало обращение славян в христианство), аналогий в области жанров и направлений мы с полным основанием можем считать эти литературы системой особых межлитературных общностей. Эта система не была изолированной в своем развитии и функционировании. Она всегда тесно взаимодействовала с особыми межлитературными общностями восточных славян (русская, белорусская, украинская литература) и южных славян (словенская, сербская, македонская и болгарская литература). Ее межлитературный характер усиливали и генетико-контактные связи и структурно-типологические отношения с основными тенденциями развития в европейских литературах.

Нельзя забывать о сложных взаимосвязях западно-славянских литературных общностей, обусловленных, прежде всего, их особым геополитическим положением. Они служили и служат мостом не только между Западом и Востоком, но и между Севером и Югом, причем их развитие было обусловлено в общественной, языковой и культурно-исторической ситуацией в Центральной Европе. Особенно ярко это проявилось в XIX—XX вв.,

когда новейшие течения и тенденции проникали в их структуру из Франции и Германии и приобретали различные модификации в зависимости от вкусов и пристрастий конкретных писателей, принадлежащих к этой сложной общественной системе.

Хотя старославянская литература и представляет собой — в совокупности оригинального творчества и переводов — развитую жанровую систему, ее нельзя сопоставить ни с одной более поздней национальной славянской литературой. Она не имела определенных национальных границ. По своему характеру она была близка древнерусской литературе, которая, по словам Д. С. Лихачева, функционировала, как «единая литература, единая письменность и единый (церковно-славянский) язык для восточных славян (русские, украинцы, белорусы) и для болгар, сербов и румын»⁵.

Все славянские литературы отличаются прерывистостью развития. Тому было много причин. На первом месте — драматические события истории, происходившие не только на географическом пространстве западных славян, но и по всей Европе. От средневековья до наших дней здесь часто менялись границы, господствующие политические системы, административные учреждения, под управление которых подпадали западные славяне. Так, после распада Великой Моравии Словакия стала более чем на тысячелетие административной единицей Венгрии, вычленившись из нее лишь в 1918 г. Иным был путь чешских земель, занимавших в средние века важное в политическом, экономическом и культурном отношении место в Центральной Европе. После битвы у Белой Горы в 1620 г. Чешское королевство прекратило свое существование и стало частью габсбургской империи. Независимость чешского народа была также восстановлена лишь после I мировой войны.

Польша также не раз за свою историю подвергалась серьезным, порой трагическим испытаниям. Наиболее тяжелыми были тройной раздел Польши между Прусссией, Россией и Австрией в конце XVIII в., а также события II мировой войны; польская культура в результате этих исторических потрясений понесла значительные потери, под угрозу была поставлена сама ее целостность и присущая ей преемственность развития. Наиболее сложной была судьба лужицких сербов, которые являлись «длительное время предметом военных походов и борьбы между Германией, Польшей и Чехией. Власть над ними часто менялась, порой не было даже понятно, кому они принадлежали»⁶. Все это не могло способствовать их культурному развитию, формированию национального самосознания. Предчувствие Я. Коллара о их возможном исчезновении путем ассимиляции, прозвучавшее в поэме «Дочь Славы» подтвердили события XIX—XX вв.

И сегодня сербо-лужицкая литература представляет собой всего лишь литературу национального меньшинства в ФРГ.

При формировании западнославянских литератур важную роль сыграли конфессиональные факторы. В период христианизации Великой Моравии христианская церковь была еще едина и признавала Ватикан центром своей деятельности. Когда папа Адриан II признал в своей Золотой булле старославянский язык на территории Великой Моравии в качестве литургического языка наравне с латынью, сфера его применения расширилась, включив в себя и область культуры.

Существовавшее первоначально духовное единство славянских литератур, создававшихся на старославянском и церковнославянском языке, было нарушено вследствие разрыва между византийским патриархом и Ватиканом в 1054 г. Этот акт раскола в европейском христианстве оставил глубокий след и в литературах всех славянских народов. Его последствия проявляются вплоть до нашего времени. Славянские литературы западноевропейского и центральноевропейского типа остались в средние века и в более поздние периоды на позициях католицизма, тогда как восточноевропейские литературы духовно слились с православной церковью.

Гораздо большей степени достигла духовная дифференциация в период реформаторских движений XIV—XVI вв. Европейские реформаторские течения особенно затронули западнославянские литературы — чешскую, польскую, словацкую и серболужицкую. Если в восточнославянской духовности реформация проявила себя в незначительной степени, а точнее — несистемно, то в Западной и Центральной Европе она играла решающую роль. Она была тесно связана с идеями гуманизма и возрождения, с новым пониманием человека в его отношениях с церковными институтами. Протестантский рационализм активно влиял и на изменения в системе средств художественной выразительности.

В процессе вычленения западнославянских национальных литератур из общей старославянской основы менялся и характер их литературного языка. На территории Великой Моравии после смерти Константина и Мефодия больше не возникало ни новых оригинальных, ни новых переводных произведений на старославянском языке. Центр старославянской письменности переместился в южную Сербию, Македонию и Болгарию. В чешском и словацком культурно-географическом контексте можно говорить о продолжении традиции старославянской литературы лишь в отношении Чехии (легенды о св. Вацлаве, св. Людмиле и др.), где были благоприятные условия, прежде всего в Са-

завском монастыре. Но и здесь мы имеем дело лишь с явлениями переходного периода X—XI вв.

Средневековая словесность западных славян в X—XIV вв. создавалась, преимущественно, на латыни. Из памятников словацкой культуры об этом свидетельствует, например, «Легенда о святом Свораде и Бенедикте», автором которой был епископ Маурус. Латынь главенствовала и в польской и чешской средневековой литературе. Однако здесь сквозь жесткую систему латинских литературных артефактов изредка пробивались произведения, написанные на национальном языке, такие, как чешская песнь «Господи, помилуй нас», гимн «Святой Вацлав, воевода чешской земли», «Далимилова хроника» и др.

В словацкой культуре традиции Кирилла и Мефодия развивались в более поздний период, что подтверждают «Спишские молитвы», особенно популярные в XV в., но известные и ранее (публикация и комментарий Г. Повалы, ж. «Языковедне штудие», 1969, № 10). «Спишские молитвы» представляют собой, по сути, вступительную часть литургии Иоанна Златоуста, переведенной Кириллом и Мефодием на церковнославянский язык. Позднее появился перевод на спишский диалект, которым пользовались словацкие греко-католики, последователи Кирилла и Мефодия⁷. В Польше подобную роль играл гимн «Богородица, дева, богом славимая Мария!», который был не только религиозным песнопением, но и исполнялся при различных торжествах.

В средние века еще не сложились условия для самостоятельного развития западнославянских литератур, для появления в их среде межлитературных отношений. В этом нет ничего удивительного: подобной была ситуация и у южных и восточных славян, а также в группах романских и германских литератур. Коренной перелом произошел лишь в период гуманизма и возрождения. Наиболее ярко это проявилось в чешской и польской литературе, однако и в словацкой литературе этого периода шли те же процессы.

Арне Новак так характеризует ситуацию в чешской литературе на этапе перехода от готики к возрождению: «...в Чехию проникали с Запада и с Юга два новые, разные по характеру идеинные течения: юный ренессанс в форме ораторского и поэтического гуманизма и реформаторское религиозное движение с явным стремлением к оппозиции церкви»⁸. Высоко оценивает новые тенденции в польской литературе периода возрождения Карел Крейчи, называя XVI в. ее «золотым веком», когда «литература быстро созревала, избавляясь от чуждых влияний, совершенствовалась ее форма»⁹.

Историко-литературные исследования подтверждают, что, начиная с эпохи возрождения, расширялось духовное пространство ведущих западнославянских литератур, значительно усилился их национальный характер. Основой для этого было конституирование чешского и польского языков как языков литературных. В Словакии проблема языка имела иные пути решения, что, с одной стороны, создавало трудности для словацкой литературы, но в то же время способствовало развитию определенных черт межлитературности в чешско-словацких и межславянских литературных отношениях. Мы имеем в виду тот факт, что с XV в. в Словакии в качестве литературного, а отчасти и административного использовался чешский язык, что ни в коей мере не ставило под угрозу национальный словацкий характер художественных произведений и не препятствовало формированию словаков как этнического субъекта. Точную характеристику этой ситуации дал Эуген Паулини: «...между чешским языком и словацкими диалектами существовала, прежде всего, иерархическая связь: чешский язык как общепринятая форма письменности воспринимался как высшая форма по отношению к местным диалектам. Но из факта, что словаки приняли литературный чешский язык как форму культурного представительства, не следует, что и в национальном сознании они считали себя чехами»¹⁰.

Симбиоз латиноязычной поэзии и научных трактатов с литературными произведениями на чешском языке — а их было вначале меньшинство — существовал долго, практически до конца XVIII в. Но благодаря этому обстоятельству в Словакии рано возникли зачатки чешско-словацкого литературного билингвизма. Примером может служить творчество Вавринца Бенедикта из Недожиер (XVI в.), писавшего языковедческие труды на латыни, а большинство своих поэтических произведений — на чешском языке.

Несмотря на действие многих неблагоприятных внелитературных факторов, словесность в Польше, Чехии и Словакии (сербо-лужицкая литература всегда отличалась замедленным развитием) в период гуманизма и возрождения создавала собственную динамичную систему. В ней были представлены все роды литературы — лирика, эпика, драма, развивавшиеся на основе не только традиций национальной литературы, но и межлитературного взаимодействия на весьма широкой европейской платформе. Западнославянские литературы активно воспринимали импульсы со стороны западноевропейских литератур, доходивших часто путем прямых контактов (пребывание Петрарки при дворе короля Карла IV, учеба и работа в Сорбонне Матея из Янова, поездки польского писателя Яна Кохановского в Ита-

лию и во Францию и др.). Это взаимодействие имело, по большей части, характер внелитературных отношений, что можно сказать и о первых контактах трубадуров Прованса со словацким поэтическим творчеством. Субъектом этих контактов выступал поэт из Прованса Пьер Видаль, встречавшийся со словацкими «игрицами» (странствующими певцами и актерами).—
Прим. пер.), вероятно, в Эстергоме¹¹.

Существует мнение, что в западнославянских литературах не доставало крупных, представительных личностей. Однако в этом вопросе все относительно, и многое зависит от принимаемых аксиологических критериев. Если принять во внимание, например, творчество Яна Кохановского, Яна Благослава, Я. А. Коменского, М. Раковского и др., нужно признать, что это личности индивидуального, оригинального типа, которые не только совершенствовали свой собственный писательский почерк, но и выполняли представительскую функцию в рамках определенной культурной общности и в контексте более широких межкультурных связей. Презентативность литературы, пользуясь формулировкой Д.-Дюришина,— явление не столь редкое в западнославянских литературах¹². В определенные периоды она проявлялась во всех национальных литературах, которые не имели (или до сих пор не имеют) благоприятных общественных условий для своего развития, что ограничивало, прежде всего, их эстетическую функцию. В таких условиях словацкая литература существовала до 1918 г., а сербо-лужицкая — до конца II мировой войны.

Общий процесс системообразования западнославянских литератур в эпоху возрождения и гуманизма стимулировался и переводной литературой. Вследствие диалектических взаимосвязей этих двух векторов новой европейской культуры с реформацией возникла потребность в новых переводах религиозной литературы, в первую очередь, библии. В Чехии благодаря Яну Благославу появился перевод Кралицкой библии (1564—1588 гг.), издавна оцениваемый как выдающееся художественное явление, отвечающее самым высоким критериям перевода. Современный исследователь отмечает: «Следует обратить особое внимание на единство стиля и эстетического воздействия избранных переводчиком форм... Это произведение переводческого искусства в определенном смысле кодифицировало чешский литературный язык и на длительный период стало образцом совершенства для чешской словесности»¹³.

Такое же значение для развития польского литературного языка имел перевод евангелистского «Нового завета» (Я. Секлузиан, 1552), католической Библии Яна Леополита (1561) и Брестской кальвинистской библии (1563). Но переводы в период

гуманизма и возрождения не ограничивались лишь сферой религиозной литературы. Появлялись и переводы художественной литературы (например, чешский перевод одиннадцати новелл Боккаччо), развлекательного чтения (Эзоп), драматургии. Уделялось внимание и теоретической стороне перевода; в Чехии об этом писали Я. Благослав, Я. А. Коменский («О поэзии чешской», 1622); Даниэль Адам из Велеславина и др. Таким образом, в западно-славянских литературах имела место межлитературность как активная составляющая литературного процесса на заре новой эпохи человечества, по своей динамике выходящая за рамки данной литературной общности. Она становилась инструментом живой коммуникации с европейскими литературами того времени.

В период барокко литературное творчество развивалось в исключительных духовных и культурных условиях. Его межлитературный аспект был связан не только с собственными языковыми и жанровыми традициями, но и с ситуацией в других видах искусства. Философскую концепцию барокко, его понимание человека, основанное на трансцендентальных, гносеологических и нравственных факторах, представляла прежде всего архитектура, изобразительное искусство (сюжетная живопись, скульптура) и музыка. Барокко формировалось на основе взаимодействия между различными видами искусства как универсальный стиль эпохи, выразившийся в ряде выдающихся произведений литературы («Потерянный рай» Милтона, «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо и др.), великих музыкальных творениях, крупных архитектурных проектах, как церковных, так и светских, выдающихся живописных полотнах и проч.

Все западно-славянские литературы были тесно связаны с барочными тенденциями в искусстве. Их связывала с ними не только общая гносеология и тематика (отношение человека к Богу, к природе, к нравственным принципам человеческого бытия), но и общие средства выразительности. В истории и теории литературы такой способ изображения действительности получил название маньеризма. Это сознание целостности стиля всей литературной эпохи имеет большое теоретическое значение. Оно указывает на факты не только межлитературности, но и межвидовых отношений в сфере искусства, на функциональные различия в воздействии на литературу разных видов искусства. Можно утверждать, что в период барокко изобразительное искусство и музыка были инициаторами стилевых изменений литературы. И это не единственный случай в истории литературы. Почти все авангардные течения XIX—XX вв. возникли вначале

на почве изобразительного искусства и лишь потом были перенесены в область словесности.

Много новых элементов вошло в понятие межлитературности с началом эпохи формирования национальных литератур. Этот процесс начался с периода классицизма и, все более ускоряясь, продолжался на стадии предромантизма и романтизма. Общие и специфические черты находились в произведениях литературы в диалектической взаимосвязи, на основе которой возникали новые литературные программы и идейные концепции. Массу тому примеров можно найти в каждой из славянских литератур; на рубеже XVIII и XIX вв. они утверждались в своей национальной идентичности и в то же время стремились к более широкому международному взаимодействию.

В словацком литературоведении наиболее полно представил эту картину круговорота идей, жанров, средств выразительности, проходившего между словацкой и европейскими литературами, Штефан Крчмеры в своей книге «Сто пятьдесят лет словацкой литературы» (1943). Это, по сути, большое эссе (подобно статье И. М. Гурбана «Словакия и ее жизнь литературная»), имеющее, однако, научный характер и представляющее почти системно точки соприкосновения между развитием словацкой словесности и европейскими литературными течениями и их наиболее крупными представителями¹⁴. Ш. Крчмеры высказывает мнение, во многом совпадающее с результатами современных литературоведческих исследований: за последние двести лет в межлитературном процессе осуществлялись контакты в различных формах. Они группировались вокруг двух основных типов отношений — внелитературных и историко-типологических. Оба типа были весьма продуктивны и способствовали развитию межлитературности. Это относится и к живым связям в рамках межлитературной общности западно-славянских литератур, где особенно тесное взаимодействие было между польской, чешской и словацкой литературами. Межлитературность имела здесь многосторонний характер и несла с собой ряд новых явлений, касавшихся не только периодизации, но и конвергентного развития этих литератур, а также их исторической поэтики.

Эти вопросы поднимались еще в 1967 г., на научной конференции по проблемам словацко-польских и польско-словацких литературных связей, которую проводил Институт мировой литературы и языков САН. Иозеф Гвиц в своем докладе¹⁵ говорил о восприятии польской литературы в Словакии, начиная с периода национального возрождения и до наших дней, о деятельности К. Кузмани, П. Й. Шафарика и др. Однако в центре его внимания была проблема влияния А. Мицкевича на словацких романтиков 30—40-х гг. прошлого века, большинство кото-

рых считали его своим поэтом, близким по языку, идейному содержанию, художественным средствам.

И. Гвищ не ограничился лишь синхронным аспектом влияния Мицкевича на словацкую литературу в период романтизма (восприятие стихотворения «Ода к молодости», романтической поэмы «Конрад Валленрод» и «Пан Тадеуш», сборника «Баллады и романсы»), его анализ отличается и диахронностью. Сквозь эту призму он рассматривает и более поздние по времени явления: и связь П. О. Гвездослава и С. Г. Ваянского с творчеством Мицкевича, и переводы А. Жарнова («Книги польского народа и польского пилигримства», изд. в 1947 г.). Тем самым он обосновал возможность особой интерпретации Мицкевича с точки зрения его восприятия в Словакии. В то же время он рассматривает традиции Мицкевича в Словакии в весьма широком историческом аспекте, не исключающем и традиции Махи и Пушкина. Напротив, эти три традиции действовали одновременно, что усиливало межлитературное взаимодействие и способствовало западно-европейскому влиянию на словацкую лирику (байронизм в словацкой поэзии XIX в.). Все это еще раз подтверждает тот факт, что межлитературные общности функционируют как открытые системы. И чем больше степень их открытости, тем более богатой и дифференцированной является их художественная типология.

Подобным образом, но в отношении чешской литературы, проследил влияние традиции Мицкевича Антонин Мештян. В работе «Интерес к польской литературе в Чехии за последние двести лет» он отметил переломное значение переводов произведений Мицкевича на чешский язык. Традиция Мицкевича, по его мнению, дает основу для выработки весьма точных критериев периодизации (напр., наступления эпохи романтизма в славянских литературах). А. Мештян отмечает наличие лакун в восприятии чешской литературной средой целого ряда деятелей польской литературы (запоздалая реакция на творчество Ю. Словацкого, драматургию С. Выспянского и др.), хотя в то же время признает бесспорное влияние польского классицизма и романтизма на чешскую литературу¹⁶.

Можно сделать, таким образом, вывод о том, что межлитературный процесс — явление очень сложное, не сводящееся даже в отношении близких по языку литератур к простой сумме литературных фактов того или иного периода. Если на этапе романтизма А. Мицкевич привлек к себе столь пристальное внимание словацких и чешских поэтов и литературных критиков, то причиной тому было восприятие его как яркой личности, оказавшей активное влияние не только на литературу, но и на общественно-политическую жизнь в Польше и за ее пределами. Подобную

роль в развитии словацкой и чешской литературы XIX в. сыграл и А. С. Пушкин.

Характер внешне-контактных и историко-типологических отношений между отдельными литературами определяет и их систему родов и жанров. В период романтизма ведущая роль принадлежала лирике, а примерно в 30—40-е гг. прошлого века пропорции жанровой системы в европейских литературах начинают меняться. В западноевропейских (французской, английской, французской) литературах, а также в русской литературе на первый план выходит роман и новелла, причем исторические сюжеты уступают место современной проблематике. Так, В. Г. Белинский в статье «Обзор русской литературы 1846 г.» отмечал как характерную черту русской литературы того времени все возрастающую степень зрелости, все большее сближение ее с реальной действительностью.

Белинский как бы предвосхитил в своей характеристике появление целого массива выдающихся произведений русских писателей (Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко, А. П. Чехова и др.), которые по своему значению вышли далеко за рамки своей собственной литературы и стали решающим фактором в развитии большинства европейских литератур, в том числе и для западно-славянской межлитературной общности. А ведь здесь во II половине XIX в. творили многие выдающиеся писатели: в Польше — Э. Ожешко, Б. Прус, Г. Сенкевич, В. Реймонт, в Чехии — Б. Немцова, В. Галек, Я. Неруда, А. Ирасек, Т. Новакова, в Словакии — С. Г. Ваянский, М. Кукучин, Б. С. Тимрава. Между теми этими литературами шло активное взаимодействие, некоторые из писателей (например, Г. Сенкевич) пользовались большим успехом у читателей и вне своей страны. Однако литературная критика выявляла типологические схождения в творчестве этих писателей не в рамках западно-славянской межлитературной общности, а, как правило, на фоне русской литературы (например, С. Г. Ваянский и И. С. Тургенев, М. Кукучин и Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь). Прав А. Мештан, когда он говорит о необходимости двустороннего аспекта при анализе отношений между отдельными национальными литературами западно-славянской межлитературной общности, что позволит более точно определить характер их взаимодействия.

Литература XX века в определенном смысле началась в конце XIX в. с зарождением модерна. Франк Вольман говорит даже о рубеже 80—90-х гг. прошлого века, как о периоде перелома, когда «реализм спонтанно и еще в старых формах трансформировался в натурализм, а натурализм (особенно Золя) распрост

странялся с Запада на Восток, романтизм, преломившись в синтетических опытах и космополитизме, становился неоромантизмом¹⁷. Однако, принцип периодизации, предлагаемый Вольманом, не представляется нам универсальным. Даже в рамках западно-славянской межлитературной общности наблюдается неравномерность развития отдельных литератур и определенные временные сдвиги: модерн, например, возник не в одно и то же время в чешской, польской, словацкой и сербо-лужицкой литературе. Что касается словацкой литературы, то появление в ней модерна Микулаш Бакош относит к началу XX в., ссылаясь не только на смену поколений от поэтической школы Гвездослава к И. Краско, но и на структуральные признаки поэзии младшего поколения¹⁸.

Несмотря на временные расхождения, модерн более или менее одинаково проявился в литературах не только западно-славянской общности, но и в других славянских литературах. Повсюду на первое место выдвигалась эстетическая функция литературы, индивидуальность восприятия действительности, оригинальность поэтики. Польский модерн, известный под названием Молодая Польша, представлял собой широкое художественное движение, ориентированное на тесную связь разных видов искусства — литературы, театра, изобразительного искусства. Наиболее близок к Молодой Польше был чешский модерн, также отличавшийся многосторонностью и европейской ориентацией. В период модерна значительно активизировались взаимные контакты в рамках западно-славянской межлитературной общности, что проявилось в переводческой деятельности, в обмене художественными ценностями. В целом можно утверждать, что западно-славянские литературы на рубеже XIX—XX вв. проходили путем конвергенции, выполняя преимущественно комплементарную функцию с точки зрения художественной проблематики, жанровой системы и средств выразительности. Модерн в условиях несамостоятельного национального развития дал возможность этим литературам выступать как бы на равных с европейской литературой и искусством, вводить в контекст своей национальной культуры общечеловеческие ценности. Тем самым он подготовил почву для более открытого межлитературного процесса после I мировой войны.

В начале 20-х гг. с возникновением самостоятельных государств на месте бывшей Австро-Венгрии открылись и широкие перспективы для развития польской, чешской и словацкой литературы, в ином положении оказалась в условиях межвоенной Германии сербо-лужицкая литература. Литературный и межлитературный процесс проходил в этих трех литературах на близких духовных и эстетических принципах, на основе преемствен-

ности развития. В Чехии большинство культурных институтов продолжило традиции, основанные еще в середине XIX в., в Словакии шло становление таких традиций в сфере культуры, образования, науки и искусства. Молодая словацкая интеллигенция воспользовалась возможностью учебы в высших учебных заведениях Праги, контактов с группами и объединениями молодых чешских литераторов, что стало одним из основных источников при формировании чешско-словацкой билитературности, в которой органически проявлялись тенденции дифференциации, интеграции и взаимной дополняемости — комплементарности.

Характерной чертой межвоенной литературы и искусства была их внутренняя дифференциация — это относится как к отдельным национальным литературам, так и к западно-славянской межлитературной общности. Возникновение новых литературных направлений было обусловлено имманентными закономерностями развития национальной литературы в их непосредственном сопоставлении с европейскими литературами. При этом имела место определенная конвергенция между новыми тенденциями в рамках западно-славянской межлитературной общности, что проявилось, в частности, в наличии конструктивистско-футуристической модели поэзии в Польше, Чехии и Словакии. В Чехии универсальную художественную функцию выполнял поэтзм, на платформе которого были созданы неповторимые образцы авангардного искусства в поэзии (В. Незвал, К. Библ, в Словакии — Л. Новомеский), в прозе (В. Ванчура), в театральном искусстве (Я. Верих, И. Восковец), в музыке (И. Ежек).

Павол Винцер различает две фазы в развитии литературы межвоенного периода: 20-е и 30-е гг. В двадцатые годы, которые он считает по общему настрою оптимистическими, завершались некоторые направления начала XX в.— символизм, импрессионизм, витализм. Но уже в тридцатые годы все явственнее приступают контуры новых международных конфликтов, поэтому поэзия того времени пронизана «острым ощущением угрозы, нависшей над общечеловеческими ценностями, тяготеет к вневременному видению и отвлеченно-образному преломлению действительности, к визионерству, философско-лирической рефлексии...»¹⁹.

Смысловой подтекст был явлением универсального характера в литературе периода II мировой войны. К нему прибегали все писатели, стоявшие на позициях гуманизма и демократии и отвергавшие войну как средство решения споров между народами.

Сегодняшнее литературоведение стоит перед задачей изучения с новых позиций развития национальных литератур и меж-

литературного процесса с 1945 г. до наших дней. Особое внимание нужно будет уделить аксиологическим вопросам, необходимости отделять произведения высокого художественного уровня от произведений, не имеющих ни идейной, ни художественной ценности. При анализе особых межлитературных общностей мы можем основываться на одной бесспорной методологической базе — художественном переводе, поскольку, как пишет Д. Дюришин, «проблематика художественного перевода представляет собой область, где межлитературный процесс проявляется особенно ярко, будучи одной из наиболее зримых форм межлитературного взаимодействия»²⁰.

Взаимодействие в сфере художественного перевода между польской, чешской, словацкой и сербо-лужицкой литературой после 1945 г., исследованное в целом ряде историко-литературных и теоретических трудов, свидетельствует о живых контактах, не ослабевающих на протяжении многих десятилетий. Сегодня, когда особенно остро осознается необходимость взаимопонимания между всеми европейскими народами, нам представляется чрезвычайно важным определить роль межлитературной общности западно-славянских литератур в отношениях между Востоком и Западом и осмыслить путь ее развития от времен Великой Моравии до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Máchal J. Slovanské literatury, díl 1.— Praha 1922. Predmluva.
- ² Hrabová L. Slované mezi Labem a Rýnem // Czech Studies — České studie.— Amsterdam — Atlanta, 1990.— S. 312.
- ³ Konštantín-Cyril. Proglas // Antológia staršej slovenskej literatúry.— Bratislava, 1981.— S. 25—27.
- ⁴ Jakobson R. O Konstantinu Fiľošovi a české kultuře // Czech Studies— České studie.— S. 332—333.
- ⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.— Л., 1971.— С. 6.
- ⁶ Máchal J. Slovanské literatury.— S. 192.
- ⁷ Fedor M. Spolupatróni Eropy, ich odkaz na Slovensku.— Michalovce, 1990.
- ⁸ Novák A. Dějiny českého písemnictví.— Praha, 1946.— S. 50.
- ⁹ Krejčí K. Dějiny polské literatury.— Praha, 1953.— S. 42.
- ¹⁰ Pauliny E. Dějiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť.— Bratislava, 1983.— S. 78.
- ¹¹ Turčány V. List z Provence. Revue svetovej literatúry, 11, 1975.— S. 4, 114.
- ¹² Durišin D. Medziliterárne spoločenstvá ako konkretizácia zákonitostí svetovej literatúry // Osobitné medziliterárne spoločenstvá 2.— Bratislava, 1991.— S. 32.
- ¹³ Ilek B. Minulost a současnost českého prekladu // Preklad v Československu.— Praha, 1982.— S. 8—9.
- ¹⁴ Kreméry Š. Stopäťdesiat rokov slovenskej literatúry. 2. vyd.— Bratislava, 1954.— S. 42.

¹⁶ Hvišč J.. Pol'ská literatúra v slovenskej literárnej vede a kritike // Vzťahy slovenskej a pol'skej literatúry od klasicizmu po súčasnosť'.— Bratislava, 1972.

¹⁶ Slavia, 60, 1991, č. 1.— S. 8.

¹⁷ Wollman F. Slovesnosť Slovanu.— Praha, 1928.— S. 126.

¹⁸ Bakoš M. Literárna história a historická poetika.— Bratislava, 1973.— S. 80—81.

¹⁹ Winczer P. Diferenciácia funkcií poézie u niektorých slovanských národov a jej dôsledky pre umelecký tvar // Československá slavistika.— Praha, 1988.— S. 88—89.

²⁰ Ďurišin D. Osobitné medziliterárne spoločenstvá 2.— S. 50.

Сергей Никольский

МЕЖЛИТЕРАТУРНАЯ СЛАВЯНСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА В ЛИТЕРАТУРАХ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Межлитературные общности не следует рассматривать как нечто абсолютное и замкнутое. Практически каждая литература в каждую данную эпоху связана не с одной, а с несколькими разными литературными общностями, включена в них теми или иными своими сторонами, объединена с ними теми или иными отношениями, обусловленными, например, близостью языка, аналогичной фазой развития, сходным типом литературного процесса, интенсивностью общения (в силу исторических, географических или иных причин и обстоятельств) и т. д. Все это, естественно, не исключает того, что принадлежность к той или иной общности может быть доминирующей.

Межлитературные общности не являются также чем-то постоянным и неизменным, навсегда данным. Скорее о них следует говорить как о подвижных и переменных величинах. Можно, например, выделить эпохи, когда общность славянских литератур была выражена особенно сильно, занимала важное место в самом этническом и литературном сознании ее носителей. Такова, скажем, эпоха зарождения славянской письменности, периоды повышенной опасности для существования славянских народов в связи с османской и германской экспанссией (мы имеем в виду не только давние времена, но и, например, годы второй мировой войны, когда гитлеровцы ставили своей целью порабощение и даже уничтожение славянских народов). Такова и эпоха, вошедшая в историю ряда славянских народов под названием национального возрождения (вторая половина XVIII — значительная часть XIX века)¹, о которой и пойдет дальше речь (с преимущественным вниманием к чешской и словацкой литературе).

Определяющим для этой эпохи был процесс разрушения средневековой, феодальной системы, трансформация ее в новый

общественный строй. Важнейшей составной частью этого процесса было формирование современных наций. Конечно, многие слагаемые нации, национальной культуры накапливались и развивались постепенно, исподволь, но теперь этот процесс вступает в качественно новую стадию, получает новую социальную основу (по главной тенденции — буржуазную), разрастается в целостную и во многом новую систему. По мере ослабления жесткой сословно-иерархической структуры человек все больше выступал в качестве свободного индивидуума и члена национального социума. Важнейшим порождением этого процесса было формирование общенациональной культуры нового времени, преобразование прежних ее институтов и форм. Уменьшается или видоизменяется роль очагов культуры, связанных с монастырями и церковью, с аристократическими салонами, возрастает роль общенациональной сети культурных институтов — учебных заведений, издательств, газет, журналов, читален, театров, музеев и т. д. Специфическим для западных и южных славян было возникновение так называемых «Матиц» — национальных издательских и культурных центров: «Матица сербская», «Матица чешская», «Матица словацкая» и т. п. Само название, производное от представления о пчелиной матке, свидетельствует о той миссии, которую предназначали «матицам» их создатели, рассматривавшие их как очаги развития национальной культуры. Некоторые из матиц, в частности, сербская, словацкая, дожили до наших дней и успешно продолжают свою деятельность, делящуюся уже второе столетие. Славянские матицы, естественно, с самого начала стремились к взаимодействию и контактам между собой. Они и возникли в процессе таких контактов, о чем свидетельствует их генезис и общее наименование.

В рассматриваемую эпоху происходит интенсивный рост национального самосознания. При этом немаловажным фактором в процессе национального самоутверждения являлось родство тех или иных народов — германских, славянских и т. д. Особенную большую роль оно играло в национальном движении угнетенных народов, черпавших в своей принадлежности к более широкой этно-племенной общности моральную поддержку своим чаяниям. Однако осознание этой общности нередко было источником гордости и для крупных по численности народов, обладавших своей собственной государственностью. Еще М. В. Ломоносов в доказательство «величества и древности славян», их самобытности, писал о «множестве разных земель славянского племени»² и обращал внимание на широту ареала славянских языков: «Языки от славянского произошли: 1) российской, 2) польской, 3) болгарской, 4) сербской, 5) чешской, 6) словацкой, 7) вендской (вероятно, лужицко-сербский язык и

языки полабских и поморских славян.— С. Н.)»³. Предметом восхищения нередко оказывались древность и оригинальность культуры и небольших народов. Приведем для примера высказывание известного русского писателя и общественного деятеля Ф. Н. Глинки (1786—1880) о словаках, сделанное им в 1808 году: «Это потомки древних славян, и время еще не смогло истребить в них тех изящных качеств, которыми отличались древние славяне... Здесь можно слышать настоящий славянский язык и любоваться им... Всякому русскому приятно видеть остатки славных прародителей своих, видеть в них простоту нравов, чистосердечие, добродушие и склонность к странной примиству, и угощению»⁴.

Нарастающее осознание славянской общности получило отражение и в развитии общественной мысли, породив различного рода концепции сближения славянских народов — идею славянской взаимности (зародившуюся у южных и западных славян, ее крупнейшим глашатаем стал поэт словацкого и чешского народа Ян Коллар), движение иллиризма (характерное для югославянских народов, особенно для хорватов), славянофильство (в России). Не вдаваясь в оценки этих идейных течений и концепций, часто противоречивых, имевших свои разновидности и ответвления, отметим сам факт их возникновения как закономерное явление времени.

Переходя непосредственно к развитию культуры и литературы, необходимо прежде всего подчеркнуть, что в духовной жизни этого времени совершился процесс все более глубокого осознания и утверждения самобытности и единства национального коллектива — его самобытности и единства в языковом, этно-культурном, историческом, правовом отношении, единства в современном бытии и во времени — в смысле исторической протяженности и преемственности его существования. Отсюда повышенное внимание ко всему национально значимому, национально отличительному, самобытному, а также, явления своеобразного центростремительного синтеза национальных культурно-исторических традиций и ценностей. Такого рода синтез совершился в это время не только в литературе и искусстве, но и в других областях духовной жизни, в частности, в науке, где он был даже, может быть, более очевиден. Замышляются и создаются большие труды и компендиумы, ставящие целью обобщить национальные культурно-исторические ценности. В Чехии и Словакии, это, например, пятитомный чешско-немецкий словарь (1834—1838) Йозефа Юнгмана, обобщивший богатства словарного состава чешского языка, его же «История чешской литературы» (1825), ставшая сводом знаний о чешской письменности, «История славянского языка и литературу по всем

наречиям» (1826) Павла Йозефа Шафарика, многотомная «История чешского народа» (1830—1876) Франтишека Палацкого, трехтомное собрание «Национальных славянских песен» (1822—1827) Франтишека Ладислава Челаковского, собрание чешских песен Карела Яромира Эрбена, словацких песен П. И. Шафарика и Я. Коллара, капитальный этнографический труд П. И. Шафарика «Славянские древности» (1836—1837), его же «Славянская этнография» (1842). Олицетворением и воплощением описанного синтеза стала в Словакии вся деятельность Людовита Штура, поэта, лингвиста, ученого (книга «О национальных сказаниях и песнях племен славянских», 1852). Уже из названий многих трудов видно, что в поле зрения их авторов оказывалась не только отечественная, но и общеславянская культура.

Подобные труды создаются в эпоху формирования современных наций и у других славянских народов. В Сербии, Хорватии и Словении, например, можно назвать «Историю разных славянских народов, напаще же болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изъятых и в свет исторический произведенных» (1794—1795) Иована Раича, словарь сербского языка (1818, 1852) Вука Караджича, его же собрания сербских народных песен (10-е—20-е годы), «Иллирийские народные песни» (1835) Станко Враза и т. д. В Болгарии в такой же связи надо упомянуть пятитомный «Словарь болгарского языка с толкованием слов на болгарском и русском» (1895—1905) Найдена Герова, собрание народных песен братьев Миладиновых; у словенцев — историю Крайны А. Линхарга и т. п. В России, где процесс этот набрал силу несколько раньше, но продолжался и в первые десятилетия XIX века, особенно показательна деятельность историков Татищева и затем Карамзина, создателей «Словаря Академии Российской» и затем А. Х. Востокова, М. Д. Чулкова и затем братьев Киреевских и многих других.

Примерно те же сферы культурно-исторического бытия были в центре внимания и литературы, где также происходил синтез национальных духовных богатств, направленный на самоутверждение национального коллектива. Естественно, в художественной литературе процесс этот рассредоточен по многим и разным произведениям и проявляется как некая тенденция, получающая каждый раз особое и индивидуальное преломление, но в то же время достаточно очевидная.

Характерной чертой времени было вовлечение в процесс такого синтеза наряду с отечественным и общеславянского элемента. Это хорошо видно уже на таком ключевом для литературной жизни эпохи процессе, как формирование национальных литературных языков. Оно происходило в тесной и неразрывной

связи с осмыслением строя других славянских языков. Не случайно первый же крупный ученый, закладывавший основы чешского литературного языка, Йозеф Добровский стал одновременно и основателем славянского языкоznания. Независимо от того, шла ли речь о сближении или разграничении тех или иных элементов языковой системы, о явлениях интеграции или дифференциации, соотнесение с другими славянскими языками постоянно присутствовало в сознании и Копитара, и Караджича, и Юнгмана, и Штура, и Востокова, и Герова. При этом внимание к родственным славянским языкам затрагивало не только область теоретической и концептуальной разработки основ национального литературного языка, но и творческую практику. Нередко в одном лице выступал поэт и языковед-славист. Если говорить о чехах, то нельзя не вспомнить Антонина Пухмайера. Глава целой поэтической школы, он был одновременно автором учебника русского языка и увлеченным поклонником языка польского. Нельзя не назвать В. Ганку и И. Линду, которые использовали чуть не все славянские языки в Кралеворской и Зеленогорской рукописях, сама поэтика которых во многом основана на принципе контаминаций, в том числе языковых. Опять-таки Ганка был и автором ряда книг по чешскому языку, «Грамматики польского языка» (1839), «Введениия в русский язык» (1850). Ф. Л. Челаковский, автор «Отголосков русских песен» (1829) и «Отголосков чешских песен» (1839), был по-просту крупным языковедом-славистом, серьезно занимавшимся научной разработкой истории и грамматики чешского, и русского, и польского, и серболужицкого, и украинского, и южнославянских языков, исследовал их словарный состав, этимологию, сравнительную грамматику. В его поэтических произведениях по мотивам русского песенного творчества интересно, в частности, довольно значительное и тонкое использование русизмов⁵. От славистических интересов неотделима деятельность П. И. Шафарика и Л. Штура.

Может показаться, что все сказанное относится к литературе только тех славянских народов, которым пришлось пережить (вследствие изнурительного иноземного гнета) резкое ослабление развития национальной письменности. Однако вопрос тут скорее в вариантах и хронологии процессов, чем в их существе. Трудно, например, переоценить значение польского языка для развития украинской, русской и белорусской письменной культуры (хотя влияние его падает на более раннее время) и особенно старославянского языка для становления общелiterатурного языка и языка художественной литературы у восточных славян. Благотворную роль общеславянского языкового контекста осознавали в России не только такие деятели, как Востоков,

а перед ним Ломоносов и другие; но и писатели. Уже приводилось высказывание Ф. Н. Глинки о словацком языке. Показательно мнение А. С. Грибоедова. По утверждению современников он считал, что для совершенного постижения «духа русского языка» нужно «знать несколько соплеменных наречий, прочесть несколько славянских, русских, богемских грамматик и рассмотреть столько же словарей»⁶. В 1826 году он даже на Кавказ привез с собой «Сербский словарь» (венское издание 1818 г.), томик «Сербских народных песен» Вука Караджича и «Основы древнеславянского языка» И. Добровского (полученные им от Грече в 1824 году)⁷.

Однако было бы неверным представлять себе дело таким образом, будто все и сводилось к синтезу отечественного и элементов родственных славянских языков. Общеизвестно, например, значение французского языка для формирования русского литературного языка и, в частности, его синтаксической нормы. Процесс самоосознания нации как самостоятельной субстанции был процессом осознания себя «в ряду других». Это вызывало потребность все время соотносить собственное развитие с инонациональным. Чешский исследователь В. Мацура тонко заметил, что кроме связи по принципу «мы самостоятельны, так как наша культура обладает иными ценностями», существует и другой принцип: «мы самостоятельны, так как наша культура обладает теми же ценностями»⁸, так как мы способны создать те же ценности. Иногда, по мысли Мацуры, возникают как бы «зеркальные отражения». По сути дела, таким зеркальным отражением был и пятитомный «Чешско-немецкий словарь» Йозефа Юнгмана, проведшего внушительный знак равенства между чешским и немецким языком. Это издание продемонстрировало богатство, своеобразие и самобытность чешского языка. Но нельзя недооценивать в создании такого свода чешского языка и значения немецкого прообраза. Такова диалектика соотнесения себя с другими. Аналогичную диалектику можно наблюдать практически во всех областях становления национальной литературы нового времени.

Наряду с синтезом национального языка шел интенсивный процесс синтеза отечественной истории. О развитии исторической науки уже говорилось. Но и литература эпохи национального возрождения отражала бурный рост исторического самосознания и сама активно участвовала в его формировании. В каждой славянской литературе этого времени бросается в глаза повышенный интерес к отечественному прошлому, особенно к эпохам, отмеченным взлетом исторического бытия, расцветом государственности, яркими страницами борьбы за свободу. В чешской поэзии, например, самые крупные произведения пер-

вых десятилетий XIX века как раз связаны с исторической тематикой. Это Краледворская и Зеленогорская рукописи В. Ганки и Й. Линды с идеализированными картинами древней Чехии, с изображением эпизодов борьбы против чужеземных захватчиков. Это поэма «Дочь Славы» крупнейшего чешского и словацкого поэта эпохи национального возрождения Яна Коллара, представляющая собой попытку окинуть взором все историческое прошлое славянства. У словаков особое место в литературе эпохи национального возрождения занимают эпические поэмы Яна Голлы «Святоплук» (1833) «Кирилло-Мефодиада» (1835). «Отголоски русских песен» Ф. Л. Челаковского могут служить ярким примером интереса к русской истории и к борьбе русского народа против татаро-монгольского гната. В прозе у чехов выделяются наброски повестей К. Г. Махи на темы чешской истории, романы П. Хохолоушки 40-х — 50-х годов, посвященные южным славянам, их борьбе за свободу (в живописи ту же тематику разрабатывал Я. Чермак), исторические драмы Йозефа Каэтана Тыла, особенно «Ян Гус» и «Ян Жижка», и наконец возникшие уже во второй половине века монументальные исторические полотна А. Ирасека, запечатлевшие важнейшие события и процессы отечественной истории и как бы завершающие упомянутый синтез созданием своего рода панорамы истории родного народа. Из приведенных примеров видно и отчетливо выраженное внимание литературы к славянскому контексту отечественной истории. Оценивался он почти всегда положительно или даже восторженно. Существенное исключение составлял польский вопрос, проблема польско-украинских и польско-русских отношений, хотя и польская и восточнославянские литературы искали плоскости соприкосновения прогрессивных тенденций, которые вели бы к солидарности (польский лозунг «Завашу и нашу свободу», деятельность Герцена и т. д.). Если говорить о художественной специфике литературы, то в поэзии, соприкасающейся с исторической тематикой, сильно проявляется влияние эпического песенного творчества славянских народов, в прозе тематика из отечественной и славянской истории как бы соединяется с повествовательной традицией, восходящей к художественным открытиям Вальтера Скотта (у болгар также с влиянием французской неистовой школы⁹) и опять-таки с фольклорной эпической стихией.

Ярко выражен в литературе эпохи национального возрождения синтез фольклора. Частично об этом уже заходила речь. Но явление это наряду с синтезом языка и истории также заслуживает специального внимания и общей характеристики. Ассимиляция фольклора — чрезвычайно важная черта литературного процесса эпохи формирования национальных славянских

литератур нового времени. Осознавалась ранее непредполагаемая ценность огромного массива народной культуры, богатство ее нравственного и эстетического содержания. Все прочнее утверждалось мнение о фольклоре как о важнейшем, если не самом главном источнике национальной самобытности литературы, а национальная самобытность стала в это время своего рода ценностью категорией в литературном сознании. Но опять-таки существует и общеевропейский аспект этого явления. Инициатива в теоретическом осмысливании народного творчества как «голоса нации» (*«Stimmen des Volkes»*), как воплощения неповторимого национального духа народа принадлежала знаменитому немецкому философу И. Г. Гердеру, мысли которого пали на очень плодотворную почву в славянских странах, тем более, что он питал искренние симпатии к славянам. «...Гете, Гердер... были... первыми, кто в Германии начал трудиться против антиславянских предрассудков, клеймили слепую антиславянскую ненависть и пробивали путь человеческим чувствам и взглядам»¹⁰. Большой интерес вызывала и непосредственно высокая оценка Гердером славянского песенного творчества.

Каждое издание народных песен в славянских землях в эпоху национального возрождения становилось целым событием в литературной жизни, не меньшим, чем появление крупных новых литературных произведений. Особенно широкую известность приобрели уже упоминавшиеся собрания народных песен В. Караджича, Ф. Л. Челаковского, К. Я. Эрбена, П. Й. Шафарика и Я. Коллара. При этом в литературный обиход входил не только отечественный фольклор, но и фольклор других славянских народов (славянская поэтическая культура воспринималась как своя, родственная). И вновь нередко в одном лице соединялся поэт и фольклорист (А. Качич-Миошич, В. Караджич, В. Ганка, Ф. Челаковский, К. Я. Эрбен, Л. Штур и т. д.). У нескольких крупных поэтов мы встречаем в это время целые поэтические циклы, созданные по мотивам песенного творчества братских славянских народов,— «Отголоски русских песен» Ф. Л. Челаковского, а еще до этого Краледворская и Зеленогорская рукописи Ганки и Линды, «Песни западных славян» А. С. Пушкина и др. Литература обогащала за счет фольклора арсенал своих тем, мотивов, сюжетов, художественных средств, ассимилировала фольклорную поэтику. Несколько позднее интерес к песенной поэзии распространится и на сказку (на первых порах он сдерживался борьбой просветителей против предрассудков и суеверий). В чешской литературе это со всей наглядностью проявилось в творчестве Й. Тыла, в его пьесах-сказках, затем у К. Я. Эрбена, увлекшегося и русскими сказками, которые он издавал в собственных обработках, у Б. Немцовой, проявлявшей

особое внимание к словацким народным сказкам и их национальному своеобразию.

В эпоху формирования современных национальных литератур они активно впитывали в себя и ассимилировали элементы этнической народной культуры. Пристальное внимание вызывает не только народное поэтическое творчество, но и народный быт, народная нравственность и этика. В значительной степени под этим углом зрения Ф. Л. Челаковский создавал свод славянских пословиц «Мудрость славянских народов в пословицах» (1852), с параллельным, «сравнительным» расположением пословиц и переводом их на чешский язык. Все это издание проникнуто интересом к нравственно-этическим основам народного бытия славян. Духовный мир славянских народов глубоко интересовал Л. Штура. Народная этническая культура иногда становилась непосредственным предметом внимания, в других случаях составляла существенную часть «интерьера» художественных произведений. Теми или иными чертами они нередко тяготели к жанру и стилю этнографического очерка. В чешской литературе своего рода вершиной в раскрытии духовных богатств народа стала повесть Божены Немцовой «Бабушка» (1855). В ней словно в фокусе соединились определенные тенденции литературы национального возрождения. Вызывали интерес быт и этническая духовная культура других славянских народов. Ярким примером в чешской литературе могут служить «Картины из России» К. Гавличека-Боровского, создававшиеся начиная с 1843 года и возникшие под впечатлением непосредственного двухлетнего пребывания в России.

Большой интерес представляют процессы, происходящие в области литературных жанров. Вторая половина XVIII — начало XIX в. были временем, когда в европейских литературах складывается современная система жанров. Процесс этот носил практически общеевропейский характер, хотя в некоторых отношениях отдельные литературы опережали другие. С известной долей схематизации можно сказать, что в начале эпохи национального возрождения преобладала античная традиция, особенно в поэзии (а поэзия вообще опережала развитие прозы). Получают распространение басня, ода, героический эпос, идиллия, жанры анакреонтической лирики, дружеского послания. Но характерно постепенное насыщение заимствованных жанров национальным элементом — сперва, по большей части, на уровне содержания (типичные у чехов оды, посвященные Яну Жижке, чешскому языку, Кирилло-Мефодиевские и старославянские темы эпоса у словацкого поэта Яна Голлы и т. п.). Со временем национальную окраску приобретают и многие художественные формы. Героико-эпические жанры вбирают в себя элемент сла-

вянской фольклорной поэтики (Краледворская и Зеленогорская рукописи Ганки Линды, «Отголоски русских песен» Челаковского в чешской литературе). Образцом служила прежде всего поэтика былин и сербских юнацких песен, откуда заимствовались и метрика и изобразительные средства (зачины, параллелизмы, постоянные эпитеты и т. д.). У болгар поэзия испытывает сильное влияние хайдутских песен, их тематики и поэтики (Христо-Ботев). В лирике излюбленным становится жанр баллады, восходящей к национальным фольклорным разновидностям этого жанра (в чешской литературе «Томан и лесная панна» Ф. Л. Челаковского, почти все лучшее в поэтическом творчестве К. Я. Эрбена — сборник «Букет народных преданий», 1853). Одновременно общеевропейская по типу рыцарская драма трансформируется в чешской литературе в историческую (В. Клицера, И. К. Тыл), появляется уже упоминавшаяся пьеса-сказка.

Короче говоря, система жанров также приобретает отчасти свой славянский акцент. Однако явление это не следует абсолютизировать. Вскоре широкое распространение в славянской поэзии получит, например, пришедший из западной литературы жанр романтической поэмы, давший высокие достижения в творчестве Пушкина, Мицкевича, Лермонтова, Махи и других. Постепенно система жанров вообще становится все более разнообразной, а общие тенденции все больше преломляются через неповторимые творческие индивидуальности.

Таким образом, одно из проявлений межлитературной общности славянских народов заключалось в широком вовлечении в процесс центростремительного национального синтеза, характерного для эпохи формирования современных наций и национальных литератур нового времени, общеславянского элемента. Возьмем ли мы процесс складывания новой структуры литературной жизни и ее институтов, формирования национального литературного языка, развития системы жанров, освоения исторической тематики и богатств фольклора, народной духовной культуры — всюду в эпоху национального возрождения мы наблюдаем активную роль межславянского обмена ценностями, выполнявшего важнейшую функцию в национальном самоутверждении как всего комплекса славянских литератур, так и отдельно каждой из них.

Разумеется, сказанное не означает, что славянские литературы были изолированы от других литератур. Разными своими сторонами они входили и в другие межлитературные общности. Так, литературы южных славян имели много общего с развитием греческой, румынской, албанской литератур, составляли вместе с ними балканскую литературную общность. Их роднят и непосредственные связи, обусловленные соседством народов,

и сходство исторических судеб, в частности, общие цели борьбы против османского гнета, что порождало и некоторые общие особенности в литературной жизни, определенные тематические и идеинные аспекты художественного творчества. Не в последнюю очередь сближают их и некоторые общие черты мироведения («балканская модель мира»). Определенную общность составляли и литературы Австрийской империи. Восточно-славянские литературы составляли часть российской литературной общности. Само собой разумеется, все славянские литературы неотъемлемое слагаемое большой общеевропейской литературной зоны, восходящей в своих основах еще к античности и утверждению христианства. В описываемую эпоху эти общие судьбы развития выражались и в общности литературных стадий и течений (проповедование, классицизм, романтизм) пусть и проявившихся в разных литературах в разной степени и в разных соотношениях, и в непосредственных бесчисленных связях (выделяя славянские литературные связи, мы стремились подчеркнуть лишь их особый удельный вес и особые функции). Естественно славянские литературы входили в общечеловеческую общность мировой литературы.

Возвращаясь к процессу синтеза в литературах эпохи национального возрождения, необходимо добавить несколько слов об общих его тенденциях. Говоря в самом общем виде, эпоха, о которой идет речь, была эпохой перехода от средневековой культуры к культуре нового времени. Менялся сам тип художественного сознания. В средневековой литературе, как известно, господствовала власть традиции, стилевого и жанрового канона. Само художественное сознание носило традиционалистский характер. Авторская инициатива играла как бы подчиненную роль. Автор выступал скорее в роли состязателя, стремящегося как можно более искусно освоить традицию и реализовать все заложенные в ней возможности, как можно более совершенно воплотить канон. Новая эпоха ознаменовалась утверждением ценности человеческой личности (процесс, давший первую крупную вспышку в эпоху Ренессанса). Возрастало значение индивидуально-авторского начала, личностной творческой активности. Литература нового времени в гораздо большей степени, чем прежде, становилась литературой персоналий.

Однако процесс этот набирал силу постепенно и совершился не сразу. На первых порах (в Польше и России в основном в XVIII в., в других славянских литературах в конце XVIII — первой половине XIX в.) наблюдается присутствие черт как прежней, традиционалистской, так и новой, системы мышления и творчества. Особенно наглядно это выражено как раз в тех литературах, развитие которых было задержано длительным ино-

земным гнетом и только теперь обретало новые импульсы для подъема, происходившего уже в новом контексте. В результате в непосредственном соседстве и соприкосновении оказывались явления, которые в других литературах разделены гораздо большей временной дистанцией. В научных исследованиях уже обращалось внимание (особенно Г. Д. Гачевым), что в болгарской литературе национального возрождения можно встретить даже такие архаичные формы, как жанр жития (хотя и наполнявшийся новым содержанием: Софроний Врачанский типологически в чем-то сопоставим с протопопом Аввакумом). Но, может быть, важен даже не сам по себе этот факт, а более общее явление, которое он представляет,— относительно слабая персонализированность литературы этого времени. Пробуждающаяся личностная активность воплощается в прежних типовых формах. Возникает даже парадоксальная ситуация: ведь с точки зрения агиографического канона «автожитие» (т. е. собственное житие) — это попросту нечто дерзкое и вызывающее. С другой стороны, с точки зрения литературы нового времени, воплощение личной судьбы в жанре жития — это анахронизм. В определенном смысле о тяготении к традиционалистскому типу художественного сознания свидетельствует и массовое увлечение писателей эпохи национального возрождения фольклором, подражание ему.

Литература эпохи национального возрождения, особенно на первых порах, это вообще в значительной степени литература отраженного слова. Она опять-таки во многом ориентируется на канон, жадно ищет традицию, на которую можно опереться. Произведения Ганки и Линды, Челаковского и Эрбена не столько непосредственный голос автора, сколько творчество в духе фольклорной «нормы». Это как бы продолжение и продление фольклорной традиции хотя уже в литературной форме. Да и «Дочь Славы» Яна Коллара в известном смысле представляет собой нечто вроде сотворения мифологии славян, мифо-исторической картины их прошлого (отчасти по греческому образцу и не без учета «Божественной комедии» Данте). Но в эти традиционные формы вливалось, как мы видим, уже новое содержание, тесно связанное с национальными чаяниями Нового времени.

Постепенно видоизменялись и сами художественные формы, нередко приобретавшие определенные национальные черты, особенности, оттенки. Со временем все больше дает себя знать процесс не только национально-славянской индивидуализации литературы, но и нарастание индивидуально-творческой инициативы писателя. На смену «отраженному слову» приходит непосредственная авторская реакция на мир, не сдерживаемая уже

канонами. В чешской литературе это явление с непререкаемой очевидностью впервые обнаружило себя в поэзии Карела Гинека Махи, затем в творчестве Йозефа Каэтана Тыла. В дальнейшем «персонализацию» литературы демонстрируют творческие индивидуальности Карела Гавличека-Боровского, Божены Немцовой, Яна Неруды — вплоть до таких ярких писателей мировой известности, выдвинутых чешской литературой в XX в., как Ярослав Гашек, Карел Чапек, Владислав Ванчура, Витезслав Незвал и т. д. Сходную картину изменений художественного сознания и типов творчества дают и другие славянские литературы. В соответствии с этими изменениями, происходившими в частности на протяжении эпохи национального возрождения, менялся и характер взаимодействия конкретных литератур с общеславянским литературным процессом. Вначале, как мы видим, преобладал интерес, так сказать, к более общим и устойчивым формам — жанровым, фольклорным и т. д. (Даже обратившись к творчеству такого поэта, как А. С. Пушкин, Ф. Л. Челаковский — а он был первым в Чехии переводчиком Пушкина — сначала выбирает и переводит из него исключительно стихотворения, созданные по фольклорным мотивам или несущие на себе фольклорную окраску — фольклор в некотором смысле еще был как бы авторитетнее литературы и индивидуального творчества). Но дальше придет интерес к сильным творческим индивидуальностям. Из русской литературы наряду с Пушкиным внимание славянских литераторов будет привлекать Гоголь, позднее И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и т. д.

Таким образом, движение от традиционалистского к индивидуально-творческому художественному сознанию сказывалось и на характере того национального синтеза, который совершался в это время в литературе, и на формах проявления межлитературной славянской общности. Позднее и национальное своеобразие и сама эта общность приобретут во многом иной характер, обусловленный диалектикой национального и индивидуального.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О содержании понятия «национальное возрождение» и его соотношении с более широким понятием формирования наций и национальных культур нового времени см. подробнее: Никольский С. В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.— М., 1982.— С. 97—122.

² См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.— М.— Л., 1950—1983.— Т. 6.— С. 29, 174—175, 293.

³ Там же.— Т. 7. С. 609.

⁴ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера...— М., 1815. Ч. 1.— С. 120—121.

⁵ См. подробнее: Slavistický odkaz F. L. Čelakovského (Práce z dějin slavistiky, XI). Vedečtí redaktori J. Petr a Z. Urban.—Praha, 1988; Лилич Г. А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка.—Л., 1982.

⁶ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников.—М., 1929.—С. 55.

⁷ Литературное наследство. Т. 47—48.—М., 1946.—С. 228.

⁸ Macura V. Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ.—Praha, 1983.—S. 45.

⁹ См.: Чемоданова М. Г. Роль романтизма в становлении болгарской национальной литературы // Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.—М., 1983.—С. 236 и след.

¹⁰ Kollar Jan. Vybrané spisy, sv. I.—Praha, 1952.—S. 477.

Карол Розенбаум

ФУНКЦИЯ МЕЖЛИТЕРАТУРНОСТИ В СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Для осмысления поднимаемой нами проблемы считаем необходимым вначале дать характеристику словацкой литературы национального возрождения, рассмотреть «классический» ее период (1780—1830), а затем прояснить понятие «межлитературность».

В отличие от соседних, географически наиболее близких литератур — венгерской и польской — словацкая литература имела свою специфическую особенность. В то время, как венгерская и польская литература могли опереться — каждая по-своему — на собственный уже сформировавшийся и окультуренный язык, словацкая литература имела две формы письменности: так называемую «библичтину» (язык чешского перевода Библии) и «бернолачину» (западно-словацкий диалект). Использование «библичтины» связывало ее с чешской литературой; авторы этой ориентации даже считали себя «чехословацкими» писателями, а свои произведения — частью общей литературы «чехословацкого племени». Тем самым они отрицали свою принадлежность исключительно к чешской литературе, хотя и писали по-чешски. Многие из них стремились выразить словацкое самосознание в своих идейных концепциях и языковой практике¹. Вместе с тем, общность творческих задач объединяла их с чешскими писателями. В результате создавалась естественная напряженность между словацким языком, которым они пользовались в своей среде, и письменной нормой, которую им необходимо было освоить для занятий литературным творчеством. С такого рода проблемой не сталкивались (или сталкивались в меньшей степени) сторонники «бернолачины» — этот литературный язык был языком словацким. Его стремились освоить словацкие писатели из разных словацких областей, находившиеся под прямым влиянием местных диалектов. Поэтому не только у привержен-

цев чешского языка как нормативного языка словацкой литературы, но и у сторонников «бернолачины» мы можем видеть стремление овладеть литературной нормой. Йозеф Юнгман в письме к другу, поэту Антонину Мареку, размышляет о критической оценке своего перевода на чешский язык «Потерянного рая» Милтона, высказанной Юраем Палковичем: «Палкович высказал мне свое суждение о моем «Рае» и попенял за излишнее рвение к чужим и незнакомым словам, однако же, хоть отчасти он и прав, могу смело утверждать, что поэтический язык наш, пусть для кого-то и неясный, не может быть иным; многие тому причины и нам, и прочим известны»². Юнгман отставал язык своего перевода, ссылаясь на его эстетическую функцию. О том же, что Палкович оставался приверженцем старых форм чешского языка, свидетельствуют его замечания по поводу языка поэтического сборника Павла Йозефа Шафарика «Муза со славянских гор» (1815), опубликованные в еженедельнике «Тыденник». Палкович, похвалив живую фантазию автора, поэтичность его речи, отмечает однако, что Шафарик «увлекается новыми, не вполне удачно придуманными ныне живущими писателями чешскими словами и выражениями». Различие между концепциями языка Ю. Палковича и И. Юнгмана (а также П. И. Шафарика) состоит в том, что Палкович опирался прежде всего на «классический» язык чешской литературы так называемого велеславинского периода и отвергал всякое новаторство, тогда как И. Юнгман и П. И. Шафарик выступали за эстетическое обновление поэтического языка. Язык один, а по сути это два языка! Причем принадлежность Палковича к словацкому народу не играла в данном случае существенной роли.

Несмотря на некоторые различия, похожим было и отношение к «бернолачине». Создателем ее грамматики и правописания был Антон Бернолак, подготовивший достаточно прочную основу для практического использования этого языка. О значении его многотомного «Словаря» свидетельствует, например, тот факт, что поэт Ян Голлый, получив очередной его том, сделал ряд лексических и грамматических исправлений в своем уже завершенном переводе «Энеиды» Вергилия (переписка Я. Голлого с Ю. Палковичем).

Таким образом, словацкая литература на чешском языке с языковой и эстетической точки зрения была консервативной, закрытой по отношению к новым веяниям; в ней проявлялось определенное противостояние с творчеством чешских писателей нового поколения, с их новыми литературными и лингвистическими пристрастиями — своего рода элементы межлитературности. Голлый не вступал в противоречие с чешской литературой, его творчество воспринималось в чешской среде положительно,

но и в его отношении к «бернолачине» мы видим определенные черты межлитературности, связанные с его стремлением как можно более приблизить к ней собственный поэтический язык, придать своему творчеству классический характер.

Итак, на основании анализа тенденций в творчестве словацких писателей, пользовавшихся как чешским языком, так и «бернолачиной» мы можем поставить вопрос о межлитературности. Здесь нам представляется необходимым пояснить характер этого явления в контексте словацкой литературы национального возрождения.

Основатель теории межлитературности Дибніз Дюришін («Теория межлитературного процесса», 1985; «Систематика межлитературного процесса», 1988 и др.), полемизируя с традиционной теорией сравнительного изучения межлитературных связей, настаивает на необходимости исследования «высшего» межлитературного процесса. Методологическое новаторство Дюришина заключается в стремлении к объективному анализу явлений, наблюдаемых в отношениях между отдельными литературами с разными доминантами развития, а также в рамках различных групп литератур, которым он дал название «литературные общности». Преимущество методики Дюришина в том, что она учитывает как «части» (национальные литературы), так и «целое» (общности, мировая литература), а также внутреннюю ситуацию в национальной литературе, ее восприимчивость к внешним воздействиям. Все это является предпосылкой для синтезирующих выводов.

Словацкая и чешская литературы на протяжении столетий формировали литературную общность особого рода, для которой характерно межлитературное взаимодействие разной степени активности, обусловленное, прежде всего, положением словацкой литературы. В то время, как чешская литература, находившаяся в более благоприятных обстоятельствах, могла развиваться относительно органично, развитие словацкой, помимо худших социально-политических условий, осложнялось и бытованием двух литературных языков, использовавшихся вплоть до штурковской реформы. Именно такое «особое» положение дел и вызвало к жизни явление, которое, пользуясь терминологией Д. Дюришина, мы можем назвать активной межлитературностью. Как мы уже отмечали, элементы ее возникли еще во времена «библейского» чешского языка и «бернолачины». С чешской стороны осознавалась консервативность позиции словацких авторов, писавших по-чешски, их принципиальное расхождение с теми, кто шел по пути идеально-эстетического обновления, совершенствования литературного языка. «Общность» чешской и словацкой литературы не представлялась для чешского созна-

ния проблемой первостепенной важности. Ее значение возросло лишь с попытками Яна Коллара внедрить — в духе своей концепции — в языковую теорию и практику словакизмы, что глубоко затрагивало литературные нормы чешского языка того времени.

Иным было отношение в чешских литературных кругах к бернолаковской литературе. Хотя и здесь имело место определенное противоречие. Так, эпос Я. Голлого «Сватоплук» получил положительную оценку К. А. Винаржицкого, писавшего Ф. Л. Челаковскому: «Я до сих пор почитаю эту поэму за творение в своем роде классическое и сожалею, что оно не чешское»³. Опубликовав свой перевод шестой песни эпоса на чешский язык, Винаржицкий просил автора, правда, безуспешно, сделать собственный перевод всего произведения. Челаковский также настаивал на необходимости такого перевода, без чего поэма, по его убеждению, будет лишена «какого бы то ни было отклика у наших читателей и лишь изредка вызовет любопытство библиофилов, как литературная редкость»⁴. Ф. Л. Челаковский первым поставил проблему перевода произведений словацкой литературы на чешский язык. В то же время, «бернолачина» не вызывала возражений у словацких литераторов, писавших по-чешски. Так, Ю. Палкович писал в журнале «Татранка» в 1832 г. в связи с публикацией отрывка из «Сватоплука»: «Уже по одному этому фрагменту видно, что господин Ян Голлый... хороший поэт и хороший словак, хотя нам, отдающим предпочтение литературе на чешском, давно облагороженном языке, его словацкий кажется простонародным»⁵.

«Двуязычная» словацкая литература не находилась, таким образом, в изоляции от чешской; обе литературы внимательно следили за тенденциями развития друг друга. Обе языковые ветви словацкой литературы стремились к чистоте и совершенству, что приводило литературу в целом к внутреннему раздвоению и противопоставлению себя чешской литературе. Все эти тенденции и элементы составляли в совокупности то, что уже можно назвать межлитературным процессом, и были связаны с формированием словацкой литературы как литературы национальной.

Вхождение словацкой литературы в межлитературный процесс имело с точки зрения ее развития, в том числе и в период национального возрождения, две формы: субъективную и объективную. Это, с одной стороны, стремление и решимость формировать национальную литературу в непосредственном контакте с инонациональными литературами и, с другой стороны, восприятие словацкой литературы инонациональными литературами. Количество контактов и качество восприятия — важные по-

казатели идейно-художественного уровня, процессов модификации национальной литературы, в данном случае — словацкой.

Особый интерес представляют контакты с чешской литературой. Общность литературного языка, казалось, облегчала эти контакты, однако в действительности все обстояло иначе. Как мы уже отмечали, словацкие сторонники общего языка проявляли по отношению к нему ортодоксальность и догматизм. Адресуясь в своем творчестве прежде всего к словацкому читателю, они рассчитывали и на отклик в чешской среде, поскольку считали себя частью общей чехословацкой литературы. Однако консервативность по отношению к литературному языку служила поводом к размежеванию с обеих сторон. Словацкие писатели упрекали чешских за слишком смелые новации, чешским, напротив, претила консервативность словацких коллег. Разумеется, это противоречие не могло разрушить языковое и литературное единство, ведь межлитературность проявляется не столько в общности явлений, сколько в отклонении от нее. Примером тому может служить творчество Яна Коллара в начале 20-х гг. XIX в. и, особенно, в 30-е годы. В первом своем сборнике «Стихотворения» (1821) он еще не помышлял о выходе за рамки языкового единства, однако уже скоро начал размышлять об этом, имея сторонника в лице П. Й. Шафарика. Коллар хотел внести в организм общей литературы специфически словацкие элементы; его переписка с Шафарики в 20-е гг. свидетельствует о стремлении обоих писателей реформировать литературный чешский язык, создать новый его вариант, своего рода «третий путь». Свои идеи Коллар воплотил в поэме «Дочь Славы» (1824), особенно в ее расширенном издании 1832 г.

Идеи Коллара натолкнулись на решительное сопротивление со стороны чешских литературных кругов. Отношение к его творчеству было также противоречиво. С идейной и художественной точки зрения поэзия Я. Коллара — сборник «Стихотворения» и первое издание поэмы «Дочь Славы» — получила позитивную оценку, однако язык его произведений вызвал множество нареканий. Именно по этой причине первая рецензия на поэму «Дочь Славы» (написанная Ф. Л. Челаковским) появилась лишь в 1831 г., а ее расширенное издание чешская литературная критика вообще обошла молчанием. Вместе с тем она признавала заслуги Коллара как мыслителя, пробуждавшего в народе патриотизм, восстававшего против национального угнетения. Определенное противоречие между поэтическим творчеством Коллара и чешской литературой имело место на фоне общего чехословацкого литературного контекста. Коллар, по происхождению словацкий поэт, пытался укрепить этот контекст механически, по сути приспособив его к своим «идеальным» представлениям.

Чешская литературная общественность эти попытки отвергала. Сфера межлитературности была, однако, достаточно обширной, чтобы обе точки зрения имели возможность развиваться. Что касается отношения к творчеству Яна Голлого, то оно было гораздо более однозначным — от благосклонной оценки оригинала до его «освоения» посредством перевода. Собственное отношение Я. Коллара и Я. Голлого к проникновению их произведений в чешскую культуру также было не одинаково. Если Я. Коллар даже теоретически обосновывал свою принадлежность к общей литературе, то Я. Голлый решительно отвергал вхождение в нее ценой перевода на чешский язык. При этом чешская культура объективно признавала значение творчества и того, и другого поэта. Именно эта объективная ценность и была исходным моментом межлитературного процесса чешской и словацкой литературы.

В период национального возрождения словацкая литература проявляла очевидное стремление к самоутверждению. Под этим знаком строились ее отношения с чешской литературой, а кроме того, и с другими соседними литературами, хотя связи с ними имели свои особенности. Так, с венгерской литературой у словацкой было очень мало общего. Хотя словацкая литература была литературой народа, входящего, наряду с другими народностями, в общее венгерское государство и хотя венгерская литература переживала в это же время кульмиационный момент своего возрождения, не представляется возможным говорить об «общем пути» двух литератур в полном смысле слова. Мы могли бы отметить некоторые сходные черты (любовь к родине, поиски родины, уважение к родному языку, любовь к фольклору), однако возможную близость нарушила национальная напряженность, реакцией на которую была критика национального угнетения, пронизывающая словацкую литературу. Эта, возможно, субъективная сторона проблемы оказывала влияние и на объективную картину межлитературного процесса, который, при всем том, шел своим путем.

Богатый материал по данной проблематике дали исследований словацких, чешских и венгерских ученых Л. Сиклаи, И. Фрида, И. Кефера, И. Чукаша, П. Ракоша, Р. Пражака, Р. Хмела, Я. Пашьяковой и др. Принципиальное значение имеет высказывание М. Бакоша, призывавшего переносить при изучении связей словацкой и венгерской литератур «центр тяжести с контактологоческого подхода на метод структурального типологического исследования»⁶. Методологические принципы Бакоша получили развитие в работах Д. Дюришина, ломающих тесные рамки традиционной компаративистики, где господствовал национально-литературный историзм, и намечающих контуры нового

типа исследования межлитературного процесса. Межлитерату́рность как явление включает в себя «взаимосвязи и закономерности» в отношениях национальных литератур как части центрально-европейского, европейского и даже мирового литературного процесса. Таким образом, понятие межлитературности представляется наиболее комплексным по отношению к литературным связям, изначально предполагая оптимальный аспект их рассмотрения и отвергая изоляцию национального от общего, межнационального. На примере отношений венгерской и словацкой литературы с их особым характером (совершенно несходные литературные языки, различное положение наций, многовековой путь развития в общем государстве и проч.), на наш взгляд, можно продемонстрировать возможности исследования межлитературности, позволяющего понять как характер отдельно взятой национальной литературы, так и закономерности вхождения ее в ту или иную литературную общность.

Словацкая литература национального возрождения имела под собой серьезную идеиную платформу, объединявшую оба духовных и языковых течения — «библейское» и берналаковское: это была идея славянской взаимности, чрезвычайно популярная в тот период. Особую роль она играла в сознании «малых» славянских народов; велико ее значение в формировании чешской и словацкой литературы, да и некоторых других славянских литератур, входивших благодаря ей в межлитературное пространство. Ее программные положения были сформулированы Я. Колларом в его теории славянской литературной взаимности. Вспомним определение понятия «взаимность» в теоретическом труде Коллара «О литературной взаимности»: это «совместное участие всех национальных ветвей в произрашивании духовных плодов своего народа, это взаимное приобретение и чтение сочинений и книг, изданных на всех славянских наречиях»⁷. Однако Коллар не остановился на практической необходимости взаимного ознакомления славянских литератур; идя дальше, он установил своего рода правила, которые должны действовать в процессе взаимности. «Каждое наречие,— утверждал он,— должно черпать в другом новую жизненную силу для собственного омоложения, обогащения и просвещения, но так, чтобы при этом не ущемило других и не затронуло и себя, но в соседстве с другими владело бы и дальше своей собственной свободной территорией. Взаимность помогает всем племенам и наречиям оставаться на прежнем месте, поддерживая при этом взаимным влиянием и соперничеством расцвет общей национальной литературы»⁸. Хотя Коллар имеет в виду отношения между отдельными славянскими языками, в итоге его идея направлена на расцвет общей национальной (то есть славянской) литературы.

Отвлечемся от того факта, что Коллар весьма упрощенно решал проблему славянских народов, их литератур и языков. Его понимание славянства как единого народа (из четырех племен), славянских языков как единого славянского языка (из четырех наречий) и общей славянской литературы не соответствовало реальной действительности. Главное для нас — ядро идеи Коллара. Оно, хотя и не лежит на поверхности, все же явственно просматривается в противопоставлении Колларом понятий «обюдность» и «взаимность». Коллар отдает предпочтение термину «взаимность»: «Обычное чешское слово «обеполность» (обюдность.— Прим. пер.) не выражает данное явление исчерпывающе, поскольку слова «обе» и «пол», «половина» подразумевают лишь две половины или стороны, «взаимность» же, напротив, может существовать между тремя, четырьмя, пятью и более сторонами или племенами. Взаимность, следовательно, есть совместное восприятие, взаимный обмен и всеобщее удовольствие»⁹. Коллар различал эти два термина с точки зрения конкретных потребностей и реальной ситуации. Поэтому он особо выделил и явление, которое назвал «невзаимность», то есть то, что не несет в себе взаимности. Не раз высказывал Я. Коллар мысль о том, что взаимность «не заключается ни в политическом объединении всех славян, ни в демагогических кознях, ни в революционном бунте против государственных властей и правителей народов, что ведет лишь к смути и несчастьям»¹⁰. Коллар, дабы избежать подозрений со стороны государственных органов, предусмотрительно оговаривался: «Литературная взаимность может и там существовать, где народ живет под несколькими жезлами, где он разделен по нескольким государствам, королевствам, царствам или республикам»¹¹. Он опасался быть обвиненным в политическом панславизме (что и произошло) и сознательно подчеркивал аполитичный, чисто культурный характер своей концепции, которая тем не менее имела и политическое значение, будучи важной составной частью борьбы словацкого и чешского народов против национального угнетения, так же, как и иллирийского движения.

Инициатива Коллара, направленная на взаимное ознакомление и обмен художественными ценностями между славянскими народами, поначалу была воспринята позитивно, однако вскоре возникли первые серьезные трудности. В период роста национального самосознания чешские и словацкие политики и деятели культуры должны были определить свое отношение к учению Коллара о славянстве как едином целом. В Чехии с этой проблемой столкнулся Карел Гавличек Боровский, в Словакии — Людовит Штур, боровшийся как за самостоятельность словацкого языка, так и за признание словацкого народа, как самостоя-

тельного члена семьи славянских народов. Предложенная Колларом концепция литературной взаимности на деле не способствовала развитию связей между литературами славянских народов, шедшими своим путем. Влияние на другие литературы оказывали лишь отдельные личности (Пушкин, Мицкевич, Маха, Прешерн и др.), создававшие своими произведениями особое поле межлитературности.

Иную позицию занимал П. И. Шафарик. Подобно Коллару, он исходил из идеи единства славянских народов как нации, славянских языков как общей «славянской речи» и литератур славянских народов как «славянской литературы». Его наиболее известным историко-филологическим трудом является «История славянского языка и литературы по всем наречиям» (1826). Однако в отличие от Коллара, он, основываясь на обширном материале, отмечал и национальное своеобразие славянских народов. И в своем труде Шафарик представил словаков как самостоятельное «племя» (то есть народ), словацкий язык как равноправный славянский язык, а словацкую литературу отдельил от чешской. Тем самым он открыл путь для развития словацкого национально-культурного самосознания; успешным его последователем стал Людовит Штур.

Труд П. И. Шафарика имел громадное значение для становления славистики в славянских и неславянских странах. В нем впервые были представлены в должном объеме основные сведения об истории и современном состоянии славянских языков и литератур, а также об истории и культуре славян. Это первое комплексное славистическое исследование славянских народов, их языка и культуры. Шафарик сознавал методологические проблемы, связанные с осмыслением столь обширного материала. Он сам скромно признавался: «Поскольку уж я включил в свое собрание материалов, кроме истории литературы, и политическую историю и этнографию славянских племен и все это представил скорее в виде совокупности фактов, чем в системе, то пришлось мне, готовя свой труд к изданию, разные пробелы восполнить, лишнее удалить и все переработать, руководствуясь твердым принципом, в связное целое»¹². Шафарик, таким образом, избежал опасности подавления «системы» «совокупностью фактов» и, благодаря «твёрдому принципу», создал «связное целое». Своим успехом он обязан тому, что отошел от иллюзорной колларовской концепции одной славянской нации, языка и литературы, и исходил из существования славянства как дифференцированного целого. И поэтому он смог представить отдельные части в целом и целое в его отдельных частях. Д. Дюришин высоко оценивает вклад Шафарика в изучение проблематики вхождения национальных литератур в наднациональный про-

цесс. Говоря о правильности методологии Шафарика, он подчеркивает тот факт, что в его труде «присутствует одновременно и интегрирующий и дифференцирующий подход к славянским литературам»¹³. Тем самым Шафарик не только открыл сравнительный метод рассмотрения славянских литератур, но и впервые указал на то, что эти литературы развивались не изолированно, что они вступали в отношения, являющиеся формой межлитературного процесса и межлитературности.

Сравнивая попытки Я. Коллара и П. И. Шафарика охватить весь комплекс проблематики славянских литератур, можно отметить, что в позиции Коллара был более ярко выражен субъективный, эмоциональный момент, ведь он был поэтом по своей сути, в то время как в работах Шафарика явственно проступает характер ученого, стремящегося к объективности. Мы не хотим противопоставлять Коллара Шафарiku, в действительности они всегда стояли рядом и никогда не выступали друг против друга. И все же нам представляется правомерным вопрос: кто из них в большей мере способствовал развитию словацкой и чешской литературы? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Каждый повлиял на него по-своему. Коллар — благодаря обращению к сфере чувств, славянскому и чехословацкому патриотизму, свободолюбию и, в неменьшей мере, благодаря проводимой им идее взаимного обогащения славянских литератур, усиления гуманистического начала в жизни своей страны и в мире. Заслуга Шафарика в том, что он представил научные сведения о словацкой литературе в семье славянских народов, их языках и культуре. Он был далек от иллюзий в оценке роли славянских народов, не рисовал картины их великого и славного будущего. Таким образом, между трудами двух выдающихся деятелей, последователей идеи чехословацкого национального, языкового и литературного единства, существует определенное различие, никогда, впрочем, не переходившее в открытую напряженность. Именно это «различие» и было своего рода стимулом развития чешской и словацкой литературы, несло в себе элементы межлитературности.

Все сказанное можно отнести и к треугольнику Коллар — Голлый — Шафарик. Хотя в нем могли возникнуть противоречия и конфликты, на деле (за редким исключением) ничего подобного не происходило. Исследования подтверждают лишь наличие различий в понимании характера отношений словацкой литературы с чешской; словацкий пафос работ Я. Голлого очевиден и подтверждается его прямыми высказываниями. В то же время подтверждается и то, что идейная платформа у них была общая, базирующаяся на идее славянства; разной была лишь степень и широта ее понимания. Она проявилась в почти декла-

ративной форме у Я. Коллара, доказательно, в соответствии с результатами научного исследования — у П. И. Шафарика и с убеждением в тождественности словаков и славян — у Я. Голлого. Так возникал спектр мнений, различающихся и взаимодополняющих.

Но случалось и иначе: некоторые литераторы оставались равнодушны к работам своих современников, ощущая себя «самодостаточными». Теоретический труд П. И. Шафарика и Ф. Палацкого «Начала новочешской поэзии, особенно стихосложения» (Братислава, 1818) вызвал полемику в чешской литературной среде. Поэты, следовавшие правилам силлабо-тонического стихосложения, выработанным И. Добровским, высказывались против «Начала», в Словакии же труд обошли молчанием. Правда, Богуслав Таблиц «легко и с готовностью превратился из твердого интонационника в ярого метриста»¹⁴, но, например, Я. Голлый не откликнулся на этот труд, будучи сам автором собственных правил, представленных им при издании переводов античной поэзии «Различные стихотворения героические, элегические и лирические...» (Трнава, 1824). Голлый мог бы опереться на теоретические работы Шафарика и Палацкого, однако не сделал этого. Причины такого отношения коренились глубоко: будучи еще молодым студентом-богословом, он вступил в поэтическую полемику с Юраем Фандли (в 1804—1805 гг.), а также делал первые попытки переводов античной поэзии. Ведущее положение завоевало метрическое стихосложение в словацкой поэзии задолго до появления «Начала», в результате полемики с Я. И. Байзой, приверженцем барочной силлабической поэзии. «Начала» возникли, таким образом, из внутренних потребностей чешской литературы, поэтому словацкая поэзия, представленная в то время прежде всего Я. Голлым, не откликнулась на этот труд. Но случалось и так, что холодный прием оказывался трудам, отвечающим требованиям развития словацкой поэзии. Элементы межлитературности при этом отсутствовали. Почему же такое значительное исследование, как «Начала» не встретили должного отклика? Главным образом потому, что достаточной опорой Я. Голлуmu представлялась античная поэзия и стихосложение, на которой он не только учился, но и перерабатывал ее по-своему. И наконец, «Начала» были обращены в большей мере к чешской поэзии, адресовались к ее потребностям.

Поэзия национального возрождения осознавала себя и в отношениях с поэзией неславянских народов. Шафарик внес в это практический вклад, переведя драму Шиллера «Мария Стюарт» и фрагменты комедии Аристофана «Облака». О важности перевода и о его принципах писал Шафарик в статье «Об Аристофане и его «Облаках»: «Прежде, чем отправиться нам в путь,

выбирали мы одну из двух дорог: либо как можно вернее, буквальнее и для лучшего понимания оригинала способнее переписать его на чешский язык, либо сделать свободное, духу, но не букве оригинала отвечающее и к благосклонному употреблению и увеселению пригодное переложение»¹⁵. Шафарику, как можно убедиться, был ближе второй путь, путь «вольного» переложения комедии Аристофана. Процитированные слова свидетельствуют и о том, что Шафарик, высоко цениая оригиналную форму и художественные достоинства мировых шедевров, в то же время не хотел отрываться при их переводе от собственной словацкой литературной почвы.

Иным было отношение к инонациональным литературам Я. Коллара. Он не оставил нам образцов своих переводов, но в его теоретическом труде «О литературной взаимности» можно найти высказывания по поводу некоторых вершинных произведений мировой литературы. Коллар весьма критически отзывался о «Фаусте» и «Страданиях молодого Вертера» Гете, о «Разбойниках» Шиллера, о поэзии Байрона, Ламартина, о творчестве великих славянских поэтов Пушкина и Мицкевича. Будучи сам приверженцем гармонии, уравновешенности и объективности, он на деле отходил от этих принципов в угоду своей концепции. Ему был чужд «современный дух» рефлексии и скепсиса, он отвергал романтизм. Его позицию можно понять, однако следует признать, что его взгляды отличались определенной ограниченностью и национальной замкнутостью, тогда как от творца теории литературной взаимности можно было ожидать более благосклонного отношения к новым явлениям в развитии европейских литератур. Настороженное восприятие инонациональных литератур столь авторитетным автором затрудняло свободное течение межлитературного процесса.

Проведенное нами исследование и, по сути, переоценка известных фактов приводит нас к выводу о том, что межлитературный процесс в литературе словацкого возрождения имеет свою специфику, заключающуюся, с одной стороны, в «двухязычности» литературы и, с другой стороны, в стремлении к формированию словацкой литературы как литературы национальной. В этом направлении действовали как объективные факторы, так и силы субъективного характера, реализовавшиеся в концепциях, не всегда совпадавших с действительным направлением литературного развития, что наносило ущерб спонтанности и активности межлитературного процесса.

Как мы убедились, процесс межлитературности возникает не только при взаимодействии словацкой литературы с инонациональными литературами, но и в рамках одной словацкой литературы и даже в рамках литературы, создававшейся на одном из

языков (чешском или «бернолачине»), из чего следует, что возникновение межлитературности, действие ее принципов является исконным свойством и закономерностью национальной литературы. Это относится и к литературе словацкого национального возрождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Rosenbaum K. Vzťahy slovenskej a českej literatúry 19. a 20. storočia.— Bratislava, 1989.— S. 11—49.
- ² Jungmann J. Boj o obrození národa. Výbor z díla Josefa Jungmanna.— Praha, 1949.— S. 149.
- ³ K. A. Vinařického korespondence a spisy pamětni. Zv. II.— Praha, 1909.— S. 147.
- ⁴ Ambruš J. Ján Holly očami svojich súčasníkov.— Bratislava, 1964.— S. 79.
- ⁵ Ibid.— S. 68.
- ⁶ Tradície a literárne vzťahy.— Bratislava, 1972.— S. 12.
- ⁷ Kollár J. O literárnej vzájomnosti.— Bratislava, 1954.— S. 111.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Šafárik P. J. dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých náročí.— Bratislava, 1963.— S. 41.
- ¹³ Ďurišin D. Dejiny slovenskej literárnej komparatistiky.— Bratislava, 1979.— S. 20.
- ¹⁴ Bakoš M. «Počátkové českého básnictví, obzvláště prozodie» a ich význam vo vývine českej a slovenskej poézie // Počátkové českého básnictví obzvláště prozodie.— Bratislava, 1962.— S. 37.
- ¹⁵ Šafárik P. J. Básnické spisy. Spisy Pavla Josefa Šafařika. sv. I.— Bratislava, 1938.— S. 136—137.

Ян Кошка

АФОН КАК ОСОБАЯ МЕЖЛИТЕРАТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ КОНКУРИРУЮЩИХ СИСТЕМ В РАННЕМ БОЛГАРСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ

К новому «прочтению» известных фактов нас побудила идея особых межлитературных общинств, которую разработали Диониз Дюришин и группа его сотрудников¹.

К исходному импульсу сами собой присоединились данные о междисциплинарном или находящемся на стыке наук исследовании гуманитарного материала, в результате чего общий подход к традиционной проблематике приобрел пугающе нетрадиционный масштаб, который требует краткого объяснения.

1

Речь идет о масштабе, заимствованном из теории систем и синергетики². Явления, которые на первый взгляд не связаны друг с другом, могут быть по сути одинаковы, и их можно исследовать одинаковыми методами. Обширный класс комплексных систем (физических, химических, биологических, общественных) ученые описывают абсолютно идентичными уравнениями и иллюстрируют одинаковыми схемами, и это наводит на мысль, что бытию во всех его разнообразных формах отвечает единый «патент», присущий общая «модель» и тайна.

При желании образцы использования синергетического или междисциплинарного подхода можно обнаружить и в искусствоведении, хотя это скорее демонстрация принципа, чем его практическое применение. Искусство сопротивляется однозначности описания, сведению себя к комплексной системе однозначной целевой ориентации, с которой можно манипулировать математически. К примеру, музыка — более прозрачная система, чем литература. Мы даже можем описать ее в математических формулах, но в то же время трудно избавиться от сомнений,

что такое описание даст исчерпывающее представление о ее природе и функции.

Нечто подобное происходило и с особыми межлитературными общностями. В недавнем прошлом поиск их «назначения» чаще всего оборачивался пропагандистскими и дидактическими домыслами. Схоластически выстроенная модель могла оставлять впечатление точности, научности или профессионализма, но с наукой это не имело ничего общего.

К счастью, литературе или особой межлитературной общности не нужно приписывать извне назначение, цель, функцию, тем более считать ее комплексной системой целевой ориентации. Сущностной чертой системы «национальная литература» является открытость по отношению к другим подобным системам. Эта открытость и составляет предмет особой дисциплины литературоведения (компаративистики).

Болгарская литература в ранний период Нового времени была надолго почти герметично замкнута, задыхалась в тисках османской оккупации, в ней развивались хаотические процессы («ускоренное» развитие — не что иное, как эвфемистическое обозначение разнородных явлений, поистине хаотические колебания, «перескакивание» эпох, лишь кратковременные взаимодействия с окружением, «неевропейское», оригинальное качество). Разумеется, хаотичность различима лишь с позиции европейской литературной общности, т. е. с высоты действительно более упорядоченной, целостной системы. Следует признать этот неоспоримый факт. Османская оккупация отрезала болгарскую литературу от европейской литературной общности. И непреложность этой констатации вряд ли может завуалировать привлекательно выглядящие понятия типа «специфическая форма развития», «неравномерность развития», «своеобразная периодизация» и т. п. Действительность трагична.

Необходимо, однако, отметить и позитивное значение хаотичности, которое заключено в другом, в самой негативности последствий османской оккупации. Хаос защищает систему от неорганической упорядоченности и подготавливает ее к новым процессам. Здоровые системы в различных сферах действительности противодействуют упрощающему влиянию целостности и избирают хаос как путь к отысканию новой совместимости. Хаос — состояние подготовки к переходу в новое качество³.

Едва ли стоит принимать в расчет возможность совмещения изолированной болгарской литературы и культуры с культурой османского завоевателя. Совместимость болгарской православной культуры (ее носители были в значительной степени физически ликвидированы) с османской исламской культурой можно почти однозначно исключить. Сохранившаяся культура бол-

гарской народности защищалась хаосом, неким анабиозом, самоконсервацией.

Для изучения межлитературных явлений, какими являются и особые общности, чрезвычайно значима «синергетическая» мысль о ведущей роли принципа взаимной кооперации в эволюционных процессах. До недавних времен было распространено представление, что в эволюции доминирует принцип «естественного отбора». Синергетика, напротив, выдвигает принцип взаимодействия, «оптимальной кооперации подсистем», хотя не исключает и принципа «естественногого отбора» как пути к новому качеству⁴. В эволюции, однако, значение кооперации несравненно выше.

Первому принципу (естественный отбор) соответствует понятие «влияния», другому, очевидно, межлитературная общность и продуктивные формы межлитературных взаимодействий. («Влияниelogические» системы охватывают преимущественно репродуктивные формы межлитературных взаимодействий). В каждой межлитературной общности, вероятно, практически доминирует принцип кооперации, основанной на стимулятивных аналогиях или резонансе.

Целью литературной системы либо национальной литературы или общности мы можем считать возникновение полноценного литературного произведения. Эта цель позволяет подробно изучать и оценивать различные элементы, определяя даже степень их кооперативного взаимодействия. Само литературное произведение, однако, не функционально, оно означает некий тип организаций, которая еще не была определена.

«Образцовым» предметом идеальной компаративистики может быть, по-видимому, изучение «порождающей» среды, с упором на ее экзистенциальную открытость, способность к взаимообмену с окружением, к восприятию энтропических течений, к дисперсности, так же, как и изучение других свойств, которые определяют ее «порождающее» качество. Из истории национальных литератур достаточно ясно, что полноценное произведение не может сформироваться, вырваться, развиться «из ничего». Чтобы возникло произведение, среда должна обладать определенным качеством. В среде физически уничтоженной, искалеченной, закрытой, задушенной, духовно опустошенной вряд ли появятся великие литературные произведения.

Для литературных систем значима вся совокупность аутентичной информации. Поистине каждая буковка, даже забытая, — это свободная «энергия» или «питательное вещество». Сходство среды, благоприятной для литературы, и плодородной почвы, которая с нею по традиции образно сравнивается, поистине разительно. В плодородной почве, как и в литературе, должно

быть достаточное количество весьма разнообразных свободных питательных веществ. Если это скальная порода, то ни полноценный урожай не уродится, ни полноценное произведение не возникнет. Ему будет недоставать решающих элементов, которые произведение, как и растение, отыскивает в незаметных частичках распыленных питательных веществ. Поэтому так важна дисперсность культурной и литературной среды. (Понятие дисперсности порождающей среды соотносится с понятием дифференцированности литературы). Горная порода может быть обильной, но ее состав не полон. Выросшее на ней растение не содержит веществ, важных для жизни человека⁵. Это относится и к литературному произведению, выросшему на такой «почве».

Для исследования национальной литературы или особой общности как творческой среды лишь периферийное значение имеют понятия, которые обнаруживают явное родство с принципом естественного отбора, такие, как влияние, принцип зависимости (подчинения — *slaving principle*), известный в математике под менее драматичным названием: редукция. Связи этого ряда действительно редуктивны, а не продуктивны. В процессе возникновения самого произведения, однако, принцип зависимости имеет, несомненно, большое значение. Колебания волн различной длины, образно говоря, отдают свою энергию одному «абсолютному победителю», и тем самым система произведения обретает новое качество. Это отчетливо прослеживается в развитии замысла Паисия написать «Историю славяноболгарскую».

Национальная литература, а если не она, то особая межлитературная общность, поскольку в этом состоит одна из ее главных функций, должна непременно располагать указанными стимулятивными аналогиями, примерами поведения, достойными подражания.

На каждом Афоне, на каждой Святой Горе всегда были и будут агрессивные догматики, яростные символы смерти, средневековые переписчики священных книг, склонные принять только стиль с явными внешними признаками «высокой» учености, т. е. псевдохудожественный или псевдонаучный. Поэтому должны существовать и примеры выступлений в пользу перспективных либо истинных ценностей, особенно заимствованных, которые обладают авторитетом более зрелых культур. И с этой позиции, на самом низком уровне, открытость системы также является важным условием эволюции.

Современность ищет модели позиций в прошлом, чтобы решить собственные проблемы. Прошлое — источник опыта и примеров, современность отбирает их по своим потребностям. Нас, однако, интересуют и будут интересовать те модели поведения,

которые национальная литература ищет в ближайшем инонациональном окружении.

Опыт болгарской литературы подтверждает, что условием эволюции и существования «своего» является контакт с чужим. В чужом, очевидно, существует целая шкала «чуждости», от отрицательной, контрастной, отличительной (османские поработители) до стимулятивной (позитивной), носителями которой были славяне, европейцы, православные христиане.

Известно, что международные контакты, обмен специалистами, товарами, опытом через границы национальных систем приводят в целом к улучшению ситуации внутри системы, к спаду энтропии и росту упорядоченности. Их можно отождествить с энтропическими течениями⁶. Сходная картина наблюдается в области литературы, соответствующие явления которой входят в компетенцию компаративистики. Значительный спад энтропии и рост упорядоченности в эволюции болгарской литературы весьма симптоматично начался в относительно наиболее открытой среде, где жили болгары: Банско (родина Паисия) и Святая Гора (место его деятельности), международный православный церковный богословский культурный и литературный центр. Это место возникновения флюктуации (инициаторского произведения), которая в конце концов вела к новому качеству системы болгарской национальной литературы.

2

Святая Гора — скорее святой полуостров, а не гора. Будучи «монашеской республикой», она расположена на узком длинном полуострове Афон, является частью греческой территории с особым статусом. У нее есть административный центр (Карея), омывает ее Эгейское море. Она представляла собой двадцать монастырей: шестнадцать греческих во главе с Великой лаврой Св. Афанасия, Хилендар (сербский, позже болгарский), Зограф (болгарский), Св. Пантелеимон (русский), Ивирон (грузинский).

Монастыри на Афоне существуют со времен раннего средневековья. В X веке в них начали появляться и славянские монахи. В начале тысячелетия в ста семидесяти монастырях на Афоне жило более трех тысяч монахов. В то время греческий Зограф отошел к бол гарям.

Афон часто становился колыбелью различных доктринальных споров, направлений и сект. Отсюда распространилось известное движение исихазма (XIV в.). Исихасты приписывали важность не религиозным обрядам, а индивидуальному самосовершенствованию в молитвах и молчаливости. Они верили, что им еще

при жизни доведется увидеть нерукотворный свет, согласно Евангелию явленный на горе Фавор, и ощутить неземную радость.

В славянских монастырях на Афоне переводились и переписывались литературные произведения, которые потом отправлялись в другие центры славянского православного мира. Афон имел большое значение для болгарской, сербской и в немалой степени — русской литературы. Он был некоей «книжной» мануфактурой, где производились списки книг, и посредствующим звеном между славянскими православными центрами и византийской культурой.

Монастыри на Святой Горе сохранили независимость и после османского вторжения на Балканы. Османские завоеватели удовлетворились сбором дани, а в остальном редко угрожали церковной институции. На монастыри, однако, нападали отдельные вооруженные орды, убивали монахов и уносили монастырские сокровища. Афон стал «новым Иерусалимом» православных христиан. Возрастала его притягательность как места паломничества. Увеличивалось число монахов, ибо монастыри на Афоне предоставляли убежище преследуемым. Святая Гора с XVI в. находилась под покровительством русских государей. Она обеспечивала «широкое пространство для нравственного и литературного героизма» в интересах православной церкви⁷.

«Святая Гора как православный культурный центр, в котором не имеет решающего значения национальность, приобрела всемирный, т. е. православно-экуменический характер, благодаря чему она непрестанно обновляется», — так характеризует «монашескую республику» на Афоне греческий медиевист К. Нихоритис в работе с примечательным названием: «Афонская литературная традиция»⁸.

Афонская литературная традиция — да, но не православное братство без национальных различий. Особенно тогда, когда на Балканах складывались национальные и националистические идеи, — в то время этнические различия выдвигались на первый план и на Святой Горе, она даже была тем местом, где они интенсивно культивировались, была школой национального пробуждения.

Особая межлитературная общность Святой Горы выступает в этот период как совокупность взаимно конкурирующих национальных систем. В ней явно сложились системы с конкурирующим и конфликтным типом взаимодействия. Обнаружилось, что этот тип взаимодействия был очень благоприятным для интегрирующих систем, на основе эффекта аналогии (резонанса) и конкуренции существенно влияя на их эволюцию.

Как подтверждают многие свидетельства, в этой среде часто становились актуальны «национальная принадлежность монастырей» и «качество балканских этнических групп». Основные народности вели борьбу за монастыри, которые бывали лучше и хуже. Соперничество греческих, сербских, болгарских и русских монахов, защищавших статус, права и интересы отдельных монастырей, которые отражали их народность, поддерживало возникновение обостренного национального самосознания. Автор, на которого мы опираемся (М. Арнаудов), утверждает, что болгарские монастыри на Святой Горе (Зограф и позже Хилендар, перешедший от сербов) в течение столетий были хранителями не только грамотности, но и некоей болгарской любви к роду, и бесчисленные посетители (паломники) распространяли ее среди других жителей⁹.

Другой автор (Б. Пенев) отмечает, что в монастырях жили самые различные народности (арабы, армяне, грузины, румыны, греки, наиболее многочисленны были славяне). Каждый монастырь гордился своими реликвиями, прошлым, а монахи — принадлежностью к своему народу и его историей. «Каждый монастырь стремился подкрепить свои права и требования прежде всего историей и традицией. Народность была ежедневной темой в спорах афонских монахов». Пенев объясняет этим и возникновение «Истории славяноболгарской» Паисия (1762), которая должна была стать веским аргументом для отражения всяческих домыслов и насмешек, адресованных болгарам со стороны греков, сербов и русских¹⁰.

Соперничество монастырей превращалось в соперничество народов.

Болгарская литература на Святой Горе в определенные периоды является носительницей новых системных качеств, которые в изолированных центрах на собственно болгарской территории вначале не существуют. Та часть болгарской литературы, которая была одновременно частью литературного движения на Святой Горе, в определенные моменты обретала иное качество, нежели остальная болгарская литература. Последняя и после настойчивого «будительства» Паисия еще долго оставалась спящей — почти восемьдесят лет, — и в национальном отношении была холодна, несравненно холоднее, чем «жаркие» призывы Паисия. Поистине не случайно, что Святая Гора была школой национального самосознания не только для первого глашатая болгарской национальной мысли Паисия, но и для других видных поборников болгарской церковной автономии, борьба за которую окончилась победой лишь в 1870 г. Это были Неофит Бозвели (1785—1848), который и умер на Святой Горе (в церковном заточении), и Иларион Макариопольский (1812—1875),

также святогорский священник и узник. На Афоне пребывал и непосредственный ученик Паисия и популяризатор его «Истории» Софроний (1739—1813).

В болгарском анклаве на Святой Горе не обнаружились случаи двойной литературной принадлежности. Там друг против друга стояли весьма многочисленные монашеские анклавы. От своей народности отрывались одиночки, а не компактные общности. Последние объединялись в противостоянии. Там зародилось и упомянутое выше неповинование болгарских духовных лиц по отношению к греческим церковным властям и верхушке (фанариотам), которое возбудило и массы верующих. Анклавы-противоположности объединялись и обостряли противостояние. Общность служила этому объединению и заострению противоречий. В анклавах монахов на Святой Горе словно индуцировалась «любовь к роду».

Святая Гора была не только особой межлитературной общностью взаимно конкурирующих систем, но и общностью взаимных стимулятивных аналогий. Представляется, что общность может выполнять свои функции, например генерировать конкурентные отношения, лишь до тех пор, пока в ней существует определенная «сравнимость» участвующих систем, определенная степень историко-культурной аналогии. Успешно действовать, однако, может не всякая параллель. Как и при эффекте резонанса, это должна быть истинная параллель. Православные балканские народы имели исключительные предпосылки для стимулирующего воздействия друг на друга. Они по-соседски заглядывали через забор, и этот взгляд не всегда был дружелюбным, однако и споры о культуре могут вести к взаимному обогащению¹¹. Между ними действовала конкуренция. Они не могли «равняться» с народами других частей Европы, исторические судьбы которых были существенно иными. Эти народы, поставленные своим развитием перед другими актуальными задачами, не могли дать того непосредственного импульса, каким при рождении болгарской ранней возрожденческой идеологии, в частности, в произведении Паисия, было стремление южнославянских и балканских народов к систематизации собственной истории.

Святогорскую общность мы рассматриваем не с точки зрения ее официального назначения как центра православной церкви и не в связи с тем, в какой степени взаимодействия ее различных по народности систем способствовали осуществлению этого назначения. Такая дифференциация, видимо, не мешала монахам молиться, поститься, бдеть, ходить в церковь. Скорее можно предположить, что она обогащала молитвы, бдение, посты, богослужения «живым» элементом, чувствами, порожденными об-

щественной жизнью. Религиозная жизнь также нуждается в открытости, взаимодействии с окружением, в своего рода энтропии.

Если мы считаем Святую Гору особой межлитературной общностью или центром, то при ее характеристике необходимо подчеркнуть, что каждая национальная литература проявляется как суверенная, «верховная» единица. Она не попадает в положение зависимой части.

Для соответствующих литератур было чрезвычайно важно, что среда Святой Горы была отмечена поразительно высоким качеством «притекшей» энтропии. Поэтому, возможно, и неудивительно, что в нерафинированном простонародном презрении Паисия к завоевателям, притеснителям (османским туркам) можно найти сходство с духом Монтескье («Дух законов», 1748), с будущей французской революцией, будущими новыми временами. Одновременно творят Вольтер («Трактат о нравах и духе народов», 1756), Руссо («Об общественном договоре», 1762). Энтропия существенно определяет качество «порождающей» среды литературы и делает возможным воздействие не прочтенных, а порой даже ненаписанных и неизданных произведений.

На исходе XVIII века «французская мораль уже находила себе приверженцев не только среди «райи» (христиан), но и среди турок, и понятия свободы и равенства «кипели» и под тюрбанами», как в 1794 г. сообщали из Царьграда в Австрию¹². На самой Святой Горе Е. Булгарис основывает академию (1753—1757). Он хочет примирить теологию с новой западноевропейской образованностью, однако его попытка была вскоре пресечена. Монахи, желавшие жить в средневековом душевном покое, пробуют крышу академии и не позволяют продолжать начатое дело.

Но процесс энтропии нельзя остановить. Святая Гора была и оставалась открытой системой, через которую протекала энергия энтропии, делая возможной эволюцию. Новые мысли на практике — философию, рационализм, либерализм — в эгейское пространство вносили по преимуществу образованные греки, а также многочисленные торговцы.

3

Паисий стал Паисием на двадцать втором году своей жизни. В то время он поступил в монастырь — Хилендарский — и принял свое имя. Это было в 1745 г. Неизвестно, как его звали до этого и что он делал. Легенды приписывают Паисию бунт против местных османских властей и бегство на Святую Гору.

Достаточно достоверно притом утверждение, что он был родом из Банско, которое тогда было одним из наиболее открытых миру местечек на территории, населенной болгарами. Жители Банско держали лавки в Вене.

О жизни Паисия на Святой Горе мы узнаем главным образом от него самого, из его «Истории славяно-болгарской». Он не имел образования, о чем часто вспоминает, и эти автохарактеристики свидетельствуют о его светском мышлении и интересах, хотя при написании этого произведения он уже шестнадцать — семнадцать лет был духовным лицом. Притом он, очевидно, прошел все ступени монастырской лестницы. Он получил сан «иеромонаха», который давал ему право служить в храме, исповедовать, крестить, сочетать браком и отпевать. Он исполнял должность сборщика пожертвований на монастырь и организатора паломничеств на Святую Гору. В силу этого он много путешествовал по болгарским землям. Второй, а может быть, и первой его должностью была агитация, будительство.

Когда он пришел в монастырь, ему по уставу сменили деревенскую одежду на монашескую и светское имя на духовное, но при чтении его «Истории...» у читателя возникает впечатление, что автор при ее написании постоянно носил под монашеской рясой одежду селянина и держал в подсознании свое исконное деревенское имя (какой-нибудь Стоян, Иван или Петр), о котором ему надлежало забыть.

Хотя его произведение называется «История», наиболее интересны и ценные в ней те места, где он говорит о современности — о своей жизни, о жизни на Святой Горе и вне ее, о том, что побудило его взять в руки перо: «Ведь много раз сербы и греки высмеивали нас за то, что у нас нет своей истории. (...) Постепенно меня охватывали гнев и горечь, что у моего болгарского рода нет сведенной воедино истории, повествующей от первоистоков о славных деяниях, о святых и государях. Превозмог я головную боль, что меня долго мучила, и болезнью живота я долго страдал — но и ее превозмог, ибо у меня было великое желание... Я вовсе не учился ни грамматике, ни светским наукам; как простой болгарин, все просто и написал. Не стремился я складывать слова и располагать буквы согласно грамматике, но тщился свести воедино эту историю...»¹³.

Информация Паисия о собственной личности должна была возбуждать доверие читателей к написанному и придавать ему серьезность¹⁴. Все сведения такого характера в «Истории...», т. е. о личности автора и его времени, имеют отношение к вопросу об общности Святой Горы, поэтому следует уделить им должное внимание. Автор снова и снова возвращается к конфликтной повседневности Святой Горы. «Некоторые русские и

сербы немецкие (сербы немецкие — в тогдашней Австрийской монархии — Я. Кошка), — сообщает он в своей «Истории...» — унижают болгар и обзывают их глупыми неучами. Пусть благодарят Бога, что спасли они их от ярма агарянского и греческих властей духовных». «Пусть московиты, и русские, и сербы как хотят похваляются, но ведь болгары первыми заемели азбуку славянскую и крещение...», — напоминает он в ином месте о славе культурного прошлого болгар¹⁵.

Об атмосфере Святой Горы, для которой характерно соперничество монашеских анклавов, говорит и побочное свидетельство в воспоминаниях представителя сербской церкви Герасима Зелича. «Однажды в субботу я зашел в Карее на монашеское отпущение и вижу, что вокруг меня собирается толпа монахов. Они что-то говорят мне по-гречески — я не понимаю ни слова. Спустя минуту ко мне приблизился старец с белой бородой до пояса и заговорил со мной по-болгарски. Мы побеседовали. Старца звали Паисий, он был из Зографского монастыря. Он объяснил мне, что говорили обо мне монахи, которые меня обступили. Один сказал, что я, видимо, немец, немой; другой — что я не знаю никакого языка, а третий обратился к первым двум со словами: «Оставьте этого беднягу, разве не видите, что он болгарин, пустая голова!»¹⁶

Случай произошел в 1785 году (спустя более двадцати лет после написания «Истории славяноболгарской»), и паисиологи не исключают, что старец по имени Паисий мог быть именно ранневозрожденческим болгарским Паисием. (Паисиев на Афоне было предостаточно). С точки зрения данного исследования это неважно, записанный случай информирует об атмосфере, о повседневности межнациональной общности, в котором выступали взаимно конкурирующие системы.

Если мы вновь вернемся к «Истории...», следует отметить еще одну особенность пишущего: его «открытость» по отношению к окружению. Это не был «некий монах темный, никому не ведомый и бледный», немощный книжный червь, затворившийся в монашеской келье, как его представили поэт Иван Вазов и художник чешского происхождения Иван Ян Вацлав Мрквичка («Отец Паисий», 1898), а человек необычайно контактный, общительный, дружелюбный, для которого главным пространством самореализации был не монастырь, а вся территория, населенная болгарами. Сохранилось немало свидетельств о том, когда и откуда он привел паломников на Святую Гору, и прежде всего — сколько денег от них перепало монастырской казне.

Пять лет он прожил в mestечке Пирот, где имелся «метох» — подворье Хилендарского монастыря. Он предпринял путешествие в Иерусалим (ко «Гробу Господню») и получил титул «хад-

жи». Конечно, особое значение имеет его путешествие в центр православия Австрийской империи Сремски Карловци — своеобразная командировка для сбора источников в интересах задуманного исторического труда... Из этих данных Паисий исходит как практический человек в монашеском — священническом одеянии. Титулом «хаджи» козыряли болгарские богатеи — ремесленники и торговцы, как раз та поднимающаяся прослойка болгар, которая претендовала на участие в политических делах и к которой обращался автор в своем произведении. Он говорил и от ее имени.

Свои мысли в «Истории...» он подает так, словно перед ним живые люди, с которыми он уже не раз беседовал, а теперь продолжает диалог. Его язык — раннебудильский, совсем не религиозный: «Надобно и полезно и вам хорошо знать деяния отцов ваших, как знают это другие народы и племена... о роде своем и языке... Читайте и знайте, чтобы не обвиняли и не корили вас другие племена и народы! (...) А некоторые не желают знать род свой болгарский, ...но учатся читать и говорить по-гречески и стыдятся называть себя болгарами. О неразумный и юродивый! Почто стыдишься ты наречься болгарином, почто не читаешь на языке своем и не говоришь на нем? Иль не было у болгар своего царства и государства? (...) Так почто же ты, неразумный, стыдишься рода своего и тянешься к чужому языку?»¹⁷

Идеалом автора «Истории...» было «собственное болгарское государство и церковная свобода — это стержень его взглядов»¹⁸. Он стал предшественником стойких борцов за национальное руководство церковью, культурную независимость и за политическое освобождение, политическую независимость. Национализм Паисия «целостен», он охватывает язык и нравы, церковь и школу, политические права и мысль о государстве. Его учение «рационально и глубоко прочувствовано»¹⁹.

4

Внешний импульс к написанию «Истории...» часто искали в предполагаемом контакте будущего автора с молодым сербским ученым Йованом Раичем (1726—1801), болгарского происхождения (отец — Раев, из местечка Видин), который в 1758 г. посетил Святую Гору и тщетно пытался получить доступ к книгам и рукописям в Хилендарском и Зографском монастырях. Оба монастыря были в руках болгарских монахов. С точки зрения экзистенциальной открытости системы, такой, как национальная литература, и типичной функции межлитературной общности — обеспечивать аналогии — эта проблематика чрезвычайно

важна. Молодой ученый «воплощал» для Святой Горы энтропические токи, призывающие течение информации и схем, стимулятивных аналогий. Принадлежа к общности балканских литератур, представленных на Святой Горе, он, однако, тяготел к более высоко организованной системе (Австрия, Европа, мир, мировая литература).

Предположение об этом импульсе впервые высказал К. Иречек в работе «История народа болгарского» (1876): «Дня 7 августа 1758 г. в Хилендарский монастырь приехал сербский историк Йован Раич (родом из Видина), молодой человек редкой добросовестности и благородного характера... Его слова, полные воодушевления, и выражанное усердие собирателя, очевидно, побудили молодого Паисия сделать нечто подобное для истории своего народа»²⁰.

Нет, пожалуй, ученого среди исследователей «Истории...», который не занимался бы этой позитивистской псевдопроблемой: встретился ли Раич с Паисием или нет. С точки зрения компаративистики как науки, изучающей взаимодействия национальных литературных систем, это попросту неинтересно, не имеет никакой познавательной ценности ни для «Истории славяноболгарской», ни для истории сербской литературы.

Наконец, история Раича, вышедшая уже в девяностые годы, спустя тридцать лет после написания «Истории славяноболгарской», не имеет с трудом Паисия ничего общего. Это произведения из разных миров²¹. «Подтверждения такой встречи (Паисия с Раичем) у нас, однако, нет, и ничего общего между работой Раича, которая вышла намного позже, и идеями и фактами в «Истории...» Паисия мы не находим», — констатирует М. Арнаудов. Установлено лишь, что монахи в болгарских монастырях вели себя по отношению к Раичу не слишком красиво, вообще не допустив его к источникам²². Раич в такой ситуации имел право возмущаться и обзывать болгар глупыми неучами. Более того, весьма вероятно, что сам Паисий, как влиятельный монах и брат игумена Лаврентия, препятствовал доступу Раича к источникам. Тот был «немецким сербом», в спорах с болгарами способным на оскорблении, описанные в произведении Паисия. Возможно, он униzel их и закрыл для себя двери.

После негативного заключения Арнаудова позитивистская компаративистика перестает интересоваться проблемой. Компаративистика, нацеленная на тонкие кооперативные взаимодействия, именно тогда заинтересуется ею.

Выяснилось, насколько далек был в действительности Раич от возможного представления Паисия об историографии, от его фиктивной стимулятивной аналогии, выраженной в собственном труде «История славяноболгарская». Раич организованный,

с низкой энтропией, совершенно иначе и «непонятно» упорядоченный — от Раича произвольного, «открытого», как угодно организуемого, с высокой энтропией, от Раича — хаоса, подготовленного к переходу в упорядоченное состояние, многообразных возможностей и, в конце концов, одной из них, от того Раича, которого на его место и на место других собирателей исторических данных подставлял Паисий, от Раича — самого Паисия. Паисий, как и каждый, на место другого человека мог подставить лишь самого себя. Так он создавал аналогию, так стимулировал себя. Когда он подставлял себя на место другого, он был уже другим Паисием, более определенным и реальным, ближе к самореализации. Можно возразить: «Он взял от собирателя только себя, только свое». Иного от постороннего и нельзя брать. Таковы оптимальные межлитературные отношения. Можно возразить: «Напрасное пребывание в шкуре собирателя». Но оно не напрасно. Оно позволило Паисию упорядочиться, стать Паисием.

Имя «Раич» может означать лишь «Собиратель X». Существенно то, что межнациональная общность и среда Афона представляли подходящие примеры поведения, возможности исторического исследования, ранневозрожденческого творчества (сербам, русским, грекам, болгарам, ибо Паисий был в то время не единственным болгарином на Святой Горе, который писал историю своего народа, там были и Спиридон, и Аноним — факты известны), что является — и что необходимо вновь подчеркнуть,— пожалуй, наиболее важной реальной функцией межлитературной общности.

Подобная возрожденческая деятельность давала потенциальному историографу авторскую свободу. Он не был стеснен в работе со старыми рукописями. С их авторами ему не надо было лично встречаться и разговаривать. Он и так встречался, раз слышал о них. Это было более глубокое общение, чем разговор. Это было не только осознание законности возрождения, что приходило из открытой окружающей среды, но и уверенность, что речь идет о шагах, отвечающих «миру», высшим системам, о прогрессе национальной литературы, о современности, новизне, перспективе, будущем. Межлитературность — опора современности, эволюции.

Действенность стимулятивной аналогии усиливает момент конкуренции. Оскорблениe — более сильный импульс, чем «слова, полные воодушевления», чем пример «усердного собирателя».

Человек устроен так, что он очень осторожно отклоняется от устоявшегося. Отклонение воспринимается как нарушение или ошибка, большое отклонение или новизна — как серьезное нару-

шение, серьезная ошибка. Основой всякого творческого мышления является продуктивная когнитивная флуктуация. Существует ее двойник, до неразличимости похожая непродуктивная (патогенная) флуктуация. Если монах в 1762 г. пишет текст в духе вышеприведенных цитат, то весьма вероятно, что средневековые монахи, которые разрушили крышу академии Булгариса, будут считать его душевнобольным. Автор, для того чтобы осуществить собственное «изобретение» или идею, нуждается в свободе, которую ему может предоставить прежде всего мировая литература. Это «призвание» новизны (нарушения), санкция «греха».

С точки зрения предшествовавшей болгарской литературы, «История славяноболгарская» — колоссальный сбой (флуктуация), резкое отклонение от средневековья, начало нового качества, упорядоченности, нацеленности, новых управляющих параметров, спада напряжения, роста стабильности. Все славянское национальное возрождение — такая колоссальная флуктуация.

Межлитературность, вероятно, наиболее действенна тогда, когда она ведет к возникновению фиктивных стимулятивных аналогий²³. Фикция преобразует конкретную схему с низкой энтропией (и высокой упорядоченностью) в схему с высокой или низкой энтропией (с низкой упорядоченностью, которая свидетельствует о состоянии подготовки к переходу на уровень высокой упорядоченности). Каждая рецепция — в сущности, индивидуальная фикция. Лишь фиктивная стимулятивная аналогия делает возможным творческий акт. На автора воздействует собственная фикция его собственной продуктивной когнитивной флуктуации. Это видно на примере Пансия и «Собирателя X».

Заимствования, чужие тексты не являются носителями ценности труда Пансия, но и не снижают ее. По отношению к ценности произведения они иррелевантны.

И все же adeptы «теории влияний» двигались лишь в привычном, характерном направлении: их занимало прежде всего то, как Пансий накапливал данные и заполнял ими многовековые «пробелы». Для его произведения, однако, такая информация несущественна. Главное — будительская, полемическая позиция, авторское представление о народе и его высших целях. Автор излил свой гнев на ренегатов, страстно воззвал к землякам, вступил в полемику с конкурирующими национальными концепциями. Ему требовалось не только заполнить исторические лакуны сведениями о государях и битвах, но прежде всего, с одной стороны, сискать «одобрение» своему эмоциональному отношению к историческим фактам, своему возмущению, а с другой — найти соответствующий стиль и «тон», тем самым создав авторитарный прецедент самого себя. Прежняя компара-

тивистика занималась, как правило, такими сторонами произведения, которые не являются носителями его ценности, что, впрочем, для нее достаточно типично.

Именно настойчивая потребность в решающем литературном импульсе, который освободил бы накопленную энергию, направляла Паисия в «немецкую страну» (Сремски Карловци, весна 1761 г.). Сремски Карловци и сегодня отличаются, как утверждает историк Н. Драгова, «атмосферой особой духовности»²⁴, атмосферой, насыщенной духовным теплом и светом, открытой, с энтропическими потоками, со свободной энергией. Если мы используем традиционный образ культурной почвы, можно характеризовать ее как почву с достаточным количеством свободных питательных веществ, минеральных солей и всего-точного, что требуется для духовной «культуры», «растения». Некоторые микроорганизмы любят свет (они на поверхности), другие — темноту (живут глубже). Плодородная почва должна быть одновременно почвой с поликультурами, а не с монокультурой, потому что между растениями существуют отношения симбиоза, среди них развиваются кооперация и сотрудничество.

Какие поликультуры наиболее благоприятны для функционирования литературы и культуры?

Сремски Карловци были признанным центром православия в австрийской империи, имевшим интенсивные культурные контакты с Веной, Братиславой (Пожонь), Будином, с дунайскими метрополиями. Здесь находилась резиденция архиепископа, духовная академия с богатой библиотекой на славянских языках. (Латинские тексты для иеромонаха со Святой Горы были недоступны в языковом отношении.) Здесь подвизались и болгарские богословы. И вновь у Паисия появилась возможность личного контакта с Раичем, который в то время находился в Карловцах. Теперь они поменялись ролями: болгарский историк рылся в библиотеке, сербский историк мог быть наблюдателем, видеть коллегу за работой, но позитивистская история литературы и на этот раз не могла доказать их контакт.

Представитель Хилендарского монастыря Паисий находит в библиотеке драгоценные книги, например труд Мавро Орбини. Темная магия патриотизма скрыта в ранней книге «Стематография» (1741) с изображениями сербских и болгарских государей, гербов славянских стран, со стихотворными комментариями автора, который написал о болгарах, что они когда-то повелевали царствами и «были народом, прославленным больше силой, чем разумом».

А в жизни местного сербского населения он нашел ответ на основной вопрос, который его мучил: почему болгары — отсталый народ? Он обнаруживает, что «немецкие сербы» превосход-

дят болгар и «турецких сербов». Османские сербы, согласно Паисию, еще более отсталы, чем болгарты.

Ценность «Истории славяноболгарской» Паисия — в авторской концепции, в самовыражении, в найденном «тоне» или жанре. Характерно, что вопреки всем усилиям не удалось обнаружить прототип ее жанра. Созданию «Истории» способствовали благоприятные межлитературные обстоятельства, которые сделали возможным рождение фиктивной стимулятивной аналогии — самого автора Паисия.

Разумеется, Святую Гору во времена Паисия мы не можем считать общностью, объединенной на основе православной веры, без этических различий и противоречий. Это была бы идеологическая и пропагандистская характеристика, способная дискредитировать само исследование.

При изучении общностей нельзя применять такие понятия, которые представляются переводами идеологических и пропагандистских лозунгов на специальный язык, такие, как «интенциональная, программная комплементарность», «концентрация усилий развития», «чередование импульсов развития», «способность сопряжения элементов в подсистему», «изменение исходного содержания и функциональности», «развитие литературно-художественной целостности общности», «качественная модификация» (угроза насилия и уничтожения, подавление системы национальной литературы), «взаимное дополнение импульсов», «помощь дифференцированных литератур менее дифференцированным». Это никогда не было и не будет правдой. От «переводной» науки ученым следовало бы четко отмежеваться. Действительность иная, наука иная.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Durišin D. Medziliterárne spoločenstvá ako konkretizácia zákonitostí svetovej literatúry // Durišin D. a kol. Osobitné medziliterárne spoločenstvá 2.— Bratislava, 1988.*

² См.: *Krempaský J. a kol. Synergetika.— Bratislava, 1988. Список литературы о предмете — там же.*

³ *Ivanička K. Užitočný chaos // Nové slovo. 28.12.1989.— S. 13.*

⁴ *Ibidem.*

⁵ Ср.: *Harrison J. B. Úroda bez chémie.— Bratislava, 1991.— S. 34.*

⁶ *Krempaský J., Květon R. Synergetické modelovanie niektorých sociálnych procesov. Op. cit.— S. 241.*

⁷ *Пенев Б. История на новата българска литература // София.— 1976.— Т. 1.— С. 289.*

⁸ *Нихоритис К. Атонската книжовна традиция // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Кирилометодиевистика.— София, 1989.— С. 208.*

⁹ *Арнаудов М. Творци на българското възраждане.— София, 1969.— С. 32.*

¹⁰ *Пенев Б. Указ. соч.— С. 283—284.*

- ¹¹ Игов С. Грозните патета.— София, 1989.— С. 295.
- ¹² Из Царыграда об этом сообщал австрийский нунций Герберт. Ср.: Арнаудов М. Указ. соч.— С. 12.
- ¹³ Паисий Хилендарски. История славянобългарска. Под редакцията на П. Динеков.— София, 1959.— С. 116—117.
- ¹⁴ Драгова Н. Паисий Хилендарски // Творци на българската литература.— София, 1985.— С. 180.
- ¹⁵ Паисий Хилендарски. Указ. соч.— С. 99—100, 102.
- ¹⁶ В сокращении // Драгова Н. Указ. соч.— С. 193.
- ¹⁷ Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX—XVIII вв.— М., 1990.— С. 169—170.
- ¹⁸ Драгова Н. Указ. соч.— С. 188.
- ¹⁹ Арнаудов М. Указ. соч.— С. 54—55.
- ²⁰ Иречек К. История на българите.— София, 1978.— С. 554.
- ²¹ Труд Раича «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов» вышел в Вене (1794—1795). Одно из различий в том, что Раич был латинистом и среди его латинских источников значительное место занимали труды братиславской историографической школы (Матей Бел, Ян Томка-Саски) об истории «древнего и нового Иллирика», представляющих сумму данных из французской историографии, которые сербский историк ввел в южнославянскую среду. См. об этом: Dragova N. Historiografická škola v Bratislave... // Slovenská literatúra. 31.— С. 5. S. 445.
- ²² Арнаудов М. Дела и завети на бележити българи.— София, 1969.— С. 16.
- ²³ Понятие фиктивной стимулятивной аналогии определил Д. Дюришин во введении к публикации: Koška J. Slovensko-bulharské literárne vzťahy (1826—1918).— Bratislava, 1985. Оно вытекало из некоторых фактов, приведенных там.
- ²⁴ Драгова Н. Указ. соч.— С. 187.

Светлана Шерлаимова

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В АВСТРИЙСКОМ (АВСТРО-ВЕНГЕРСКОМ) КОНТЕКСТЕ

Во вводной главе к тому «Особые межлитературные общности, I» Д. Дюришин следующим образом определяет вынесенное в заглавие книги понятие: «Это объединения, общности национальных литератур, представляющие в познавательном процессе особенное как вспомогательную категорию между единичным и всеобщим»¹.

Каждая национальная литература — это литература в контексте, особым образом организованном, только с его учетом она может быть понята. Как о разновидностях литературного контекста исследователи говорят о «литературных зонах» или «литературных регионах». Разумеется, все литературоведческие термины в той или иной степени условны, в литературоведческой практике нередко встречается употребление разных терминов для обозначения одних и тех же явлений. Вполне правомерно и употребление по отношению к группам национальных литератур терминов «литературная зона» и «литературный регион», но все же предпочтение представляется целесообразным отдать термину Д. Дюришина «особые межлитературные общности» как более универсальному, точнее отвечающему сути явления.

Межлитературные общности складываются на основе разных признаков: этнолингвистических, геополитических, конфессиональных и т. п. Во вступительных замечаниях к первому тому «Истории всемирной литературы» в 9-ти томах справедливо подчеркивается: «...зона и регион — понятия подвижные, подверженные историческим сдвигам. Может меняться состав зоны или региона; соотношение между литературами, входящими в состав этих образований, с точки зрения ведущей роли, притягательной силы или темпов развития; сама роль факторов, способствующих сохранению зон и регионов»².

Наиболее устойчивым и постоянным признаком межлитературных объединений является признак языкового родства, хотя и он нуждается в историческом подходе, учете языковых сближений и расхождений на протяжении истории. Тем более это относится к признакам принадлежности литератур к той или иной религиозной сфере, государственному образованию или социально-общественной формации. Очевидно, что в зависимости от принципа подхода одна и та же национальная литература может рассматриваться в контексте разных межлитературных общностей. Например, хорватская литература конца прошлого века может быть отнесена по языковому признаку — к общности литератур южных славян, по географическому — к балканскому литературному региону, по конфессиональному — к литературе католического мира, по государственной принадлежности — к литературам многонациональной Австро-Венгрии. Этот перечень можно было бы продолжить: в самом деле, хорватская литература, если смотреть шире, входит в общеславянскую межлитературную общность, в европейскую литературу вообще и т. д. И каждое такое «отнесение» или «включение» отдельной национальной литературы в тот или иной межлитературный контекст имеет свой смысл, объясняет и помогает понять какие-то ее особенности.

Образованная по этнолингвистическому признаку общность славянских литератур естественно разделяется на литературы восточных, западных и южных славян. Внутри каждой из этих подгрупп существуют более тесные взаимосвязи, чем между славянскими литературами, входящими в разные подгруппы, но интенсивность этих связей в разные периоды менялась в зависимости от воздействия иных факторов — религиозных, политических и прочих.

С точки зрения религии, что имело первостепенное значение на ранних стадиях формирования национальных литератур, но сохранило определенную роль и в более поздний период — вплоть до настоящего времени, наиболее обширной в славянском культурном мире является зона православия. Она охватывает русскую, украинскую, белорусскую, болгарскую, сербскую, македонскую, черногорскую культуры. Весьма значительна и влиятельна в литературном плане славянская католическая зона — от Польши, Чехии, Словакии до Хорватии и Словении. В некоторых славянских литературах, например, в словацкой, сильно воздействие и протестантского начала. А на Юго-Востоке славянского мира — в Югославии, Болгарии — добавляется мусульманская традиция. Так, в культуре Боснии и Герцеговины существуют традиции православия, католичества и ислама. Словацкий югославист З. Клатик в «Особых межлитературных

общностях, I» пишет о литературе Боснии и Герцоговины: «...создатели литературных и других художественных произведений могут свободно выбирать принадлежность к боснийской мусульманской, сербской или хорватской литературе и культуре»³.

На развитие славянских литератур ощутимо повлияли судьбы славянской государственности. История распорядилась так, что на востоке Европы уже в XVI—XVII вв. сложилось многонациональное Российское государство, ядром которого стала русская нация вместе с украинской и белорусской. Судьбы государственности западных и южных славян были более превратными. Государственные образования на территории проживания этих народов возникли достаточно рано. VII веком датируется Первое болгарское царство и государство Само, в IX в. существовала Великоморавская держава, в X веке образовалось Польское государство. Но к концу XIV столетия значительная часть южнославянских земель была захвачена султанской Турцией. В XVII в. Чехия, Словакия, Хорватия, Словения оказались под властью империи Габсбургов, а в конце XVIII в. разделы Польши между Россией, Австроией и Пруссиею разрушили самое крупное славянское государство за пределами Российской империи.

Литературный процесс не следует, конечно, напрямую связывать с проблемой государственности, с национальными суверенитетами. Первейшим отличием литературы остается язык, а государственные границы могут не совпадать с границами распространения той или иной национальной литературы. Вне национальной территории может возникнуть литература эмиграции, подчас — весьма внушительная, как русская в межвоенный период или чешская — в период после 1968 г.

Формирование национальной литературы вовсе не непременно обуславливается формированием собственной национальной государственности, но для характера литературы жизненно важно, развивается она при наличии национальной независимости или же в обстановке инонационального гнета. Далеко не безразлично и то, является данное государствоmono- или многонациональным.

Западно- и южнославянские литературы дают примеры самых разных возможных здесь вариантов. Периоды подъема и национального самоутверждения в истории этих народов, а соответственно и их литератур, чередуются с периодами чужеземного владычества и упадка, а моннациональное государство у славян — скорее исключение, чем правило. Мы уже упоминали о многонациональном Российском государстве; общем государстве русских, украинцев, белорусов и многих неславянских народов. В многонациональные государственные структуры в раз-

ное время входили: Болгария, Сербия, Македония, Черногория — в состав империи Османов, разделенная на части Польша — в состав Российской империи и империи Габсбургов.

Становление и развитие целого ряда славянских литератур (чешской, словацкой, хорватской, словенской, в некоторой части — польской и украинской) проходило в рамках Австрийской, позже — Австро-Венгерской империи.

Многонациональная империя Габсбургов, уходящая истоками в Священную Римскую империю германской нации, сформировалась в процессе противостояния европейских народов османской Турции и включала в себя австрийские, итальянские, славянские, венгерские и румынские земли. В исторической науке, особенно после второй мировой войны, оценка этого государства резко колеблется от крайне негативной до апологетической, предлагаются разные толкования «габсбургского мифа» и отношения господствующей австрийской элиты к подчиненным народам. Истина, наверное, заключается в строго историческом подходе к этой проблеме, в учете всех противоречий исторического процесса.

Австрийская империя (так она именовалась с 1804 г.) отличалась специфическим сочетанием бюрократии и милитаризма, находилась в сложных взаимоотношениях с мощными европейскими государствами: Францией, Пруссией, Россией и беспрерывно сотрясалась от внутренних конфликтов. Вместе с тем в границах Дунайской империи образовалось весьма своеобразное культурное пространство. Литература Австрии представляла собой конгломерат разных национальных литератур со сложной системой внутренних связей и противостояний. В самом деле — здесь сосуществовали литературы разных языковых групп, тяготеющие подчас к разным культурным полюсам: немецкая, итальянская, чешская, хорватская, венгерская и другие. Вряд ли был правомерно говорить о первенстве какой-либо одной литературы, настолько они были разными.

Немецкая австрийская литература представляла собой достаточно самостоятельную ветвь немецкоязычной литературы, хотя некоторые ученые, в первую очередь из ФРГ, до сих пор склонны объединять ее с литературой Германии. Своими путями развивалась итальянская литература. Индивидуальность языка способствовала обособлению венгерской литературы. И т. д. Но вместе с тем действовали и объединяющие тенденции, центростремительные силы.

«Старая Австрия,— пишет исследователь немецкой австрийской литературы Д. Затонский,— некий малый космос. Множество наций, родов, укладов, разных уровней экономического и политического бытия боролись там за самоопределение. Однако

в силу сложившихся обстоятельств до поры до времени сосуществовали, извлекая из сосуществования (и в первую очередь для австрийской культуры) не одно лишь зло»⁴.

В австрийском «литературном космосе» присутствовали литературы всех основных славянских языковых групп. Западные: чешская, словацкая, польская; южные: хорватская, словенская; восточные: украинская. Если польская и украинская литературы попадали в этот регион лишь небольшой своей частью, то другие перечисленные славянские литературы сформировались как национальные именно в контексте австрийской (австро-венгерской) государственности. При этом чешская и словацкая литературы издавна составляли особое единство, обусловленное значительной близостью языков, географическим соседством, тесными историческими и культурными взаимосвязями. Большая близость сопровождала становление хорватской и словенской литератур, однако для хорватской литературы еще более действенными, чем со словенской литературой, были связи с литературой сербской, что объяснялось в первую очередь языковым единством, а также, что, впрочем, справедливо и в отношении словенской литературы, ориентацией на Сербию как на юнославянскую страну, раньше добившуюся государственной самостоятельности.

Каждая славянская литература Дунайской империи имела свое лицо. И все же можно было бы наметить черты, общие для всей этой группы литератур в целом, общую направленность развития, сходство во взаимоотношениях с австрийской немецкой, венгерской, русской литературами. Отличительной особенностью этой общности славянских литератур можно считать относительную устойчивость связей и типологических схождений между ними при всех их подчас существенных различиях.

Ключевой для всего последующего развития славянских литератур явилась эпоха национального возрождения, хронологически исчисляемая с конца XVIII в.

Если национально-освободительное движение южных славян, находившихся под властью Османской империи, имело прежде всего форму религиозного противостояния православия и мусульманства, то славяне в Австрии, положение которых было несравненно более благоприятным, начали борьбу за свою национальную самостоятельность на поле культуры, литературы и языка, что закрепило за ними понятие народов «филологических».

Не приходится удивляться тому, что первые труды, отстаивающие ценность славянской культуры, были написаны по-немецки. Такова, например, «История чешского языка и литературы» И. Добровского, изданная в 1792 г., или более поздняя «История славянского языка и литературы по всем наречиям»

(1826) П. И. Шафарика. И. Добровский, описывая достижения чешской литературы в прошлом, еще сомневался в возможности ее возрождения, однако в XIX в. этот процесс пошел с нарастающей интенсивностью, чешский язык оказался способным успешно выполнять свою функцию во всех литературных и научных жанрах. Расширяется и сфера применения сербохорватского языка. Показательна, например, фигура австрийского генерала и выдающегося хорватского поэта П. Прерадовича, который первые свои стихи писал по-немецки, затем перешел на родной язык, стал одним из основоположников хорватского романтизма.

Стремление австрийских славян к национальному возрождению вызвало к жизни идеи славянского единства, обращало их взоры и надежды к мощному славянскому государству на востоке — к России. В воззрениях деятелей национального возрождения теории родства всех славян сочетались с тенденциями русофильства и иллюзиями о возможности обретения свободы и благополучия в рамках империи Габсбургов.

Общеславянские идеи, которые высказывались некоторыми чешскими литераторами (Я. Неедлы, М. З. Полак, Й. Юнгман) еще в конце XVIII — в первые десятилетия XX в., получили развитие и концептуальное оформление в теории «литературной взаимности» славян, разработанной Я. Колларом. Его статья «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» была опубликована в журнале по-чешски в 1836 г. и в несколько измененном виде вышла в виде книжки по-немецки в следующем году в Пеште, получив название «О литературной взаимности между различными ветвями и наречиями славянской нации».

Коллар считал всех славян единым народом, разделенным на четыре основные ветви, которым соответствуют четыре «главных» славянских «наречия» — языки чехословацкий (чешский), польский, русский и сербский. Он полагал, что каждый образованный славянин должен понимать эти основные языки и читать на них, призывал создать сеть книжной торговли и библиотек с книгами на всех этих славянских языках по всем населенным славянами территориям вне зависимости от государственных границ. Ему представлялось, что таким путем, избегая революционных потрясений и вообще политических баталий, можно укрепить не только сотрудничество, но и величие славян, добиться их равенства с самыми передовыми народами Европы.

Нет нужды специально доказывать утопичность общественно-культурной программы Коллара. Его мечты о взаимном культурном обмене и познании получили воплощение в деятельности ученых-славистов, таких например, как И. Срезневский, но лишь *изредка* находили пути к широкой читающей публике. Очевидна

и научная несостоятельность попыток Коллара свести все многообразие славянских языков к «четырем главным наречиям», вследствие чего он отрицал право на самостоятельное существование в литературе не только украинского, болгарского, словенского, но и своего родного словацкого языка. Коллар был сторонником «чехословацкого», т. е. чешского, языка как единого литературного языка чехов и словаков, не принимал растущего стремления словацких литераторов к национальному самоутверждению. И тем не менее следует в полной мере оценить прогрессивные стороны концепции Коллара, которая оказала большое влияние на развитие славянского патриотического движения и славянских литератур в Австрийской империи, на становление славистики как науки. Ведь даже и его тезис о четырех главных славянских наречиях, предполагавший развитие каждого из них и их взаимообогащение, был движением вперед по сравнению с теми его предшественниками, которые высказывались за слияние всех славянских языков в один на основе русского. Но особенно следует оценить невраждебность колларовской идеи по отношению к неславянским народам, акцент, по сути, на общечеловеческом, гуманистическую трактовку самого понятия «славянской взаимности».

С идеями Коллара во многом перекликался хорватский иллиризм в своих культурных, литературных и языковых воззрениях. Развитию хорватской литературы, укреплению ее связей с сербской способствовал заключенный иллириами в 1850 г. с сербскими культурными деятелями договор о едином сербско-хорватском литературном языке, базирующимся на наиболее распространенном в сербских и хорватских землях штокавском наречии. Иллирии полагали, что этот язык должен стать литературным и для словенцев, объединить хорватскую и словенскую литературы в единую сильную литературу в пределах Австрийской империи. Показателен творческий путь С. Враза, словенца по происхождению, который начал писать на словенском языке, а затем, восприняв идеалы иллиризма, перешел на сербохорватский, стал одним из родоначальников новой хорватской поэзии и критики. Однако как словаки не вняли увещеваниям своего выдающегося соплеменника Коллара и после языковой реформы Л. Штура перешли на свой собственный литературный язык, так и словенские писатели не последовали за Вразом: по-словенски писал выдающийся поэт Ф. Прешерн, блистательно доказав право этого языка на самостоятельную судьбу в литературе. История славянских литератур Дунайской империи наглядно показала, что их успешное развитие идет через сотрудничество, соревнование, взаимообогащение, но не через искусственную интеграцию.

Славянских писателей вдохновляли идеи национального возрождения и самоутверждения, мечты о всеобщем славянском братстве, что уже само по себе ставило их в оппозицию по отношению к австрийским властям. Вместе с тем, будучи по европейским меркам народами относительно «малыми», австрийские славяне ощущали для себя опасность и в агрессивном милитаризме Пруссии, и в крепостнической тирании Российской империи — при всех своих славянских симпатиях, не говоря уже о Турции, под жестоким гнетом которой продолжала оставаться часть земель южных славян. Все это питало тенденции австро-славизма. Так, Ф. Палацкий считал, что малые народы могут себя сохранить только в том случае, если сумеют объединиться, и ему казалось, что такое объединение возможно в рамках Австрийской империи. Отсюда его известное высказывание, что если бы Австрийской империи не было, ее надо было бы выдумать. Но суть заключается в том, что Палацкий при этом имел в виду не тогдашнюю реальную империю Габсбургов, к которой он относился резко критически, а некое воображаемое обновленное и гуманизированное федеративное государство. «Австрийская держава,— писал в 1846 г., К. Гавличек-Боровский,— это лучшая гарантия сохранения нашей и иллирской национальности и чем больше возрастет мощь австрийской империи, тем увереннее будет существование наших наций»⁵. Но национальное равноправие он не мыслил без федерации и демократических свобод.

Если бы Австрия смогла пойти по пути, за который в 1848 г. ратовали Палацкий, Гавличек и их единомышленники, она, может быть, и не пришла бы к краху 1918 г. Однако события развивались иначе. За поражением революции 1848 г., которая подняла многие подчиненные Австрии народы, последовали годы глухой реакции, усиление национального гнета, а затем и ответный рост национально-освободительного движения. Требовались какие-то новые меры и Габсбурги пошли по линии раскола подчиненных наций, выделив среди них Венгрию и переложив на нее часть забот по удержанию в узде беспокойных славянских народов: Австрийская империя превратилась в Австро-Венгрию.

Австрия, а затем и Австро-Венгрия ни в малой степени не оправдали возлагавшихся на это государство гуманистических упований. Даже и Ф. Палацкий после 1867 г. (год образования Австро-Венгрии) понял иллюзорность надежд на свободную федеративную Австрию. Как констатировал Т. Г. Масарик в своей известной работе «Чешский вопрос»: «Итак, Палацкий приходит к колларовской идее славянской взаимности... Возрожденческая политика кончается той же славянской идеей, которой она начиналась: решительным русофильством»⁶. Заметим только, что

изменение позиции Палацкого следует понимать не в том смысле, что он вообще перестал замечать негативные стороны царской России, а в том, что он окончательно разуверился в возможности позитивно решить славянский вопрос в империи Габсбургов.

Авторитарно-бюрократическая структура Дунайской империи давила на всех ее подданных, но все же для культуры сосуществование разных наций в пределах одного государства означало, воспользуемся выражением Д. Затонского, «не одно только зло». Австрийские немецкие писатели зачастую черпали сюжеты из жизни немецких народов империи. Вот наблюдение по этому поводу словацкого германиста И. Цвркала: «Государственно-политическая специфика Австрии ведет к формированию т. н. «австрийской идеологии», которая в литературе кроме всего прочего проявляется и в интегрировании культурных и исторических тем и мотивов неавстрийских народов монархии (Ф. Грильпарцер и А. Штифттер обрабатывают главным образом чешские мотивы, Н. Ленау обращается к венгерским источникам вдохновения)»⁷.

Германизация, проводившаяся в Австрийской империи, затрудняла и тормозила развитие славянской письменности, вызывая отталкивание патриотически настроенных деятелей славянской культуры от австрийской литературы, а то и от всего немецкого вообще. Известный словацкий литературовед К. Розенбаум, осмыслия историческую изменчивость чешско-словацкого литературного контекста и процесс самоутверждения словацкой литературы, пришел к следующему выводу: «Активное отдаление имеет оборонительный характер, является реакцией на давление не художественных ценностей, а внелитературных сил, которые стремятся воздействовать на характер и развитие литературы в духе своих концепций»⁸. Положение о давлении внелитературных сил можно отнести — в рамках нашей темы — к процессу отдаления славянских литератур от австрийской, но на определенных этапах — и к отдалению (эмансипации) словацкой литературы — от чешской, словенской — от хорватской. Совсем иное дело — «давление» инонациональных художественных ценностей, которое ведет не к отдалению, а, напротив, к сближению литератур. Такой процесс шел как между славянскими литературами, так и между ними (каждой из них) и австрийской литературой.

Начнем с того, что «нет худа без добра»: германизация, когда она сочеталась с просвещенческими реформами в области образования, наносила славянским литературам не только урон. Знание со школьной скамьи немецкого языка облегчало деятелям славянской культуры доступ к великой философии и

литературе на немецком языке, открывала перед ними возможность обучения в лучших университетах Австрии и Германии: Многонациональность Дунайской империи отражается на биографиях многих славянских писателей. Так, Я. Коллар, словак по происхождению, учился в Иене, был проповедником в Пеште, писал по-чешски и по-немецки, в конце жизни стал профессором славянской археологии в Венском университете. Словаком по рождению был и П. И. Шафарик, который происходил из семьи евангелистского проповедника, учился в университете в Иене, был преподавателем в сербской православной гимназии в городе Новы Сад, затем обосновался в Праге, писал по-немецки и по-чешски.

История любой из славянских литератур Дунайской империи содержит произведения критического пафоса по отношению к имперскому центру, произведения, утверждающие славянство «вопреки Вене». Но непредвзятый анализ позволяет обнаружить и немалое позитивное влияние австрийской и вообще немецкой литературы на славянских писателей. Вена была не только государственным, политическим, прославленно-бюрократическим центром монархии, но и важнейшим культурным центром европейского и мирового значения. В Венском университете учился Прешерн, увлечение немецкой поэзией не воспрепятствовало, а помогло ему стать крупнейшим поэтом словенского национального возрождения. «Венским чехом» вполне можно было бы назвать И. С. Махара, который долгие годы был чиновником в имперской столице. Погруженный в австрийскую действительность и свободно владеющий немецким языком, он мог бы стать немецкоязычным поэтом. Но, как и Прешерн, как и Прерадович, Махар выбрал для творчества свой родной язык. Однако его разяще-сатирическая по отношению к империи Габсбургов и ее порядкам, проникнутая чешским патриотизмом горько-ироническая поэзия обрела свой особый облик, опираясь на опыт как русской, так и немецкой и австрийской литературы. Вена оставила заметный след и в словенской поэзии рубежа XIX—XX веков. «Словенский модерн» и его наиболее яркие представители И. Цанкар и О. Жупанчик пришли к национальной самобытности своего творчества через усвоение уроков немецкоязычной литературы и отталкивание от нее.

Следует подчеркнуть, что практически во всех случаях, когда речь идет о влиянии на австрийских славянских писателей литературы на немецком языке, имеется в виду не только, и даже не столько собственно австрийская немецкая литература, которая к тому же в XIX веке редко достигала европейских высот, но прежде всего литература Германии: Гете, Шиллер, из мыслителей — Гердер, романтики, Гейне. Зачастую исследователи на-

зывают австрийскую литературу «мостом», по которому к славянам Австрии приходили художественные влияния других европейских литератур. На самом же деле, как правило, из которого, конечно же, могут быть отдельные исключения, славянские писатели обращались к этим литературам непосредственно. Если здесь и существовал какой-либо «мост», то им был немецкий язык и Вена (и некоторые другие австрийские города) как важный европейский культурный центр.

В пределах империи Габсбургов особое значение имели связи словацкой и хорватской литератур с литературой венгерской. Эти связи между географически соседствующими, хотя и принадлежащими к разным языковым семьям литературам существовали издавна (это прежде всего относится к венгерско-словацким связям), однако они получили новое наполнение после образования двуединой Австро-Венгрии. Хорватия и Словакия оказались в непосредственном подчинении у Будапешта, в этих славянских землях началась усиленная мадьяризация. Отношения словацкой и хорватской литератур с венгерской, как и славяно-немецкие литературные отношения в Австрийской империи, можно было бы определить как «притяжение — отталкивание». Для целого ряда писателей отправным моментом гражданской и творческой биографии становился выбор для своих произведений родного славянского языка. Так, П. Орсаг-Гвездослав свои первые стихотворные опыты писал по-венгерски и если бы он остался верен этому языку, то, не исключено, он мог стать видным венгерским поэтом. Ведь и гимназическое, и университетское образование в этой части империи было венгерским, пишущий по-венгерски получал большие возможности печататься, мог рассчитывать на более широкую аудиторию. Переходя на словацкий язык, Гвездослав заявил о себе как патриот, как приверженец оппозиции будапештским властям. Но и став деятелем словацкой литературы, он не отказался в своем творчестве от использования опыта замечательных венгерских поэтов Петефи и Араня, которыми увлекался в молодости.

Передовые деятели славянской культуры не принимали изоляционизма, напротив, они ратовали за солидарность славянских и неславянских народов Дунайской империи. Осмысливая уроки поражения революции 1848 г., Гавличек пришел к выводу, что: «Недостаточно, чтобы мы, славянские племена, были постоянно между собой связаны, необходимо искать взаимопонимания, дружеского сотрудничества, поддержки и неславянских народов, с которыми мы разделяем общую судьбу, общие устремления. Это прежде всего румыны, потом итальянцы, а отчасти и венгры»⁹. Какие бы трения ни возникали между народами многогнациональной империи Габсбургов в области политики,

государственного устройства, экономики, культуры, литература всегда оставалась объединяющим, цементирующим элементом.

Для формирования национальной литературы краеугольным является осознание своего права на особую культуру, на выражение в художественной форме на родном языке своего видения мира, чаяний и идеалов. Становлению национальной литературы способствует ее открытость инонациональному опыту, что необходимо в первую очередь не для заимствований, а для того, чтобы, сопоставляя себя с ними, вступая с ними в состязание, лучше понять самое себя. В письменности славянских народов Австрии с эпохи национального возрождения широко развертывается работа по созданию словарей и переводческая деятельность, сделавшая многие выдающиеся произведения европейских литератур доступными широким кругам славянской общественности на родном языке. Переводится литература французская (Вольтер, Ламартин), английская (Байрон) и другие.

Особо стоял вопрос об отношении к русской литературе. В уже упомянутом «Чешском вопросе» Т. Г. Масарик констатировал: «Поскольку, кроме русских, все остальные славянские народы — малые и большинство из них — под габсбургским жезлом, в политическом отношении славянский вопрос с момента пробуждения славянского самосознания неотделим от вопроса австро-русского»¹⁰. Выше уже шла речь о традиционном русофильстве австрийских славян эпохи национального возрождения, что отражалось и в литературных симпатиях. Однако эту проблему нельзя упрощать. Если в отношении к австрийской культуре у славян следует видеть не только отталкивание, но и притяжение, то соответственно в отношении к русской культуре — не только притяжение, но и отталкивание. Для многих австрийских славян и деятелей культуры был неприемлем реакционный политический режим царской России, его позиция в польском вопросе и т. д. Но подавляющее большинство славянских писателей было увлечено русской литературой. Красноречивым примером может служить чешский поэт-сатирик К. Гавличек-Боровский, блестяще высмеивавший многочисленные пороки царской империи и российской жизни и в то же время высоко ценивший творчество Гоголя, переведивший «Мертвые души».

Отпор австрийскому, а затем модифицированному австро-венгерскому гнету давал чувство общности деятелям культуры подчиненных славянских народов, укреплял дружеские чувства между чехами и южными славянами и т. д. В этой связи можно было бы привести еще один красноречивый пример характерной для австрийских (австро-венгерских) славян писательской биографии — классика украинской литературы И. Франко.

Он писал не только по-украински, но и по-польски и по-русски, активно сотрудничал в польской печати, много писал о русской и западно-европейской литературе и блестяще перевел на украинский язык все основные поэтические произведения К. Гавличка-Боровского. В свою очередь чешские и польские литераторы знали и ценили украинского поэта.

Развитие славянских литератур в рамках Австрийской империи можно было бы сопоставить с развитием итальянской литературы: эпоха национального возрождения у славян перекликается с итальянским Рисорджименто, в котором столь же тесно слились национально-освободительные и культурные устремления, борьба против абсолютизма Габсбургов и за национальную литературу.

История распада Австро-Венгрии в XX в. со всей наглядностью обнаружила обреченность государства, попирающего принцип национального равноправия и гражданских свобод. Но судьба культуры не тождественна судьбе государственного образования. Империя рассыпалась, но общим достоянием народов, входивших в нее, остались достижения ее многонациональной культуры.

Итак, славянские литературы Дунайской империи вне всякого сомнения могут рассматриваться как особенная межлитературная общность, входящая в качестве подсистемы в многонациональную литературу Австрии (Австро-Венгрии), а, с другой стороны, в общую систему славянских литератур. Длительное сосуществование в рамках одной (пусть и «двуединой») государственной структуры в статусе угнетенных наций наложило свою печать на характер этих литератур, предопределило их гражданский, по преимуществу национально-освободительный пафос, многие черты общности и процессы взаимодействия. В своей большей части это были литературы борющиеся, нацеленные на национальное самоутверждение, однако художественных вершин они достигали только тогда, когда не уходили в изоляцию, были открыты миру. Действительно ценным в этих литературах становилось то, что несло в себе как национальное, так и общегуманистическое начало, роднившее эти явления с гуманистическими тенденциями в литературах других народов Дунайской империи и всей Европы.

Отношение этого межлитературного объединения к литературам господствующей нации империи — австрийской, а затем и венгерской мы определили формулой «притяжение — отталкивание». Восходящие к гуманистической сущности культуры как таковой общие моменты во всей системе литератур Австро-Венгрии существовали вопреки неравноправному положению славянских народов, славянских национальных культур и языков. Но

невозможно отрицать, что контакты между отдельными литературами этой системы развивались и благодаря нахождению народов в одном многонациональном государстве, что в число позитивных факторов, способствовавших поступательному движению данной группы славянских литератур, входило не только противостояние австрийской (и венгерской) культуре, но и плодотворное воздействие их наиболее высоких и гуманных образцов.

Изучение славянских литератур в Австро-Венгрии как особенной межлитературной общности помогает понять характер каждой отдельной литературы, входившей в эту общность, а также некоторые важные черты всей системы славянских литератур. Вместе с тем, изучение этой особой межлитературной общности позволяет поставить ныне очень острую теоретическую проблему бытования национальной литературы и групп национальных литератур в контексте многонационального государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Durišin a kol.* Osobitné medziliterárne spoločenská 1.—Bratislava, 1987.—
^{S. 10.}
- ² История всемирной литературы в 9 тт. Т. 1.—М., 1983.—С. 9.
- ³ *Durišin a kol.* Op. cit. S. 92.
- ⁴ Затонский Д. Австрийская литература в XX столетии.— М., 1985.— С. 5.
- ⁵ *Havlíček-Borovský K.* Dilo II.— Praha, 1986.— S. 81.
- ⁶ *Masaryk T. G.* Česká otázka. Naše nynější krise.— Praha, 1948.— S. 129.
- ⁷ *Durišin a kol.* Op. cit.— S. 145.
- ⁸ Ibidem.— S. 83.
- ⁹ *Havlíček-Borovský K.* Op. cit.— S. 323.
- ¹⁰ *Masaryk T. G.* Op. cit.— S. 24—25.

Милан Покорны, Милош Зеленка

ЖАНРОВОЕ РАЗВИТИЕ СТИХОТВОРНОГО РОМАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В СВЕТЕ МЕЖЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Одной из основных методологических проблем, которые встают в связи с продолжающимся изучением межлитературных отношений, является проблема взаимосвязей конкретных — «дифференцированных» и «менее дифференцированных» (терминология Д. Дюришина) — национальных литератур, традиционно называемых, с одной стороны, «законодательными», а с другой — «подчиненными». Основным для нового подхода является критерий художественных ценностей, в создании которых полноправно участвуют обе группы литератур. Актуальность этой темы в наши дни объективно вытекает из множества не проясненных аспектов историографии отдельных национальных целостностей.

Это применимо и к состоянию исследований в области межлитературных связей европейских литератур середины XIX в., в период конституирования современных, социально зрелых национальных общностей. Характерный пример — теоретическая рефлексия жанрового развития стихотворного романа («романа в стихах»), представленного в ряду развития жанра Байроном («Дон Жуан», «Чайльд Гарольд»), Словацким («Беневский»), Мицкевичем («Пан Тадеуш»), Пушкиным («Евгений Онегин»), в чешской литературе прежде всего Пфлегером («Пан Вышинский»), в словацкой — Ваянским («Душинский») и другими. Терминологический и сущностный разнобой, связанный с этим понятием (в историко-литературной практике оно бывает близким к обозначениям «лиро-эпический рассказ» или «романтическая поэма» и т. п.¹), ведет нас к попытке более точно определить жанр стихотворного романа с точки зрения его типологических признаков в межлитературном контексте.

Под стихотворным романом мы подразумеваем синкретическую, лиро-эпическую форму, исторически возникшую в период

романтизма, фабула которой свободно складывается из множества эпизодов и ситуаций. Объединяющим принципом выступает функция рассказчика, чья — чаще всего ироническая — отстраненность от героя и повествования воплощена в виде авторских комментариев, рассуждений, рефлексий и реминисценций, отсылающих к идеально-эстетическому плану произведения. Если в современных генетических исследованиях романтическая поэма интерпретируется как «многослойная структура, отдельные компоненты которой находятся в постоянном движении, как в горизонтальном (в рамках двух и более литератур на одном отрезке времени), так и в вертикальном направлении (в рамках одной литературы в разные периоды времени)»², то такое определение относится и к стихотворному роману. Его отличие от лиро-эпического рассказа или романтической поэмы можно усмотреть в нескольких основных признаках:

1) в тематической направленности (отход от исторических или «историзирующих» тем к проблемам современного общества) и в широте эпического видения. Для данного жанра характерно отсутствие «чисто» комического или трагического материала;

2) в часто встречающихся авторских комментариях, которые порождают более выраженное разграничение персонального рассказчика и автора, в полемическом напряжении между ними складывается коммуникационно-диалогическая связь, которая, в свою очередь, подразумевает подключение читателя;

3) в смене модели «классического» романтического героя, который лишается ореола таинственности, т. е. перестает быть орудием неких высших сил. С этим связана и его локализация в конкретной национальной и социальной среде.

Генезис и существование стихотворного романа в отдельных литературах характеризуются различной степенью жанрового колебания между романтизмом и реализмом, жанр становится важным посредствующим звеном в развитии, ведущем от эпоса к современному роману; в произведения постепенно проникают элементы критического реализма (конкретность, документальность, упрощение формы, функция детали). В целом можно согласиться с наблюдением И. Г. Неупокоевой, отмечавшей тот факт, что в литературах Центральной и Восточной Европы байроновские формы эпики способствовали становлению реалистического романа³.

Решая проблемы взаимосвязей «более» и «менее» дифференцированных литератур, литературная историография не обращала существенного внимания на фазовые сдвиги и специфические условия воспринимающего литературного процесса; при таком понимании речь шла о первостепенном значении генетически

доказуемых сходств и аналогий. Завышенная оценка позитивистами понимаемого влияния создавала «методологические» предпосылки для периодизации и типологии литературных явлений на основе механически прилагаемых критериев. В рамках подобных традиционных представлений осуществлялся и критический анализ функции и места стихотворного романа Г. Пфлегера-Моравского «Пан Вышинский» — как в жанровой системе чешской литературы, так и в аспекте межлитературных отношений и связей.

В большинстве работ высказывалось мнение, что в случае с романом Пфлегера речь идет о нефункционально заимствованной, книжной, художественно не освоенной литературной инспирации, т. е. об эпигонском подражании «великим» образцам из так наз. развитых литератур (Байрон, Гете, Лермонтов, Пушкин и т. д.). Например, современник автора Неруда, давая беглую оценку роману в сатирическом памфлете «У нас» (1858), критически отозвался о космополитизме героев, в характерах которых «ничего чисто чешского не обнаруживается»⁴. Более развернуто подобные суждения были позднее высказаны в статьях И. Дурдика «О поэзии и характере лорда Байрона» (1870) и М. Здзеховского «Карел Гинек Маха и чешский байронизм» (1894), где был приведен перечень тематических повторов и заимствований из Байрона у чешских поэтов, начиная с Махи до Пфлегера включительно. Обе работы строго определяли взаимность как механическое влияние. Сходным образом оценивали «Пана Вышинского» чешские позитивисты на рубеже веков. К. Ригер считал произведение Пфлегера «плодом обширной читательской эрудиции поэта»⁵, Я. Влчек и Я. Якубец напрямую связали роман Пфлегера с Пушкиным⁶. В целом утверждалось мнение, что «добрая половина «Пана Вышинского» — это чисто исторический документ»⁷. Примечательно, что даже в 1967 г. компаративист К. Крейчи назвал свою работу, посвященную жанровой системе стихотворного романа во второй половине XIX в., «Поиски чешского Онегина»⁸.

Определенный материал для вышеприведенных точек зрения давали противоречивые высказывания самого Пфлегера, который в своих воспоминаниях и автобиографических записках то подтверждал, то категорически отрицал такое воздействие. При компаративистическом анализе авторских высказываний, различнейшими способами намекающих на связь с произведениями инонациональных литератур, необходимо принимать во внимание, что речь идет об эмпирических проявлениях внешних контактов, создающих необходимые, но лишь приблизительные предпосылки для исследования непосредственной проблематики межлитературного процесса. С этой точки зрения интересны вы-

сказывания Пфлегера, относящиеся к Байрону. Они подтверждают сознательно провозглашаемую поэтом идейную близость, которая отражается в спонтанно проявленном эстетическом восхищении основным чертами байроновской поэтики: задумчивая пейзажная лирика, меланхолическая печаль, но в то же время — революционный титанизм, страстный протест против любых форм насилия и порабощения. Сказывался определенный сдвиг в интерпретации, избирательность оценки Байрона, т. е. специфически национальная и индивидуальная форма так наз. байронизма. Если в англосаксонской (западноевропейской) сфере Байрон рассматривался как автор, стоящий между классицизмом и романтизмом, и в его творчестве подчеркивалась субъективная и аристократическая сторона (сатанизм, демонизм и т. п.), не исключающая и позы индивидуального бунта, то в центральноевропейских литературах в силу соответствующих обстоятельств поэт воспринимался как «чистый» в смысле стиля романтик, чье творчество становилось синонимом справедливой борьбы за граждансскую и национальную свободу.

Отношение Пфлегера к другой видной фигуре романтического движения, И. В. Гете, уже определенным образом связано со стихотворным романом «Пан Вышинский», и эту связь можно охарактеризовать как особую форму литературного контакта, имеющего значение так называемого негативного воздействия: «...Я перестал писать, ведь у Гете уже было выражено все, что я собирался сказать. Вышинский стал для меня неинтересен, мой Вышинский был в Вертере»⁹.

На уровне эмпирических контактов можно проследить непосредственную связь Пфлегера с «Евгением Онегиным» Пушкина с 1857 г., когда он познакомился с текстом в переводе В. Ч. Бендла. В «Биографических записках» он комментирует взгляды критики так: «Я не могу сказать, что я был последователем Пушкина: «Онегин» подтолкнул меня к «Вышинскому», это верно, но в основе «Вышинского» — совершенно другие идеи, и пресыщенность героя вызвана совсем другими причинами, чем у Онегина»¹⁰. Мы можем здесь говорить лишь об определенной форме импульса — Лермонтов, Байрон, Гете, Пушкин, Мицкевич и т. д.

При анализе текста «Пана Вышинского» мы не ставим задачу подобной интерпретации отдельных песен или установления взаимоотношений и связей с произведениями европейского романтизма. Выявление генетических и типологических признаков осложняется тем, что Пфлегер хорошо знал произведения европейских романтиков, читая их не только в переводах, но и в оригинале (нужно отметить, что для него не существовало языкового барьера); одновременно здесь проявлялось известное

осознание «романтической» традиции, модифицированной в данных условиях. В истории литературы используется удачный термин «байронизм без Байрона»¹¹.

Стихотворный роман «Пан Вышинский» вышел в 1858—1859 гг. как обширная циклическая композиция в двенадцати песнях, в ходе возникновения изменялась его концепция, а также творческая стратегия автора. С точки зрения жанра произведение по праву может быть названо романом в стихах. Мы находим в нем типологические признаки, отмеченные во введении: современная тема, эпизоды из жизни пражского общества того времени контрастно перемежаются с зарисовками из жизни чешской деревни. Если байроновский герой (корсар, разбойник, монах, цыган и т. д.) нацелен на общечеловеческий идеал и обретается в наднациональном контексте, пушкинский герой выступает представителем своей эпохи — он неразрывно связан со своей средой. Если Онегин по социальному происхождению типичен для определенных слоев русского общества, то Владимир представляет собой образец рыцарски благородного романтического героя, пересаженного в социальную действительность чешского послереволюционного общества середины XIX в.; он выходец из средних слоев, имеет гуманитарное и экономическое образование, ему недостает как раз онегинской пресыщенности, и автор характеризует его как «немодного героя».

Широта эпического видения и в концепции характеров близка романной модели в том смысле, что характеры показаны в развитии, временном и причинно обусловленном. История литературы на рубеже веков отметила отдельные параллели и тематические соответствия, но не оценила функциональность «заимствований» Пфлегера. Сюжетная схема любовного треугольника выводилась из содержательных черт характерологической близости данных персонажей. Вне анализа осталась позиция автора и функция рассказчика как объединяющего композиционного принципа на идейном и эстетическом уровне произведения.

Другие соответствия между текстом «Пана Вышинского» и возможными предтечами в европейских литературах рассматривались в связи с Пушкиным, особенно в первых шести песнях (создание характеров, заимствование сюжетной модели, распределение отдельных сцен). Инспирацию Пфлегера здесь можно связывать не только с Пушкиным, но скорее с «байронизмом без Байрона». Историк литературы Я. Влчек отметил совпадающий композиционный прием: регулярное чередование «серьезных» и «комических» сцен и эпизодов, в которых проявляется ироническая отстраненность рассказчика от изображаемых событий и самого автора. Ф. Водичка, в свою очередь, подчеркивает,

что «склонность к отступлениям... оказывается сущностной, а обращение к юмору, иронии и самоиронии, порой сатире — органично»¹². Постоянно меняется угол зрения, причем амплитуда изменения — от авторских отступлений до самоотождествления автора с героем — по сравнению с Пушкиным значительно больше.

История литературы на рубеже веков отметила и другие аналогии. Например, в отношении Байрона она указала на заимствование композиционного построения стихотворного романа, разделенного на главную линию действия и субъективные ответвления, в которых проявляется более свободный стиль рассказчика или автора («Дон Жуан», «Паломничество Чайльд Гарольда»).

«Пана Вышинского» мы уже определили как стихотворный роман по жанру и попытались во введении выделить его типологические признаки. В чешской литературе середины XIX в. формировались условия для литературной оценки современного общества на основе реальных деталей. Жанр стихотворного романа внес заметный вклад в складывание прозы нового времени; там, где существовала полярность между открытым, динамично развивающимся жанром и социальным движением, наиболее ярко проявлялась интерференция романтической и реалистической тенденции, которая нарушала нормативную стилевую «чистоту» данного жанра. Например, отсутствие классического конца в тексте «Пана Вышинского» ассоциируется с ощущением безостановочного течения жизни. Этим аспектом такие авторы, как Байрон, Пушкин, Мицкевич, Лермонтов, Пфлегер и др., выражали противоречивость своего отношения к современной действительности. Советский теоретик Г. М. Фридлендер констатировал существование вариабельной и динамичной модели общества в творчестве авторов, в жанровом отношении колеблющихся между романтизмом и реализмом¹³. Их произведения характеризовались открытостью и индивидуальностью сюжетных форм, обусловленных взаимосвязью творческой дисциплины того или иного прозаика в обработке художественного материала и объективно данной ступени социального развития. По этим причинам в чешской литературе жанр стихотворного романа распространяется в конце 50-х годов XIX в., когда в отечественном контексте укоренились наиболее значимые европейские произведения этого жанра, в том числе с помощью первых переводов И. В. Фрича и В. Ч. Бендула.

Жанр стихотворного романа выполнял несколько функций: 1) гносеологическую — делал возможным более быстрый переход от лирики к эпике, в частности в чешской литературе помогал преодолеть разрыв между зрелостью поэзии и более низкой

ступенью развития прозы, стремившейся к правдивому изображению действительности (это не значит, что мы хотели бы в родовом отношении слить эпику с прозой, а лирику — с поэзией); 1) дифференциирующую — форма стихотворного романа в европейском литературном контексте позволяла дифференцированное подойти к реальности, к художественному освоению новых жизненных условий, особенно там, где не был развит жанр современного романа; 3) типизирующую — жанр стихотворного романа давал возможность новой типизации и характеризации героев и среды: не иллюстрацией заранее данных канонов, но с помощью специфики индивидуального и национального. Композиционное соединение лирических пассажей и эпического действия достоверно представляло читателю нравственный и эмоциональный мир современного героя.

В связи с этим необходимо упомянуть о важной, жанрообразующей черте стихотворного романа — об аспекте «литературности», который, в свою очередь, ведет к ироническому снижению жанра, в крайних случаях — и к его пародированию¹⁴. Американский исследователь Мак-Гэнн в монографии «Романтическая идеология» (1983) различает три основополагающих типа романтического отношения к действительности. Наивысшим в развитии он считает романтическое в высшем смысле, т. е. отношение внутренне ироническое и саморефлексивное, которое, по его мнению, пронизывает всю эстетику романтического направления. Этот аспект, который приобретает характер инварианта, с различными модификациями можно найти в отдельных произведениях, но он усиливается в так называемом позднем романтизме, интенсивно проявляясь прежде всего в «Онегине» Пушкина и в «Пане Вышинском» Пфлегера. Аспект «литературности» здесь заключается в том, что в тексте вычленяется специфический метатекстовый слой, «в котором предметом изображения становится само литературное изображение»¹⁵.

Оценка судьбы героя и его истории происходит на фоне искусственно созданного несоответствия между сюжетом реальным (текстовым) и сюжетом, который предполагает читатель. Пфлегер как автор намеренно считается с определенным читательским ощущением литературной традиции. Его творческая стратегия вызывает полемическое напряжение относительно читателя: текст в метатекстовом плане ассоциируется с известными ожиданиями. «Вышинский» намеренно нарушает ожидаемые нормы «литературности» не только в отдельных эпизодах, но и в решении сюжетной модели, которая, в противоречии с эстетической нормой того времени, остается открытой, а потому отличается по концепции от своих «предтеч» и «образцов».

В вышеупомянутом анализе мы уже отмечали, что ироническая дистанция между героем и автором постоянно увеличивается. Одновременно автор все больше отходит от романтики в смысле бесплодных мечтаний. В результате открытость и незаконченность формы романа подчеркивает контраст двух реальностей: поэзии литературы и поэзии реальной жизни, которую нельзя обуздить художественными конвенциями и программами. В. Шкlovский, разбирая «Онегина», говорит о важной конституирующей черте: пародийном оживлении форм романа, которое указывает на новые возможности в развитии жанра¹⁶. Это положение можно отнести и к тексту «Пана Вышинского». Пусть возникновение «Пана Вышинского» было объяснено стремлением соревноваться со зрелыми литературами, или личными амбициями, заданными степенью индивидуального таланта, но интерпретация всего процесса восприятия импульсов, их трансформации и окончательного генезиса произведения является задачей, решение которой требует сосредоточенного внимания и нетрадиционных исследовательских подходов. Нельзя удовлетвориться отжившей концепцией механически разорванных литературных явлений, объединяемых на основе чистой причинности или временной последовательности. Если мы исходим из аспекта развития (имманентный эволюционный ряд литературных жанров, исторический процесс развития чешской национальной литературы или, наконец, тенденции развития чешского современного общества), мы не придем к их объяснению без тщательной и всесторонней ревизии одного из центральных понятий традиционной компаративистики — «влияния».

Вышеназванные работы, включающие стихотворный роман Пфлегера-Моравского в систему межлитературных связей, но учитывающие притом общепринятою иерархию национально-литературных единств, где создаются качественно различные группы согласно степени их «зависимости» или, напротив, «новаторства», как раз из-за этого методологического ограничения не могли удовлетворительно интерпретировать механизм функционирования межлитературных связей и их закономерностей, пока мы не считаем определяющим изучение типологических сходений при заключении, что такие суждения существуют. «Теория волн», которая объясняет конкретную историческую ситуацию в менее дифференциированной литературе отсутствием глубоких творческих личностей, до сих пор имеет приверженцев среди позитивистски ориентированных исследователей литературы. Направленность их научных усилий можно определить как центро-стремительную: от филиаций, аналогий, т. е. от возможных образцов к изучаемому произведению¹⁷. Такая констатация обладает своей логикой. Последняя требует, чтобы историография на-

циональных литератур в своем анализе исходила из внутренних критериев изолированного национально-литературного процесса — критериев, применение которых в межлитературных исследованиях оказывается проблематичным. Но именно потому, что материал национально-исторического литературного процесса создает лимитирующий фактор межлитературного исследования, необходимо, чтобы исходной точкой такого исследования было конкретное произведение как основная единица межлитературного процесса.

Стихотворный роман Пфлегера в горизонтальном аспекте (национально-литературном) восполняет отсутствующее звено в жанровом развитии форм романа в чешской литературе, одновременно расширяя выразительные возможности современной чешской эпики акцентированием позиции рассказчика, фактически его выдвижением на роль посредника между действием и читателем. И хотя это попытка, не вполне удавшаяся в художественном отношении, она имеет значение с точки зрения жанрового и тематического обогащения современной чешской эпики, причем наибольшая ценность романа Пфлегера заключается в неразделимой переплетенности этих аспектов, когда жанровое новаторство, представленное прежде всего изменением функций рассказчика в структуре произведения, непосредственно влекло за собой акцентирование актуальных проблем. Мы можем полагать, что это стало одним из стимулов более позднего, социально ориентированного творчества Пфлегера-романиста.

С вертикальной (межлитературной) точки зрения «Пан Вышинский» означает интегральную составную часть жанрового ряда стихотворных романов. Хронологическое прослеживание направленности импульсов подтверждает несостоительность теории центров и периферий. В этом ракурсе можно понимать стремление Д. Дюришина объяснить закономерности межлитературного процесса как проявление объективной динамики развития литературы, где отношения «подчиненности», «зависимости» и «влияния» не только становятся относительными, но в конечном итоге заменяются творческим актом своеобразного литературно-художественного процесса. Приведенные понятия оказываются поэтому неподходящими и излишними с точки зрения межлитературности, формулируемой Дюришиным: они не способствуют верному отражению закономерностей эволюционного процесса художественной литературы, более того — значительно искажают их (см. его вводные статьи к отдельным томам проекта «Особые межлитературные общности» и другие работы).

Докажем это положение на конкретном примере. В 1878 г. словацкий поэт и прозаик Светозар Гурбан-Ваянский опубликовал в «Народных новинах» фрагменты из первой песни своего романа в стихах «Вит». Он работал над этим произведением параллельно с окончанием сборника «Татры и море» (вышла в 1879 г.) и с созданием «стихотворного предания» «Вилин» (1883). Хотя Ваянский не закончил своего стихотворного романа (набросок вышел в 1907 г. в «Книге стихов — I» под заглавием «Душинский»), в свете изучаемой нами проблематики он представляет весомый материал для анализа.

В «Душинском» Ваянского, как и в «Пане Вышинском» Пфлегера, нельзя не отметить композиционные и сюжетные переклички с «Евгением Онегиным» Пушкина. Решающим для установления типологической связи является, несомненно, генетический фактор. Как констатировал С. Шматлак, Ваянский в этом произведении попытался создать новый стиль повествования в стихах, при котором рассказчик выдвинут «явно на первый план как организатор повествовательного потока»¹⁹, что позволило автору непосредственно выразить свое отношение к современной общественной ситуации в Словакии²⁰. Сам факт, что Ваянский (в отличие от Пфлегера) сделал объектом внимания не дворянина, по образцу Пушкина, а представителя мещанских слоев, свидетельствует о понимании возможностей, которые предлагала автору реализуемая жанровая схема. Герой Ваянского (опять в противоположность героям Пушкина и Пфлегера) — не щеголь, повидавший жизнь, а скорее одинокий, замкнутый в себе человек из народа, который в соответствии с тогдашней участью формирующегося словацкого общества скорее пассивно принимает предопределение судьбы и позволяет уносить себя «волною жизни в токе вольном»²¹. Исходная позиция героя, стилизованная таким образом, дает автору возможность проявить отношение к ней в рефлексивных пассажах, которые чередуются с повествовательными. Именно сильный национальный акцент в наибольшей степени отличает «Душинского» от произведения Пфлегера и характеризует вклад Ваянского в рассматриваемый жанровый ряд.

Пфлегер и Ваянский в личных записях аналогично признаются в знакомстве с «Онегиным» Пушкина и констатируют свою эмоциональную увлеченность этим произведением. Тем не менее, в Чехии (географически более отдаленной!) стихотворный роман, обладающий сходными жанровыми и типологическими признаками, возникает на двадцать лет раньше, чем в Словакии. К формулированию межлитературных закономерностей, которые объяснили бы причины исторически реализованного движения жанрового ряда, приблизилась Э. Панова в книге «Связи

и сопоставления»: «Для более широкого восприятия этого рода русской романтической поэзии (имеется в виду русская лиро-эпическая поэма.— М. П. и М. З.) создались предпосылки лишь в условиях возрастающей общественной дифференциации, возникновения новых жизненных позиций и мироощущений и наступления Модерны»²².

Хотя «Евгений Онегин» Пушкина был известен в Чехии и Словакии еще до того, как Пфлегер и Ваянский написали свои стихотворные романы, он воспринимался с точки зрения потребностей и возможностей развития общественного сознания того или иного народа, или его инициирующей части. Не случайно оба названных автора сделали переводы из «Онегина», но обратились к рефлексивным пассажам любовной и пейзажной лирики²³. Именно этот факт — готовность реципиента принять ту сторону импульса, которая резонировала бы с возможностями его конкретной литературной и общественной ситуации, ее структурированности, открытости и т. д., — необходимо особо подчеркнуть. То, что в Чехии такая ситуация возникла на двадцать лет раньше, чем в Словакии, явилось результатом как раз этих внутренних процессов, проходящих с неодинаковой интенсивностью и с различными акцентами на отдельных сторонах данных процессов (национальной, политической, социальной, государственно-правовой), в каждой из европейских литератур того времени.

«Душинский» Ваянского — произведение, трансформированное в смысле сюжета и темы, да и в смысле основной идеи, поскольку оно исходит из основной отечественной ситуации, отличающейся как от ситуации русской в двадцатые — тридцатые годы XIX в., так и от чешской в пятидесятые. С акцентированием национального элемента и отсутствием отечественной дворянской прослойки автор согласует и остальные детали фабулы. Что остается ценным — так это жанровый рельеф, новый способ представления автора с помощью рассказчика, лично присутствующего и участничающего в действии как его свидетель, спутник и комментатор.

Именно этот момент, очевидно, и есть главное в почти столетнем путешествии жанра стихотворного романа по Европе. Его относительно свободная структура отвечала потребности выразить позицию уже не в форме политически злободневных стихов, дидактических аллегорий и т. п. Механизм освобожденного творческого потенциала мог, однако, заработать лишь тогда, когда литературная и общественная ситуация была достаточно зрелой для такой сложной (для автора и воспринимающего) формы. (Этим, видимо, объясняется и то, что «Душинский» Вайского остался только наброском). Нельзя, следовательно, сопоставлять отдельные произведения в жанре стихотворного романа

на, например, с «Евгением Онегиным» (т. е. выражением определенной конкретной общественной и литературной ситуации); здесь играет роль, с одной стороны, современный общественно-литературный контекст, а с другой — критерии жанровой системы в целом. Иными словами: установление типологических сходств между, например, «Евгением Онегиным» и «Паном Вышинским» или «Душинским» не говорит ничего существенного о внутренней ценности конкретного произведения; напротив, выводы, определяющие место произведения в актуальной структуре национальной литературы, помогут нам отыскать его положение в межлитературных отношениях на основе обобщенных жанровых признаков.

В заключение можно подытожить: стихотворный роман появляется в определенной национальной литературе в период ее перехода от мало структурированной формы к структурно более развитой фазе, когда общесоциальный процесс, который характеризуется подъемом в кругах с выраженным национальным самосознанием, создает автору условия для отхода от предшествующих норм и когда автор, в то же время, по разным причинам не вполне идентифицирует себя с героем и держится от него на расстоянии, что выражается в иронии (самоиронии), вплоть до пародийных элементов.

Этот процесс, проходящий в отдельных европейских литературах в течение всего XIX века, мы можем проследить в вариациях стихотворного романа. Если мы рассматриваем его развитие с точки зрения межлитературного процесса, мы отметим лишь минимальное изменение жанровой модели, при выраженных изменениях его композиционных и тематических аспектов в зависимости от конкретных литературных и общественных условий. Эта закономерность межлитературного характера нуждается в дальнейшем изучении, в частности осмыслении в ряду других аналогичных явлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, в польской литературоведческой терминологии — колебание между понятиями «poemat dygresyjny» и «powiesc poetyska», а также — «ironical poem», «romantisch-ironisches Epos», «романтическая поэма» и т. п.

² Kšicová D. Poéma za romantismu a novoromantismu. Autoreferát doktorské disertace. Masarykova univerzita.— Brno, 1990.— S. 15.

³ Ср.: Heynokoeva И. Г. Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей // Европейский романтизм.— М., 1973.— С. 7—50.

⁴ Neruda J. Pan Vyšinský. Roman ve verších // Neruda J. Literatura. Sv. 1.— Praha, 1957.— S. 100.

⁵ Rieger K. Čívod ke knize G. Pflegera-Moravského Pan Vyšinský.— Praha, 1910.— S. 12.

- ⁶ Vlček J. Zpočátky naší poesie moderní // Vlček J. Z. dějin české literatury.— Praha, 1960.— S. 350; Jakubec J. Původce českého románu sociálního // Lumen, 34.— 1905—1906.— C. 1.— S. 16.
- ⁷ Cp.: Velemínský K. Gustav Pfleger-Moravský // Časopis Muzea Království českého, 77.— 1903.— S. 235—262, 473—479.
- ⁸ Krejčí K. Hledání českého Onegina // Slavia. 36.— 1967.— C. 3.— S. 383—400.
- ⁹ Pfleger-Moravský G. Životopisné zápisku básníkovy. Red. F. A. Hora.— Plzen, 1880.— S. 34—35.
- ¹⁰ Ibidem. S. 52.
- ¹¹ Cp.: Wollman S. Porovnávacia metóda v literárnej vede.— Bratislava, 1988.
- ¹² Vodička F. Mezi poezii i prózou. K funkci veršovaného románu v zanrovném systému české literatury 19. století // Česká literatura. 16.— 1968.— C. 3.— S. 257.
- ¹³ Фридлендер Г. М. О закономерностях развития жанров в эпоху реализма // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов.— М., 1968.— С. 222—243.
- ¹⁴ Аспект «литературности» теоретически разбирает Ю. М. Лотман в монографии «Пушкин» (Puškin. Praha, 1987), особенно в работе «Литература и «литературность» в «Онегине».— S. 389—404.
- ¹⁵ Ibidem.— S. 390.
- ¹⁶ Cp.: Шкловский В. «Евгений Онегин» (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина.— Берлин, 1923.
- ¹⁷ Эту тенденцию отметил В. Штепанек. См.: Stepánek V. O historický výklad historické prózy (Metodologická úvaha o knize J. Janačkové Alois Jirásek) // Česká literatura. 38.— 1990.— C. 2.— S. 167—178.
- ¹⁸ Этой темой, в частности, занимался В. Форст. Forst V. Vaijanský, Pfleger, Onegin // Slovenská literatúra. 14.— 1967.— C. 2.— S. 216—219.
- ¹⁹ Šmatlák S. Dve storočia slovenskej lyriky. Bratislava, 1979.— S. 161.
- ²⁰ Cp.: Kusý I. Mladý Vajanský. Bratislava, 1987.— S. 148—151.
- ²¹ Hurban-Vajanský Sv. Kniha veršov I. Turčianský Sv. Martin, 1909.— S. 86.
- ²² Panovová E. Vztahy a konfrontácie.— Bratislava, 1977.— S. 38.
- ²³ О положении в южнославянских литературах относительно восприятия «Онегина» Пушкина см.: Slamnig I. Hrvatski i srpski prijevodi «Evgenija Onegina» // Komparativno proučavanje jugoslavenskih knjizevnosti, 3.— Varazdin, 1988.— S. 184—187.

Соня Леснякова

ЗНАЧЕНИЕ ТИПОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ МЕЖЛИТЕРАТУРНОСТИ

Славянские литературы представляют собой специфическую литературную единицу, изучением которой литературоведение занимается уже много лет. В последнее время от параллельного изложения истории отдельных литератур, через их оценочные интерпретации в рамках наиболее значительных направлений и течений, оно переходит к пониманию их развития в «наднациональных» масштабах, к постижению того, как в них функционируют закономерности межлитературного процесса.

Об этом факте убедительно свидетельствуют первые статьи в данной книге. Д. Дюришин в исследовании о методологии изучения славянских литератур разрабатывает свою концепцию межлитературного процесса и межлитературных общностей, известную словацким и зарубежным читателям по его вводным статьям к предыдущим томам «Особых межлитературных общностей», а также по его последним статьям и книжным публикациям. Работа А. В. Липатова представляет «новое направление в славистике», которое стремится выявить общие закономерности истории славянских литератур в контексте общеевропейского литературного процесса, в определенном соотношении с методологией Дюришина. (Следует, однако, сказать, что некоторые замечания Липатова по ее поводу стали беспредметны, поскольку автор не мог знать последних работ Дюришина, в том числе и данной вводной статьи, которые во многом уточняют, дополняют и углубляют его концепцию).

Заключительная статья этого сборника должна была бы быть размышлением о значении типологического изучения славянской межлитературности. Поэтому естественно предполагается, что мы будем исходить из результатов отдельных исследований данного сборника. Проблематика рассматривается в них на конкретном материале, в его относительной полноте и хронологиче-

ской последовательности, причем в них представлены почти все славянские литературы. И хотя, к сожалению, в сборнике отсутствует специальная работа об общности литератур восточных славян, ряд вопросов восточнославянской общности, затронут однако во многих статьях, особенно у А. В. Липатова, С. В. Никольского и Л. Н. Будаговой.

Понятия «типология» и «типологический» во всех статьях сборника встречаются очень часто. Это естественно, потому что такими понятиями обозначаются либо те литературные феномены, аналогичные свойства которых появляются вследствие косвенных, трудноразличимых контактов, либо те, которые представляют собой инвариант, модель, определенный тип. Д. Дюришин говорит об этом, что «модель, тип,— не только средство для облегчения сравнительных операций, но и цель, к которой стремится изучение межлитературных закономерностей»¹.

При изучении славянских литератур можно наглядно объяснить и понять сущность такого «двухступенчатого» использования и значения данного понятия. Типологизация представляет собой, с одной стороны, «такую стадию изучения межлитературных явлений и опыта, на которой практическое наблюдение передает свои результаты теоретическому», а с другой стороны, «она со своими универсальными категориями побуждает к изучению межлитературного процесса»².

Общность славянских литератур обнаруживает такую этническую, языковую, социально-историческую близость и такие прочные культурные и литературные взаимосвязи, что мы, встречаясь при их исследовании с очевидными аналогиями, не можем однозначно утверждать, что они не обусловлены прямыми контактами, особенно в древнейший период («спонтанно» сформировавшаяся общность) и в период национального возрождения («программная» общность — термины Л. Н. Будаговой). Кроме них, при исследовании мы также находим явления, которые могут быть обусловлены соприкосновением с неславянским литературным миром, связанны с процессом литературного развития в целом. Эти факты можно установить или подтвердить, изучая славянский материал не изолированно, а лишь рассматривая его во взаимодействии с непосредственным или более отдаленным культурным и литературным окружением. (Речь идет, например, об исследовании литературы южных славян в их балканском контексте или литературы западных славян в связи с западноевропейскими литературами). Именно такое рассмотрение предлагается во Введении, и отдельные статьи данной книги — попытка его реализации.

Если бы мы при изучении славянских литератур ограничивались их собственным материалом, не учитывая результатов

взаимодействия с неславянским миром, как это в основном делалось до сих пор, нам неизбежно пришлось бы войти в противоречие с современной тенденцией в славистике, не склонной уже рассматривать славянские литературы лишь в качестве традиционной, относительно стандартной и стабильной в историко-литературном отношении общности. А. В. Липатов, например, исходит из того, что литературы славянских народов генетически и типологически с самого начала были частью общеевропейского литературного контекста, возникновение которого было связано с принятием христианства. Историческая расчлененность на византийскую и латинскую культурные области обусловила тот факт, что они «никогда не составляли конфессионального, политического, экономического, а в типологическом плане — культурного и литературного единства»³.

На «генетически-контактные связи и структурно-типологические схождения славянских литератур с главными тенденциями развития в европейских литературах» и на их последствия для формирования общности западнославянских литератур как определенного «типа» общности обращает внимание работа М. Томчика. Автор представляет в ней развитие западнославянских литератур с долiterатурных времен до современности в его пересечениях с общностями литератур восточных и южных славян. Он подчеркивает, что «чем больше открытость системы (общности — С. Л.), тем богаче и дифференцированнее типология их конкретных артефактов»⁴.

Межлитературные общности характеризуются не только «открытостью» своей системы и способностью к взаимодействию, но как раз благодаря этим своим качествам обладают также определенной изменчивостью и динамичностью проявления (Л. Н. Будагова)⁵. Бывают периоды, когда общности выглядят более сплоченными, а порой интеграция их компонентов не слишком очевидна. Это относится и к общности славянских литератур, и к ее «подсистемам» — общностям литератур южных, восточных и западных славян.

Одним из периодов более рельефного проявления общности была эпоха национального возрождения, которой специально посвящены статьи С. В. Никольского, Я. Кошки и К. Розенбаума. В первой компетентно рассматриваются попытки синтеза в славянской науке и литературе, искусстве и фольклоре того периода, а также дан обзор процессов, происходивших тогда в области жанров в европейских литературах, включая славянские. В другой представлена картина противоположных тенденций: сосуществование «конкурирующих» систем на Афоне в период раннего болгарского возрождения. Работа К. Розенбаума приоткрывает специфику словацкой литературной проблемати-

ки эпохи возрождения в сравнении не только с чешской, но и с польской и венгерской литературами, как наиболее близкими географически.

Выход за границы славянской общности, однако, необходимо иметь в виду при ее сопоставлении с ближайшим окружением не только в эпоху национального возрождения. Ведь помимо активного межславянского «обмена» ценностями, эти литературы постоянно вступают в контакты с литературами иных общностей, что в конечном итоге оказывается на общей направленности и характере европейского межлитературного процесса.

Именно при изучении связей славянских литератур с неславянскими необходимо «перенести центр тяжести с контактологического подхода на метод типологического исследования», как отмечал М. Бакош уже в 1969 г.⁶, в связи с изучением связей словацкой и венгерской литератур. Это, в общем-то, естественно, поскольку при отсутствии этнического родства, языковой близости и сходных исторических судеб установленные аналогии между славянской и неславянской литературами трудно объяснить какими-либо непосредственными контактами. Остается лишь административная точка зрения — например, существование славянских и неславянских литератур в рамках австро-венгерской государственности (С. А. Шерланмова). Изучение комплекса литератур Австро-Венгрии (не только в этом сборнике) дает много интересных и неожиданных, подкрепленных аргументами наблюдений, с точки зрения типологических аналогий различного характера, свидетельствующих о разнородных течениях в межлитературном процессе. Например такие, что литература в Австрии интегрирует культурные и исторические темы и мотивы неавстрийских народов монархии (и чешские)⁷, и наоборот, что подчиненным народам сосуществование в рамках Австро-Венгрии приносило «не одно лишь зло»⁸.

С. А. Шерланмова в своей работе, в частности, на основе сопоставления славянского и неславянского материала приходит к выводу: «Восходящие к гуманистической сущности культуры как таковой общие моменты во всей системе литератур Австро-Венгрии существовали вопреки неравноправному положению славянских народов, славянских национальных культур и языков. Не невозможно отрицать, что контакты между отдельными литературами этой системы развивались и благодаря нахождению народов в одном многонациональном государстве, что в число позитивных факторов, способствовавших поступательному движению данной группы славянских литератур, входило не только противостояние австрийской (и венгерской) культуре, но и плодотворное воздействие их наиболее высоких и гуманных образцов»⁹.

О типологических схождениях в ином аспекте говорится в статье, посвященной жанровому развитию стихотворного романа (М. Покорны, М. Зеленка). На конкретном материале делается наглядным значение типологических аналогий, которые, однако, сами по себе суть проявление не внутренней целостности сопоставленных произведений, а автохтонного развития литературы.

В кратком обзоре основных тезисов, характерных для отдельных статей данного сборника, мы хотели указать на те проблемы типологии и типологических сопоставлений, которые способствуют более глубокому постижению межлитературных общностей и лучшему пониманию закономерностей межлитературного процесса.

Что дает этот обзор для наших рассуждений о значении типологии? Разнородные проблемы, поднятые в отдельных статьях, касаются вопросов типологии и типологических схождений с различных сторон и различными способами. Все они нацелены на то, чтобы проследить динамику соприкосновений и контактов, будь то между славянскими литературами или между славянской и неславянской литературной средой. Если изучение контактов отнести к сфере эмпирических наблюдений, то можно констатировать, что не во всех статьях контакты и типологические аналогии интерпретируются как материал для теоретических обобщений и осмысления межлитературных закономерностей. В некоторых из них они выступают как самостоятельный предмет и цель исследования. Обобщения, однако, порой просто напрашиваются, хотя бы для верификации тезиса, согласно которому контакты, программный или стихийный обмен ценностями, модифицируют межлитературный процесс, приобретающий, естественно, в конкретных национальных условиях свою специфику. Например, в европейскую или мировую картину модерна и авангарда славянские литературы внесли более умеренные тона и более традиционные элементы.

Развитие славянских литератур с древнейших времен до современности доказывает, что славянская межлитературная общность представляет собой определенный исторически обусловленный анклав, с объединяющим этническим фактором. В то же время нельзя не принимать в расчет ее взаимные контакты и связи с неславянским контекстом, если мы не хотим существенно ограничить содергательное наполнение славянских литератур, их способность к взаимодействию с непосредственным и более отдаленным окружением. Это подтверждается исследованием контактов между славянскими и неславянскими литературами в рамках Австро-Венгрии, значение которых обнаруживается не только во взаимном обогащении, но и в лучшем само-

познании «в ряду других». А «открытость» общностей подкрепляет богатство и дифференцированность типологии «конкретных артефактов».

Эпоха национального возрождения (вторая половина XVIII — значительная часть XIX в.) чрезвычайно значима для многих славянских литератур и приносит с собой интенсивные взаимные контакты. Сами по себе они не были бы особенно существенны, поскольку не всякая, даже интенсивная, коммуникация между литературами должна быть «движущей силой их развития»¹⁰. В данный период, однако, контакты и обмен ценностями стали импульсом развития, который проявился, например, в области жанров, причем не только в славянских литературах, но и в общеевропейском контексте. В традиционные античные жанры постепенно «вливается» новое содержание; в случае со славянскими литературами — славянское, отчего они приобретают «славянскую окраску» и «славянский акцент»¹¹. С другой стороны, в славянские литературы проникает с запада жанр романтической поэмы (иногда приобретающей характер лиро-эпического повествования или стихотворного романа)¹².

Такое взаимное перекрецывание литератур свидетельствует о творческом «созвучии» их представителей, что и позволяет выделить типологические признаки этого жанра в межлитературном контексте. Необходимо, однако, подчеркнуть, что выявление типологических схождений между отдельными произведениями еще не говорит ничего существенного об их собственной внутренней ценности. Последняя зависит от значимости данного произведения в контексте развития отечественной литературы, которая вновь помогает включить произведение в межлитературный процесс и тем обогатить упомянутую «типологию конкретных артефактов».

Выделение типологических признаков не только жанра, но и произведения как целого выходит за рамки национально-литературного аспекта исследования. Но при обнаружении типологических схождений и связей преодолевается также «ограниченная компетенция классификационного анализа явлений, их взаимного уподобления, связанного с такой оценкой, при которой центральную роль играет момент «зависимости» и «влияния». С типологической точки зрения гегемонистский аспект литературного произведения не существует. Иррелевантна здесь и точка зрения хронологического приоритета»¹³.

Многие исследования подтвердили справедливость таких констатаций. Из частных наблюдений и синтезирующих обзоров можно сделать вывод о том, что «менее дифференцированные» литературы отнюдь не являются «отблеском» «дифференцированных», ибо благодаря своей специфике они вносят соответ-

вующий вклад в межлитературный процесс как в рамках общности, так и за ее пределами. Ни синхронность развития, ни степень дифференцированности литератур не являются, следовательно, обязательными регуляторами межлитературного процесса. Обобщенные характеристики одних литератур нельзя механически переносить на другие, поскольку литературный процесс обладает собственными закономерностями, объективно обусловленной направленностью развития. К пониманию этих закономерностей нас как раз и приводит типологическое изучение литератур. Правда, при том условии, что контакты и связи между ними мы будем оценивать не только с позиций национальной литературы, но и будем видеть в них следствие объективных закономерностей межлитературного процесса. Ведь его категории, исходящие из материала национальных литератур, все же «своими выводами непосредственно направлены на обобщения межлитературного характера»¹⁴.

Можно сказать, что общность славянских литератур изначально характеризуется относительно стабильными контактами, которые позже дополняются типологическими связями, постепенно приобретающими доминирующее значение. Иначе говоря, типология обнаруживает себя тем сильнее, чем менее компактна общность и чем слабее интенсивность контактов в ее собственных рамках и вне ее. Материал сборника также показывает, что типологический подход сулит большую отдачу при изучении славянских литератур в их связях с неславянскими и менее продуктивен при изучении литературного взаимодействия в рамках общности одних только славянских литератур.

Значение типологии, однако, заключается не только в том, что она является одной из целевых программ изучения межлитературных связей. Установление определенной близости или аналогий должно привести к ответу на вопрос, какова функция этих связей в процессе литературного развития в целом. О. Чепан в статье «Связи в развитии литературы» отмечает, что литературное произведение возникает в «сообщающемся треугольнике»: автор — реальная действительность — жизнь литературы. Писатель, следовательно, «реагирует в рамках своих личных предпосылок (таланта) как на социально-материальную действительность, так и на идеально-эстетическую реальность избранной системы выражения... Автор, а вместе с ним и контекст национальной литературы отнюдь не ограничены непосредственной картиной окружающей действительности, но могут черпать импульсы и из парадигматического источника литературного опыта человечества»¹⁵.

При таком понимании преемственного литературного развития типологизация как таковая, собственно,

представляет собой «движение к межлитературности», или к установлению закономерностей межлитературного процесса. Внести вклад в подобное видение славянской межлитературности и общности славянских литератур — такова была главная задача данного сборника в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Durišin D. Typológia ako teória a metodológia // Durišin D. a kol. Systematika medziliterárneho procesu.— Bratislava, 1988.— С. 29.

² Ibidem. S. 34.

³ Липатов А. В. Общие литературные закономерности и славянские литературы. Новое направление в славистике и концепция Д. Дюришина. С.

⁴ Томчик М. Основные особенности межлитературного контекста у западных славян. С.

⁵ Будагова Л. Н. Некоторые современные аспекты изучения славянских литератур. К проблематике динамичности межлитературных общностей.

⁶ Bakoš M. K problémom špecifickosti vztáhov slovenskej a maďarskej literatúry // Tradície a medziliterárne vztáhy.— Bratislava, 1972.—S. 12.

⁷ Čvrtkal J. Fenomén literatúry v nemeckom medziliterárnom spoločenstve // Durišin D. a kol. Osobitné medziliterárne spoločenstvá I.— Bratislava, 1985.— S. 145.

⁸ Затонский Д. В. Австрийская литература в XX столетии.— М., 1985. С. 5.

⁹ Шерлаимова С. А. Славянские литературы в контексте австро-венгерской государственности. С.

¹⁰ Bernštejnová I. A. The study of National and World Literature // Slavica Slovaca. 18.— 1983.— С. 2.— S. 172.

¹¹ Никольский С. В. Межлитературная славянская общность и проблемы синтеза в литературах эпохи национального возрождения. С.

¹² Покорны М., Зеленка М. Жанровое развитие стихотворного романа во второй половине XIX в. в свете межлитературных связей

¹³ Durišin D. Teória medziliterárneho procesu.— Bratislava, 1985.— С. 104.

¹⁴ Durišin D. Oblast' medziliterárneho procesu // Systematika medziliterárneho procesu. Bratislava, 1988.— S. 43—44.

¹⁵ Čepan O. Vztáhy v literárnom vývýne // Slavica Slovaca. 14.— 1979.— С. 4.— S. 364, 366.

в

Юрий Богданов

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ МЕЖЛИТЕРАТУРНОСТИ (Вместо заключения)

Фактор этнического родства славянских народов, их языковой и географической близости был и остается постоянной константой, которая позволяет рассматривать славянские литературы на всем протяжении истории в качестве самобытной динамической общности — со своей спецификой внутренних взаимоотношений и своими особенностями взаимодействия с неславянским литературным окружением. И если взаимосвязанность обоих аспектов очевидна, то их изученность далеко не одинакова. Национально-литературная и замкнуто славяноведческая проблематика до сих пор явно доминировала в научных исследованиях, порождая подчас то обманчивое ощущение самодостаточности, которое не без горечи определяется авторами этого сборника как устоявшаяся «практика частичного и изолированного изучения» (Д. Дюришин) или — еще сильнее — «преобладание литературоведческого провинциализма» в славяноведении (А. Липатов).

Парадокс состоит в том, что сами славянские литературы, взятые как некое целое, уже в XIX и тем более в XX вв. вполне освобождаются от комплекса вторичности, активно участвуя в формировании общезначимых художественных ориентиров и критериев. Один только перечень славяноязычных лауреатов Нобелевской премии, открывающийся Буниным и продолженный Андричем, Пастернаком, Шолоховым, Солженицыным, Милешем, Сейфертом и Бродским, дает пусть не полное, но достаточно красноречивое представление об органической включенности славянских литератур в мировой литературный процесс XX в. Иными словами, «изолированность», «провинциализм» изучения отнюдь не диктуются предметом изучения и обязаны своим происхождением скорее причинам субъективного, чем объективного порядка. В 1920—1930-х гг. в России, а с конца 1940-х гг. и в

других славянских странах славяноведение, включая литературоведческую славистику, испытalo сильнейшее деформирующее воздействие волюнтаристской идеологии, в рамках которой «этнический фактор» по сути рассматривался как досадный пережиток прошлого со всеми вытекающими отсюда последствиями. Химерическая идея ассимиляции наций, схоластическая доктрина пролетарского интернационализма, вульгаризаторское расщепление национальных культур по классовому признаку — все это и многое другое наложило печать на развитие славяноведения во второй половине XX в. В подобных условиях «практика частичного и изолированного изучения» нередко становилась естественным прибежищем собственно научных исследований. Речь, таким образом, идет — и настоящий сборник статей, хочется надеяться, является тому подтверждением — не об отказе от живой и, к счастью, не оборвавшейся традиции конкретных, основанных на фактическом материале разработок, а о преодолении инерции ложных и конъюнктурных представлений, навязывавшихся исследователям «единственно научной» методологией.

Литературоведческой славистике предстоит освоиться в новой ситуации, характерной особенностью которой является повсеместно происходящий процесс очередной самоидентификации славянских литератур, восстановления ими своего естественного внутренненационального контекста. Понятно, что этот процесс далеко не ограничивается публикацией тех или иных, ранее запрещенных, «пропущенных» произведений или перепечаткой книг, созданных в свое время писателями-эмигрантами. Восстановление контекста подразумевает и соответствующее очищение историй литератур от вульгарно-социологических построений, от тенденциозной выборочности в подходе к национальной классике, от сведения учительско-пророческой миссии литературы к утилитарно истолкованной, воспитательной функции и т. п. Регенерация славянских литератур и общее оздоровление исследовательской атмосферы создают и более благоприятные условия для изучения той разветвленной и многоуровневой сферы литературных связей и отношений, которая в данной книге рассматривается в свете теории межлитературности, разработанной Д. Диришиным.

Программно утверждаемый принцип осмыслиения межлитературного процесса в широких пространственных и временных категориях в высшей степени соответствует глобальной тенденции взаимопроникновения и взаимооплодотворения культур, набиравшей силу на протяжении всего XX в., но особенно усилившейся в последние десятилетия. «Дело идет от суммы национальных и региональных монологов к всемирной многоголосице третьего тысячелетия, к «единству не как природному, одному-

единственному, а как диалогическому согласию несляянных двух или нескольких» (Бахтин) ¹. Диалогический контекст межлитературности, в конечном счете определяющий природу мировой литературы как единого, взаимосвязанного целого, и составляет тот новый угол зрения, под которым стремились рассматривать славянские литературы авторы настоящего сборника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бахтин Л. Неуютность культуры // Литературный альманах Метрополь.— М., 1991.— С. 598.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Диониз Дюришин)	3
Диониз Дюришин. Методология изучения межлитературной общности славянских литератур (пер. Л. Широковой)	5
Александр Липатов. Литературный процесс в оптике исторической поэтики (Новое направление в славистике и концепция Д. Дюришина)	22
Людмила Будагова. Некоторые современные аспекты изучения славянских литератур (О динамике межлитературных общностей)	44
Милош Томчик. Основные особенности межлитературного контекста у западных славян (пер. Л. Широковой)	60
Сергей Никольский. Межлитературная славянская общность и проблемы синтеза в литературах эпохи национального возрождения	76
Карол Розенбаум. Функция межлитературности в словацкой литературе национального возрождения (пер. Л. Широковой)	90
Ян Кошка. Афон как особая межлитературная общность конкурирующих систем в раннем болгарском возрождении (пер. Н. Шведовой)	103
Светлана Шерлаимова. Славянские литературы в австрийском (австро-венгерском) контексте	121
Милош Покорны, Милош Зеленка. Жанровое развитие стихотворного романа второй половины XIX в. в свете межлитературных связей (пер. Н. Шведовой)	135
Соня Леснякова. Значение типологии при изучении славянской межлитературности (пер Н. Шведовой)	148
Юрий Богданов. Диалогичность межлитературного контекста. (Вместо заключения)	156

Научное издание

Специфика литературных отношений.
Проблемы изучения общности славянских литератур

Сборник статей

Рукопись сборника подготовлена к печати
в Редакционно-издательской группе ИСБ РАН

Подписано в печать 22.06.93. Усл. печ. л. 9,3.
Тираж 400 экз. Цена договорная. Заказ № 887/113

Типография АО «НИИТавтотранса».
Отпечатано в типографии «Московский печатник»

80294

RU